

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 16, № 3

Июль – сентябрь 2023

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова, А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

16 +

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 16, No. 3

July – September 2023

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriluk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova, A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriluk

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov

PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Белоножко М. Л., Барбаков О. М., Михалевич И. Я. Сравнительный анализ удовлетворенности медицинскими услугами (на примере Тюменской области)	9
Галкин К. А. Влияние одинокого проживания на установки пожилых людей в отношении здоровья	24
Конев Ю. М., Третьякова О. В., Баикина Ю. О. Социальный контроллинг	35
Макарова Г. И. Акторы развития нестоличных промышленных городов: теоретико-методологические подходы к исследованию	51
Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Внешнеполитические интересы и роль России в мире глазами студенческой молодежи	68
Скифская А. Л., Мехришвили Л. Л., Шестаков С. А. Формирование и развитие государственно-частного партнерства	83
Шабатура Л. Н., Омелаенко Н. В., Яцевич О. Е. Признаки стресса у студентов: на основе анкетных данных обучающихся Тюменского индустриального университета	98

CONTENTS

Belonozhko M. L., Barbakov O. M., Mikhalevich I. Ya. A comparative analysis of satisfaction with medical services (a case study of Tyumen region)	9
Galkin K. A. The impact of living alone on older people's attitudes to health	24
Konev Yu. M., Tretyakova O. V., Baikina Yu. O. Social controlling	35
Makarova G. I. Actors in the development of non-capital industrial cities: theoretical and methodological approaches to research	51
Rozhkova L. V., Dubina A. Sh. Students' opinions on the foreign policy interests of Russia and its role in the world	68
Skifskaya A. L., Mehrishvili L. L., Shestakov S. A. Formation and development of public-private partnership	83
Shabatura L. N., Omelaenko N. V., Yatsevich O. E. Signs of stress among students: a case study of questionnaire data from the students of the Industrial University of Tyumen	98

УДК 316.334:61

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-9-23

Сравнительный анализ удовлетворенности медицинскими услугами (на примере Тюменской области)

М. Л. Белоножко¹, О. М. Барбаков^{1*}, И. Я. Михалевич²

¹*Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия*

**omb@bk.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты социологических исследований мнения населения Тюменского региона по проблематике функционирования региональных учреждений здравоохранения, удовлетворенности эффективностью государственного бесплатного медицинского обслуживания, готовности к использованию платных медицинских услуг в рамках социальной политики Российской Федерации. Авторы выявили различия в оценках разных групп населения, дифференцируемых по возрасту, региону проживания, уровню материального благополучия, самооценке своего здоровья, хотя в целом подавляющее большинство респондентов негативно оценивают качество бесплатного медицинского обслуживания. В качестве одного из методов исследования использовался дискриминантный анализ, который показал достаточно четкое прогнозирование принадлежности жителей к группе потребителей бесплатного медицинского обслуживания, в то время как точность прогнозирования пользования платным медицинским обслуживанием оказалась чрезвычайно низкой. Это объясняется тем, что обращение к платным медицинским услугам в настоящее время пока не закономерно развивающийся процесс, а необходимость из-за достаточно низкого в некоторых случаях качества бесплатных медицинских услуг. В статье был обоснован тезис о том, что население Тюменского региона не готово принять серьезные изменения в сфере здравоохранения, хотя пользователей платных медицинских услуг становится больше. Но затруднения с переходом на платное медицинское обслуживание существуют, так как достаточно большое количество жителей не могут себе позволить пользоваться платными услугами и выбирают или вынуждены выбирать бесплатную медицину.

Ключевые слова: социальная политика, система здравоохранения, платные и бесплатные медицинские услуги, медицинские учреждения, потребители платных медицинских услуг, дискриминантный анализ

Для цитирования: Белоножко, М. Л. Сравнительный анализ удовлетворенности медицинскими услугами (на примере Тюменской области) / М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков, И. Я. Михалевич. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-9-23 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 3. – С. 9–23.

A comparative analysis of satisfaction with medical services (a case study of Tyumen region)

Marina L. Belonozhko¹, Oleg M. Barbakov^{1*}, Irina Ya. Mikhalevich²

¹*Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*University of Tyumen, Tyumen, Russia*

**omb@bk.ru*

Abstract. The article presents the results of sociological research on the opinion of the population of Tyumen region on the functioning of regional health care institutions, satisfaction with the effectiveness of free state medical care, willingness to use paid medical services within the framework of the social policy of the Russian Federation. The authors found differences in the assessments of different groups of the population, differentiated by age, region of residence, level of material well-being, self-assessment of their health, although in general the vast majority of respondents assessed the quality of free medical care negatively. Discriminant analysis was used as one of the research methods, which showed a fairly clear prediction of whether residents belonged to the group of consumers of free medical care, while the accuracy of predicting the use of paid medical care turned out to be extremely low. This is explained by the fact that the use of paid medical services is currently not a naturally developing process, but simply a necessity in the presence of a rather low quality of free medical services in some cases. The article supports the thesis that the population of Tyumen region is not ready to accept serious changes in the health care system, despite the fact that the number of users of paid medical services is growing. However, there are difficulties for residents in making such a transition, as a significant number of them cannot afford to use paid services and choose, or are forced to choose, free healthcare.

Keywords: social policy, health care system, paid and free medical services, medical institutions, consumers of paid medical services

For citation: Belonozhko, M. L., Barbakov, O. M., & Mikhalevich, I. Ya. (2023). A comparative analysis of satisfaction with medical services (a case study of Tyumen region). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 9-23. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-9-23

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена высокой значимостью развития российской социально-экономической политики, к которой относятся такие приоритеты, как здравоохранение, жилье и образование. Наиболее четкие маркеры (или индикаторы) здоровья населения — это показатели его социального благополучия, отражающие национальные, институциональные, технологические, политические, экономические, исторические и другие ключевые и системообразующие факторы развития общества.

Прежде чем провести анализ вышеуказанной проблемы, необходимо разделить медицинские услуги, предоставляемые населению, на 2 группы:

1 группа — бесплатные медицинские услуги, предоставляемые в рамках программы обязательного медицинского страхования (ОМС);

2 группа — платные медицинские услуги, предоставляемые за счет средств граждан или за счет средств предприятий в рамках добровольного медицинского страхования (ДМС).

Стоит отметить, что, по данным Минздрава России (расчет Росстата), ежегодно растет количество заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни. Заболеваемость населения по основным классам болезней к 2021 году достигла максимума за рассматриваемый двадцатилетний период.

Функционирование системы здравоохранения происходит в русле социально-экономической политики, проводимой в стране. Начало реформ в здравоохранении совпало по времени с политическими, экономическими, социальными, социокультурными переменами 1990-х годов, которые внесли серьезные коррективы в способы существования и жизнедеятельности различных слоев населения. Противоречия между не

прекращающимися на протяжении последних десятилетий в России процессами реформирования здравоохранения и сравнительно малыми положительными социальными результатами их осуществления в системе здравоохранения определяют актуальные задачи заявленной проблематики.

В современных условиях в России функционирует смешанная государственно-рыночная система, в которой присутствуют компромиссы как со стороны рынка, так и со стороны государства [1].

Сегодня, для того чтобы обеспечить конституционные права российских граждан, постановлением правительства Российской Федерации (РФ) утверждена и реализуется программа государственных гарантий оказания медицинской помощи, в которой представлен обязательный список бесплатных услуг, что дает возможность гражданам воспользоваться ими в случае заболевания, несчастных случаев и других аналогичных ситуациях.

С другой стороны, в РФ имеется и платная медицинская помощь, и тогда в оплате необходимых медицинских услуг участвует сам гражданин или предприятие, на котором он работает.

Таким образом, государственная политика, которая направлена на повышение эффективности деятельности системы здравоохранения, декларирует увеличение вкладов на ее функционирование, что не всегда по силам имеющимся финансовым ресурсам. Тогда в условиях роста неудовлетворенности населения качеством бесплатных медицинских услуг на помощь государственным структурам здравоохранения приходят рыночные механизмы, и это служит дополнительным источником преодоления негативного отношения населения к государственным структурам здравоохранения [2, 3].

Объект и методы исследования

Исследование было проведено в 2006–2021 гг. на территории Тюменского региона (в том числе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО)). Всего было опрошено 16 640 человек в возрасте от 18 лет и старше. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население трех субъектов Российской Федерации: Тюменской области, ХМАО — Югры, ЯНАО. Использовался метод анкетирования респондентов, при обработке результатов социологического исследования был построен ряд статистических распределений их ответов. В исследовании было выявлено отношение населения к платным и бесплатным медицинским услугам.

Результаты и обсуждение

По результатам проведенного социологического исследования можно отметить, что большинство респондентов Тюменской области не удовлетворяет медицинское обслуживание в регионе [4]. Были получены достаточно однозначные ответы, характеризующие явную неудовлетворенность отечественной системой здравоохранения. В 2021 году удовлетворенность населения государственным медицинским обслуживанием составила в среднем 19–24 % опрошенного населения (рис. 1).

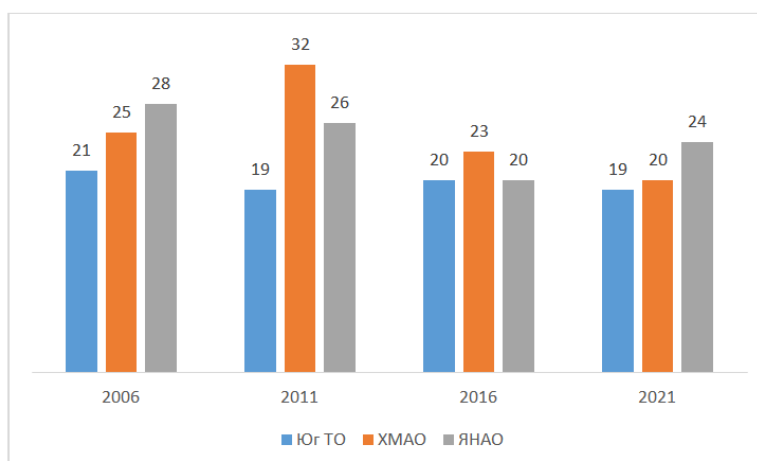

Рис. 1. Удовлетворенность населения государственным медицинским обслуживанием (в % к числу опрошенных)

Несмотря на тот факт, что 20 % опрошенных респондентов уверяют, что состояние региональной системы здравоохранения в целом их удовлетворяет, остальная часть населения Тюменского региона недовольна ее качеством. Основными причинами такой неудовлетворенности они назвали затруднения с доступом к врачу, огромные очереди, выписку дорогостоящих и труднодоступных лекарственных препаратов, неэффективные рецепты и рекомендации, которые помогают редко (рис. 2).

Рис. 2. Неудовлетворенность населения государственным медицинским обслуживанием (в % к числу опрошенных) (2021 г.)

Но, несмотря на высокий уровень неудовлетворенности государственным медицинским обслуживанием, большая часть населения России выступает против попыток реализации рыночных отношений в медицине. Предполагается, что сложившийся в советскую эпоху стереотип, что здоровье не может быть предметом товарно-денежных отношений, предопределяет негативное отношение к представителям коммерческого сектора медицины [5].

Исходя из данной проблемы, было проведено эмпирическое исследование, в рамках которого были выделены факторы, определяющие готовность населения Тюменской области пользоваться платными медицинскими услугами. Была определена основная задача проведения более углубленного анализа полученных эмпирических данных, связанных с тематикой и особенностями рынка платных медицинских услуг в Тюменской области; оценки доли обращений в учреждения платного и бесплатного здравоохранения; построения модели потребительского поведения на рынке платных медицинских услуг [6].

Как видно из таблицы 1, за 10 лет наблюдений (2006–2016 гг.) в Тюменской области доля респондентов, которые пользовались платными услугами, снизилась с 28 до 22 %. И только в 2021 году она увеличилась.

Таблица 1

Динамика обращений в медицинские учреждения (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2006 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.
Обращались только платно	28	23	22	32
Обращались только бесплатно	64	62	62	51
Обращались и платно, и бесплатно	3	5	5	7
Не обращались в медицинские учреждения	5	10	11	10

На наш взгляд, вполне возможным фактором, влияющим на такую ситуацию, является изменение качества бесплатной медицинской помощи в худшую сторону. Стартовавший в 2006 году приоритетный национальный проект «Здоровье» несомненно отразился на качестве региональной политики в области здравоохранения. В рамках этого проекта были разработаны программы, повышающие качество и доступность медицинских услуг. Можно отметить, хоть и небольшой (на 4 %), рост числа тех, кто стал обращаться и платно, и бесплатно. Предположительно, рост по данному направлению обеспечивается за счет уменьшения процента населения, обращающегося только бесплатно.

В процессе проводимого социологического исследования были проанализированы предпочтения группы населения по уровню материального благополучия.

Исходя из числа опрошенных по каждой группе, было выявлено, что малоимущее население (денег не хватает, чтобы удовлетворить повседневные потребности и осуществить покупку одежды) и люди со средним достатком в основном предпочитают обслуживаться в поликлинике по месту жительства и не платить за это из собственного кармана. И в той, и в другой категории 28 % все же готовы платить за медицинские услуги и делают это чаще всего в больницах или специализированных учреждениях, в кабинете частного врача. Люди с высоким уровнем достатка также преимущественно

обращаются за медицинской помощью на бесплатной основе (67 %), но процент готовых самостоятельно оплачивать медицинские услуги гораздо выше, чем в предыдущих группах, и составляет 41 %.

В обобщенной диаграмме на рисунке 3 представлено распределение ответов на вопрос о готовности самостоятельно оплачивать медицинские услуги в зависимости от уровня материального благополучия.

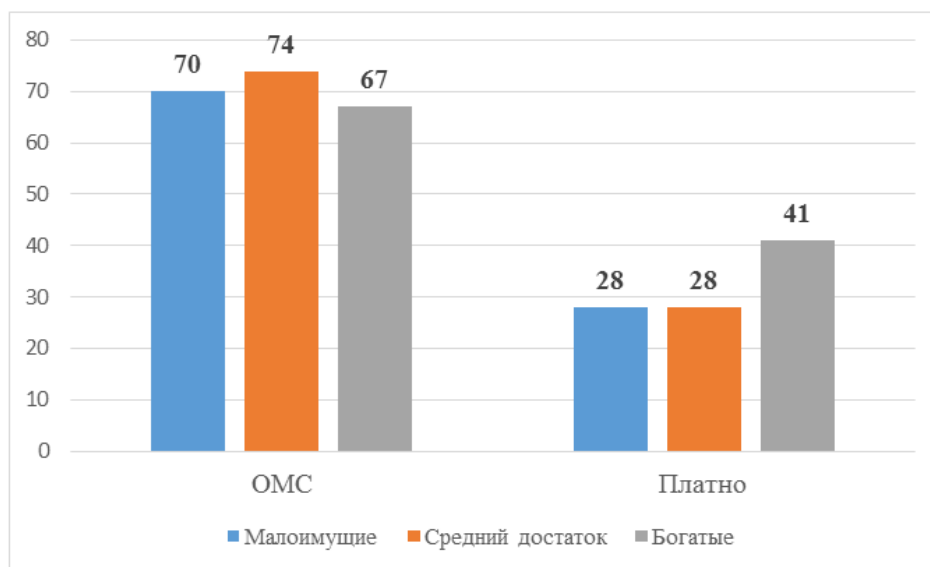

Рис. 3. Обращение за медицинской помощью среди респондентов с различным уровнем материального благополучия (в % к числу опрошенных) (2021 г.)

Всего 26 % опрошенных в возрасте до 30 лет выбирают медицинские услуги в рамках ОМС. Люди более взрослого поколения (от 30 лет и старше) наименее склонны к обращению в медицинские учреждения на платной основе (от 30 до 51 года — 31 %; старше 51 года — 30 %).

Социологическое исследование показало, что жители ХМАО — Югры, ЯНАО и юга Тюменской области в основном обслуживаются в поликлинике по месту жительства и не тратят свои собственные средства. Но некоторые группы населения готовы к принятию того факта, что для повышения эффективности медицинского обслуживания необходимо использование платных медицинских услуг [8].

Жители ХМАО — Югры и ЯНАО преимущественно выбирают бесплатное медицинское обслуживание (79 и 69 % соответственно), но также готовы прибегнуть к коммерческой медицине (24 % опрошенного населения в каждой из групп).

В обобщенной диаграмме на рисунке 4 представлено распределение ответов на вопрос о готовности самостоятельно оплачивать медицинские услуги в зависимости от региона проживания.

Самый большой процент выбора учреждений, предоставляющих услуги в рамках ОМС, отмечен в ХМАО — Югре. Самый меньший процент — на юге Тюменской

области. В то же время жители юга Тюменской области гораздо чаще пользуются медицинскими услугами на платной основе (38 %).

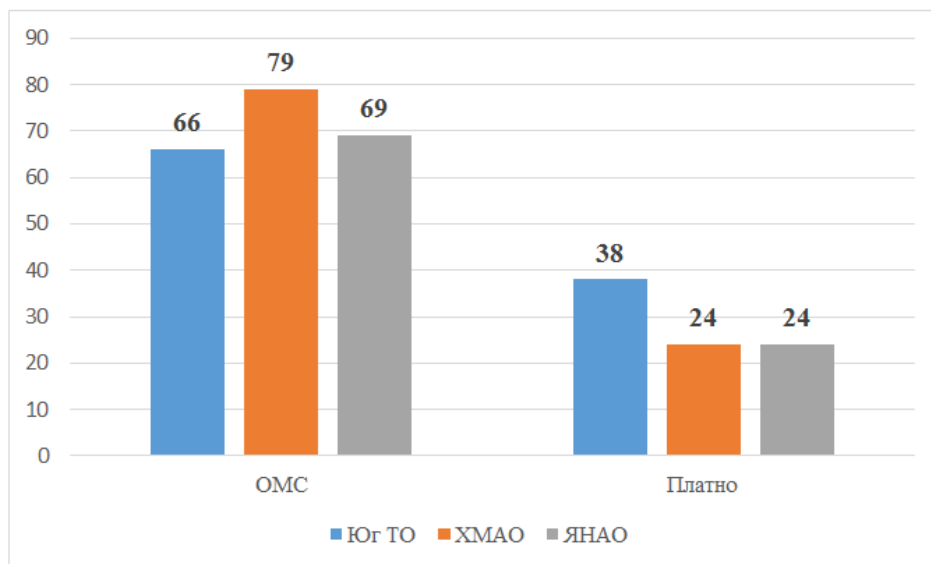

Рис. 4. Обращение респондентов за медицинскими услугами (в % к числу опрошенных) (2021 г.)

Среди факторов, влияющих на выбор медицинских услуг на платной основе, можно выделить состояние системы здравоохранения в конкретном регионе, включающее количество, качество и доступность предоставляемых услуг; уровень личного благосостояния потенциального клиента медицины; самооценку здоровья; половозрастные особенности населения. Для оценки перспектив развития рынка платных медицинских услуг построена дискриминантная модель потребительского поведения.

Дискриминантный анализ определяет, какие характеристики или независимые переменные различают совокупности объектов для их исследования отдельно друг от друга.

В рамках социологического исследования проведенный дискриминантный анализ дал возможность выделить ключевые признаки, разделяющие 2 группы: 1) потребители бесплатного медицинского обслуживания (жители получали медицинскую помощь в поликлинике по месту жительства); 2) потребители платного медицинского обслуживания (получение медицинских услуг в специализированном учреждении, в кабинете частного врача).

В качестве исходных признаков (независимых переменных), влияющих на потребительское поведение населения Тюменской области в сфере здравоохранения, были исследованы следующие характеристики [10]: оценка состояния собственного здоровья; время, затрачиваемое на дорогу до ближайшего учреждения здравоохранения; степень уверенности/неуверенности в своем будущем; степень удовлетворенности своей жизнью в целом; субъективная оценка материального положения семьи; наличие на основной работе подчиненных; употребление алкогольных напитков; отношение к го-

сударственному медицинскому обслуживанию; наличие и количество детей в семье; уровень образования; гендерная принадлежность; возраст; тип поселения.

В результате при помощи дискриминантного анализа были рассчитаны коэффициенты дискриминантной функции, которые позволили четко разделить обозначенные выше группы населения по значениям этой функции: потребители платного и бесплатного медицинского обслуживания.

Прежде всего была проведена оценка всех отмеченных выше исходных признаков, для того чтобы выявить значимость различия этих переменных в обеих группах. В процессе расчетов было выяснено, есть ли разделяющие (дискриминирующие) особенности. Это дало возможность осуществить классификацию населения Тюменской области по 2 группам. Данный тест продемонстрировал существенное значимое различие между этими группами ($p < 0,05$) по таким переменным, как тип поселения, время, затрачиваемое на дорогу до ближайшего учреждения здравоохранения, отношение к государственному медицинскому обслуживанию, социальный статус, оцененный по наличию подчиненных, и образование. А вот по остальным переменным статистически значимых различий между потребителями платной и бесплатной медицины не наблюдается, что свидетельствует об их невысоких разделяющих (дискриминирующих) способностях.

Среди всех внесенных в анализ переменных производился пошаговый отбор, где в качестве критерия отбора использовалась вероятность F со значением 5 % для включения в дискриминантную модель. На каждом шаге включалась переменная, минимизирующая индикатор «лямбда Уилкса». Результаты отбора представлены в таблице 2.

Таблица 2

Введенные переменные

Шаг	Введенные переменные	Лямбда Уилкса	Точное значение F	Знач.
1	Отношение к государственному медицинскому обслуживанию	0,978	36,958	0,000
2	Тип поселения	0,960	33,582	0,000
3	Наличие на основной работе подчиненных	0,953	26,792	0,000
4	Время, затрачиваемое на дорогу до ближайшего учреждения здравоохранения	0,949	21,936	0,000
5	Образование	0,946	18,372	0,000

По выделенным переменным были рассчитаны и проанализированы коэффициенты корреляционной функции (табл. 3). Значения этой функции отчетливо разделили группы потребителей в сфере медицинского обслуживания.

Таблица 3

Канонические коэффициенты дискриминантной функции

Введенные переменные	Коэффициент
Время, затрачиваемое на дорогу до ближайшего учреждения здравоохранения	0,503
Наличие на основной работе подчиненных	0,309
Образование	0,133
Тип поселения	0,402
Отношение к государственному медицинскому обслуживанию	–0,461
Константа	–1,967

Среднее значение дискриминантной функции для группы потребителей бесплатных медицинских услуг составляет –0,138, а для потребителей платных услуг — +0,407. Представленные коэффициенты — это множители при заданных значениях переменных, входящих в дискриминантную функцию, то есть в модели:

$$d = a + b_1 * x_1 + b_2 * x_2 + \dots + b_n * x_n,$$

где $x_1, x_2, \dots, x_n$ — значения рассматриваемых зависимых переменных; $b_1, b_2, \dots, b_n$ — коэффициенты дискриминантной функции.

Мерой удачности разделения групп служит корреляционный коэффициент между рассчитанными значениями дискриминантной функции и показателем принадлежности к группе. По данной модели получен коэффициент 0,230, что свидетельствует об относительно слабой корреляции. Дополнительно при помощи лямбды Уилкса произведен тест на то, значительно ли в обеих группах отличаются друг от друга средние значения дискриминантной функции, и полученное значение $p < 0,001$ указывает на очень значимое различие.

Оценивая выделенные в модели переменные, разделяющие потребителей платных и бесплатных медицинских услуг, можно условно разделить их на 3 основных фактора, определяющих потребительское поведение в сфере здравоохранения.

1. *Отношение к государственному медицинскому обслуживанию.* В связи с низким уровнем удовлетворенности качеством медицинских услуг, а также риском получения больших транзакционных издержек, сопряженных с обращением в обычную поликлинику по полису ОМС (затраты времени, сил, низкое качество лечения), повышается вероятность обращения в платные медучреждения, что вполне закономерно и связано с результатами качественного авторского исследования. Население предпочитает выбор медицинских услуг на платной основе, например, в случае отсутствия необходимого специалиста, при отсутствии возможности ожидания записи к специалисту. При этом самостоятельная оплата медицинских услуг чаще всего является обременительной.

2. *Инфраструктурный фактор* (тип поселения и время, затрачиваемое на дорогу до ближайшего учреждения здравоохранения). При оценке потребителями наличия и доступности различных медицинских учреждений инфраструктурный фактор имеет большое значение. Если из-за больших затрат времени или в силу других личных причин обращение в государственное учреждение, предоставляющее медицинские услуги в рамках ОМС, затруднено, повышается вероятность обращения за платной помощью. На фоне сложившегося негативного отношения к государственному медицинскому обслуживанию (см. фактор 1) вероятность использования платных услуг возрастает.

3. *Статусный фактор* (наличие на основной работе подчиненных и уровень образования). Этот фактор более объективно отражает статус респондента и его материальное положение, чем субъективный ответ о том, какое высказывание лучше всего характеризует материальное положение. Влияние социального статуса населения на потребительское поведение проявляется в готовности самостоятельно оплачивать медицинские услуги. По сути, он показывает наличие или отсутствие материальной возможности пользоваться платными медицинскими услугами (рис. 5).

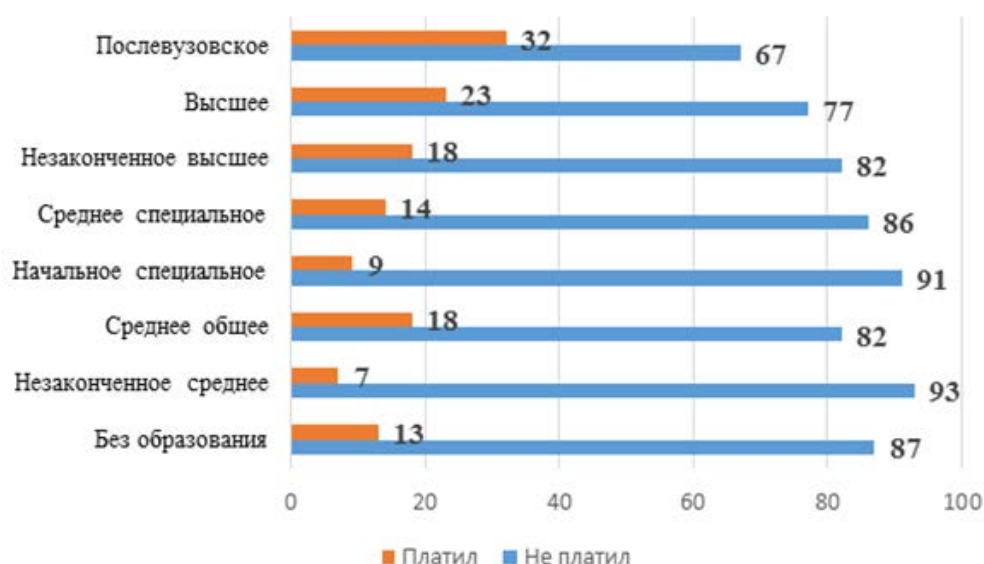

Рис. 5. Готовность самостоятельно оплачивать медицинские услуги в группах по уровню образования (в % к числу опрошенных)

Люди с высшим и послевузовским образованием с большей вероятностью готовы к самостоятельной оплате медицинских услуг (см. рис. 5).

Процент опрошенных, пользующихся платными медицинскими услугами в крупном городе (до 500 тыс. жителей), равен 30 %, что почти в два раза больше, чем в остальных группах. Среди опрошенных 16 % представителей среднего города (от 100 до 500 тыс. человек) готовы самостоятельно оплачивать медицинские услуги; в малом городе (до 100 тыс. человек) этот процент равен 17 %; в поселке городского типа и в деревне пользоваться платными медицинскими услугами готовы 10 и 13 % соответственно (рис. 6).

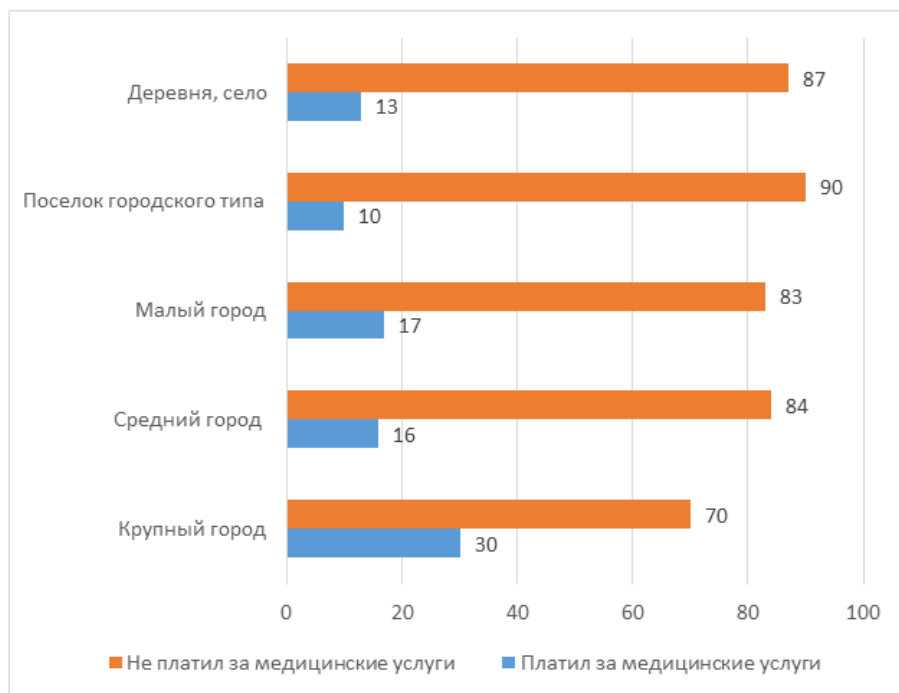

Рис. 6. Готовность респондентов к использованию медицинских услуг в группах по территориальной принадлежности (в % к числу опрошенных) (2021 г.)

Результаты проведенного социологического исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что население Тюменского региона в 2021 году было не готово принять серьезные изменения в сфере здравоохранения. Конечно, пользователей платных медицинских услуг становится все больше и больше, но большинство жителей не могут себе позволить в полной мере воспользоваться этим видом медицинской помощи. Поэтому большинство населения региона по-прежнему выбирают или вынуждены выбирать бесплатную медицину [12].

В результате проведенного социологического исследования был изучен ряд проблем, определяющих макроконтекст изучаемой ситуации: наследуемые признаки системы здравоохранения в России (структурная инерция), несовершенство существующей модели здравоохранения, непрерывные трансформации системы здравоохранения. К микроконтексту следует отнести неудовлетворительное отношение (в целом) к существующей системе здравоохранения, нерешенные проблемы перехода к новой продвинутой модели.

Но при этом общественный уклад жизни трансформируется, изменяется структура характера потребления, в том числе медицинских услуг. С одной стороны, растет потребность населения в медицинских услугах (старение населения, экология и пр.). С другой стороны, на фоне формирования новых, более современных моделей потребления растет требовательность населения по отношению ко всем услугам и товарам, в том числе медицинским услугам [13].

Конечно, собственный опыт по взаимодействию с медицинскими учреждениями накладывает свой отпечаток на мнение пациентов. Результаты социологического ис-

следования показали, что целостное восприятие потребителями качества медицинского обслуживания в городе Тюмени скорее негативное [6].

Несмотря на выбор большинства опрошенных медицинских учреждений, функционирующих в системе ОМС, проведенное исследование показало, что существуют определенные сдвиги в готовности пользоваться платными медицинскими услугами в зависимости от самооценки здоровья, региона проживания, уровня материального благополучия и возраста.

Выводы

Проведенный дискриминантный анализ параметров и характеристик групп населения (потребителей платных и бесплатных медицинских услуг) позволил сгруппировать все параметры дискриминантной модели в 3 фактора — фактор отношения, инфраструктурный фактор и статусный фактор. Необходимо наличие всех трех факторов для формирования группы потребителей платных медицинских услуг. Только при наличии материальных возможностей (фактор 3), если в пределах досягаемости имеются необходимые медучреждения (фактор 2) и при низкой степени удовлетворенности государственным медицинским обслуживанием (фактор 1) становится вероятным потребление платных медицинских услуг. В случае невыполнения хотя бы одного из отмеченных условий предпочтения отдаются медицинскому обслуживанию в рамках ОМС. Именно поэтому в крупном городе, где уровень материального благополучия населения выше, а различных медучреждений, предоставляющих самые разнообразные платные услуги, больше, доля пользующихся платными услугами почти в 2–3 раза выше, чем в сельской местности.

Достигнутая точность прогнозирования дискриминантной модели составляет 75,4 %, что может считаться вполне удовлетворительным результатом. При этом наиболее точно прогнозируется принадлежность к группе потребителей бесплатного медицинского обслуживания (доля корректного прогноза — 99,3 %). Точность прогнозирования пользования платным медицинским обслуживанием чрезвычайно низка: из 100 % отметивших, что они пользовались услугами рынка платного медицинского обслуживания, были корректно отнесены к этой группе только 3,5 % наблюдений. Этот факт свидетельствует о том, что на данный момент обращение к платным медицинским услугам носит скорее случайный характер, воспринимаясь большинством как необходимость при отсутствии/ограничении возможности получить медицинскую помощь бесплатно.

Население в России и в ее регионах не готово принять необходимость самостоятельной оплаты медицинских услуг. Не сформирована культура потребления платных медицинских услуг, бытует мнение, что медицинская помощь должна быть бесплатна.

Список источников

1. Этносоциологический мониторинг в рамках стратегического проекта по Арктике / О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, А. С. Гюрджинян [и др.]. — Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2018. — № 4. — С. 23–35.

2. Роль социального здоровья населения в развитии Арктики / М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко, О. М. Барбаков, Е. Г. Ишкина. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-9-24. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 9–25.
3. Ларионова, И. С. Здоровье как витальная ценность / И. С. Ларионова ; Информационно-внедренческий центр «Маркетинг». – Москва : Маркетинг, 2004. – 156 с. – Текст : непосредственный.
4. Арбитайло, И. Я. Медицинская услуга в зеркале общественного мнения : проблема качества / И. Я. Арбитайло. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 73–82.
5. Вялков, А. И. Управление в здравоохранении Российской Федерации. Теория и практика / А. И. Вялков. – Москва : ГЭОТАР-Медицина, 2003. – 528 с. – Текст : непосредственный.
6. Тарасова, А. Н. Развитие рынка платных медицинских услуг в Тюменском регионе / А. Н. Тарасова, И. Я. Арбитайло. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. – С. 100–103.
7. Григорьева, Н. С. Современное здравоохранение : политика, экономика, управление / Н. С. Григорьева, Т. В. Чубарова. – Москва : Авторская академия, 2013. – 343 с. – Текст : непосредственный.
8. Дмитриева, Е. В. Социология здоровья : методологические подходы и коммуникационные программы : монография / Е. В. Дмитриева. – Москва : Центр, 2002. – 224 с. – Текст : непосредственный.
9. Краснова, Л. С. Состояние здоровья как фактор спроса на платные медицинские услуги / Л. С. Краснова. – Текст : электронный // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) : научное электронное издание. – 2015. – Вып. 5. – С. 123–141. – URL: www.hse.ru/mirror/pubs/share/493059195.pdf.
10. Тарасова, А. Н. Востребованность платных медицинских услуг в Тюменской области / А. Н. Тарасова, И. Я. Арбитайло. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 8. – С. 123–129.
11. Журавлева, И. В. Социальные факторы ухудшения здоровья населения / И. В. Журавлева. – Текст : непосредственный // Россия : трансформирующееся общество / Под редакцией В. А. Ядова. – Москва : Издательство «Канон-Пресс-Ц», 2001. – С. 506–519.
12. Здоровьесбережение участников освоения арктического нефтегазового региона : монография / А. М. Акимов, О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко [и др.] ; под редакцией А. Н. Силина, В. В. Маркина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. – Тюмень : ТИУ, 2019. – 171 с. – Текст : непосредственный.
13. Политическая социология : учебник / Под редакцией Ж. Т. Тощенко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 623 с. – (Университеты России). – Текст : непосредственный.

References

1. Barbakov, O. M., Belonozhko, M. L., Gyurjinyan, A. S., Silin, A. N., Siteva, S. S., & Belonozhko, L. N. (2018). Ethno-sociological monitoring within the framework of strategic project across the Arctic. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 23-35. (In Russian).
2. Belonozhko, M. L., Belonozhko, L. N., Barbakov, O. M., & Ishkina, E. G. (2022). The role of social health of the population in the development of the Arctic. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 15(4), pp. 9-25. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-9-24
3. Larionova, I. S. (2004). *Zdorov'e kak vital'naya tsennost'*. Moscow, Informatsionno-vnedrencheskiy tsentr "Marketing" Publ., 156 p. (In Russian).
4. Arbitailo, I. Ya. (2015). Medical services as reflected in public opinion: the quality problem. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 1(3), pp. 73-82. (In Russian).
5. Vyalkov, A. I. (2003). *Upravlenie v zdavookhranении Rossiyskoy Federatsii. Teoriya i praktika*. Moscow, GEOTAR-Meditsina Publ., 528 p. (In Russian).
6. Tarasova, A. N., Arbitailo, I. Ya. (2013). Development of the paid healthcare market in the Tyumen region. *Theory and practice of social development*, (10), pp. 100-103. (In Russian).
7. Grigoryeva, N. S., & Chubarova, T. V. (2013). *Sovremennoe zdavookhranenie: politika, ekonomika, upravlenie*. Moscow, Avtorskaya akademiya Publ., 344 p. (In Russian).
8. Dmitrieva, E. V. (2002). *Sotsiologiya zdorov'ya: metodologicheskie podkhody i kommunikatsionnye programmy*. Moscow, 224 p. (In Russian).
9. Krasnova, L. S. (2015). *Sostoyanie zdorov'ya kak faktor sprosa na platnye meditsinskie uslugi*. RLMS HSE. Vypusk 5. Moscow, pp. 123-141. (In Russian). Available at: www.hse.ru/mirror/pubs/share/493059195.pdf
10. Tarasova, A. N., & Arbitailo, I. J. (2013). Demand for paid medical services in the Tyumen region. *Tyumen State University Herald*, (8), pp. 107-112. (In Russian).
11. Zhuravleva, I. V. (2001). *Sotsial'nye faktory ukhudsheniya zdorov'ya naseleniya. Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo*. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., pp. 506-519. (In Russian).
12. Akimov, A. M., Barbakov, O. M., Belonozhko, M. L., Belonozhko, L. N., Bespalova, Yu. V., Vershinin, I. S.,... Yudashkin, V. A. (2019). *Zdorov'esberezhenie uchastnikov osvoeniya arkticheskogo neftegazovogo regiona*. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 171p. (In Russian).
13. Toshchenko, Zh. T. (Ed.) (2019). *Politicheskaya sotsiologiya*, 4th edition, Moscow, Yurayt Publ., 623 p. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Белоножко Марина Львовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Барбаков Олег Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, omb@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Михалевич Ирина Яновна, старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3507-4512>

Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, omb@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9659-2498>

Irina Ya. Mikhalevich, Senior Lecturer at the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3507-4512>

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication 28.08.2023.

УДК 316.4

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-24-34

Влияние одинокого проживания на установки пожилых людей в отношении здоровья

К. А. Галкин

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
Kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. Сегодня существует ряд работ, посвященных изучению здоровья пожилых людей и особенностей их жизни с различными хроническими заболеваниями. Тема одиночества пожилых рассматривается независимо от темы здоровья в социологических исследованиях. Чаще всего одиночество пожилых изучается как вынужденное и почти не рассматривается как сознательный выбор. В данном исследовании нашей целью был анализ понимания одиночества старшего поколения и возможных проблем со здоровьем пожилых людей, проживающих как в городе, так и в сельской местности. Цель данной работы — рассмотреть особенности повседневной заботы о здоровье пожилых людей в повседневной жизни. Исследовательский метод — полуструктурированные интервью с пожилыми людьми, проживающими отдельно в Санкт-Петербурге и селах Республики Карелии. Метод анализа интервью — тематический. Основными результатами работы выступают выделенные в исследовании ключевые темы относительно повседневной жизни пожилых людей и влияния одиночества. В исследовании обозначено, что наибольшее опасение у пожилых вызывают именно психическое здоровье и его сохранение, а также важность общения и взаимодействий для улучшения эмоционального состояния. Полученные в исследовании результаты обуславливают важность пересмотра некоторых идей концепции активного долголетия, а также необходимость особого подхода и планирования социальной политики с ориентиром на тех пожилых людей, для которых одиночество является сознательным выбором. Важны сохранение психического здоровья и поддержка физического здоровья для таких пожилых людей.

Ключевые слова: пожилые люди, одиночество пожилых людей, здоровье пожилых людей

Для цитирования: Галкин, К. А. Влияние одинокого проживания на установки пожилых людей в отношении здоровья / К. А. Галкин. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-24-34 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 3. — С. 24–34.

The impact of living alone on older people's attitudes to health

Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Kgalkin1989@mail.ru

Abstract. Today there are a number of works devoted to the study of the health of older people and the particularities of their lives with various chronic diseases. In sociological research, the issue of loneliness among older people is considered separately from the issue of health. Older people's loneliness is often studied as an imposed condition rather than a conscious choice. In this study, our goal was to analyze the understanding of older people's loneliness and possible health problems of older people living alone in both urban and rural areas. The aim of this article is to consider the characteristics of everyday health care for older people in everyday life. The re-

search method is semi-structured interviews with older people living separately in St. Petersburg and in villages of the Republic of Karelia. The method used to analyze the interviews is thematic. The main results of the work are the key issues highlighted in the study in relation to the daily life of older people and the impact of loneliness. The article shows that older people's main concern is mental health and how to maintain it, as well as the importance of communication and interaction in improving mental health. The results of the study make it important to revise some ideas about the concept of active longevity, as well as the need for a special approach and planning of social policies with a focus on those older people for whom loneliness is a conscious choice. It is important to maintain mental health and support physical health for such older people.

Keywords: older people, older people's loneliness, health of older people

For citation: Galkin, K. A. (2023). The impact of living alone on older people's attitudes to health. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 24-34. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-24-34

Введение

В большинстве социологических, психологических и геронтологических исследований одиночество пожилых людей рассматривается как негативный фактор, влияющий на изменение их повседневной жизни, а также нередко создающий проблемы со здоровьем и сложности с самореализацией и социализацией. В рамках концепции активного старения (в российском контексте — активного долголетия, авт. прим.) разрабатываются специальные программы психологической поддержки пожилых людей, нередко включающие меры по укреплению связи с родственниками и членами семьи, направленные на то, чтобы преодолеть одиночество и избежать негативных последствий отдельного и одинокого проживания. Исследователи, занимающиеся изучением проблематики одиночества и его поколенческих влияний, отмечают следующую тенденцию: позитивное отношение к одиночеству и переживанию этого состояния в большей степени сохраняется у молодежи и у людей среднего возраста, в то время как пожилые люди чаще всего негативно воспринимают одинокое проживание, приписывая этому состоянию вред для здоровья как физического, так и психологического [1; 2]. Российские исследователи преимущественно рассматривают одиночество как социокультурный феномен. Важными в данном случае являются исследования различных модусов переживания одиночества и автономности у пожилых людей, а также его особенностей в контексте информационно-коммуникационной среды [3–6]. При этом особенности индивидуального переживания одиночества, повседневности у пожилых людей и прямое влияние состояния одиночества на психическое и физическое здоровье остаются слабоотрефлексированными и рассматриваются в работах в основном фрагментарно. Именно смысл и опыт переживания одиночества как состояния и его влияние на здоровье пожилых людей, особенности повседневной жизни остаются по-прежнему достаточно малоизученными и не освещены в научной литературе. Также следует отметить, что как с темой старения, так и с темой одиночества пожилых людей образуется некий терминологический вакуум, в рамках которого почти отсутствует единая понятийная система определений отдельного проживания и одиночества в пожилом возрасте, а также особенностей одиночества. Наиболее распространенным определением одиночества является дефиниция, предложенная в отечественной литературе Г. Колесниковой и объединяющая в себе субъективное психологическое переживание личностью отдельного/одинокое проживания, стиля жизни как результата оправданного и сознательного

выбора и изоляции как вынужденной, так и созданной самим индивидом, связанной с сокращением ресурсов и контактов, чаще всего по причине, не зависящей от самого индивида [7]. При этом все три компонента одиночества, определенные в работе Г. Колесниковой, связаны с эмоциональным переживанием одиночества и эффектами разъединения, которые напрямую обусловлены ситуацией одинокого и отдельного проживания.

В настоящее время в современных социологических исследованиях наблюдается повышение интереса к исследованию одиночества, его предпосылок и специфики одинокого проживания у различных социальных групп [8–10]. При этом наиболее весомым негативным фактором, определяющим одиночество в психологических и социальных науках, выступает разрушение прежних социальных связей, утрата большей доли коммуникации в повседневности и отсутствие поддержки со стороны родных и близких, друзей, что может привести к ухудшению психического и физического здоровья. Одиночество как неполнота отношений, которая может нести угрозу для здоровья, рассматривается в исследованиях М. Мид. Она замечает, что наиболее значимой характеристикой одиночества выступают именно автономность и отсутствие ожидания поддержки, то есть независимость, а также адаптация к подобным условиям [11].

При этом следует отметить, что внимание исследователей приковано в том числе к современному атомизированному миру, в котором одиночество не всегда является следствием стечения обстоятельств или безвыходности самой ситуации, а может быть определенным и сознательным выбором самих людей. Это, безусловно, наводит исследователей на мысли о смещении смысловых границ одиночества, а следовательно, приводит к появлению различных трактовок феномена одиночества в научной литературе. Таким образом, в контексте одиночества важным является полученный социальный опыт конкретной группы людей, который и отражает как негативные, так и позитивные аспекты данного феномена [12].

Заметим, что эмоциональное переживание одиночества включает в себя не только негативный, но и позитивный жизненный опыт, связанный с тем, что одинокое проживание представляет собой конституирующий способ понимания своего жизненного опыта и, следовательно, определенную стратегию, в соответствии с которой пожилые люди выстраивают свою повседневность. В контексте пожилых людей сам концепт одиночества представляет собой особые смыслы, связанные, во-первых, с отсутствием определенного привычного взаимодействия с другими людьми и, как следствие, отсутствием поддержки и возможности быть услышанными, а также возможности достаточно быстро получить необходимую помощь, связанную со здоровьем, особенно это относится к пожилым людям, имеющим различные соматические проблемы [13; 14].

Во-вторых, одиночество людей старшего возраста связано с экзистенциальными состояниями старости, когда понимание своей ненужности рассматривается ими как чувство вычеркнутости и обреченности, ощущение скорой кончины, следовательно, в данном случае одиночество связано с множеством психологических трудностей и эмоциональных напряжений. Таким образом, одиночество приносит чувство дискомфорта и потерянности пожилым чаще, чем людям среднего возраста и молодым.

При этом очевидная на первый взгляд связь одиночества с психологическим и физическим здоровьем пожилого человека может быть и неочевидной, исходя из пони-

мания особенностей эмоционального переживания и влияния разных факторов, например среды или возраста пожилого, на переживание самого одиночества. Все это моделирует и задает особые ощущения одиночества, а следовательно, его особые связи со здоровьем. Например, не совсем очевидным является влияние одиночества на физическое здоровье пожилых людей, недавно вышедших на пенсию, или, например, влияние одинокого проживания на психическое здоровье тех, кто сознательно выбрал этот путь, но при этом имеет опасения за свое самочувствие при отдельном проживании. В рамках данной статьи мы рассматриваем новые и содержательные моменты связи здоровья и одиночества пожилых людей, а также то, как пожилые люди, по-разному пришедшие к одиночеству, заботятся о своем здоровье и понимают различные риски для него в своей повседневной жизни.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступают интервью с пожилыми людьми, проведенные в двух локациях — в городе федерального значения Санкт-Петербурге и в селах Республики Карелии; всего было собрано 40 интервью, по 20 интервью в каждой локации. Все информанты, участники исследования, проживали отдельно и определяли себя как одиноких людей. Основным методом выступает тематический анализ нарративов, в рамках данного метода нами были проанализированы нарративы интервью и выделенные в них ключевые темы, в соответствии с которыми пожилые люди описывали особенности одинокого проживания и своего здоровья, связанные с переживанием различных эмоциональных и физических состояний. В рамках данного метода были выделены конкретные случаи в контексте различных сложностей со здоровьем, которые испытывают пожилые люди, и обозначены особенности смыслов переживания одиночества [15]. В эмпирической части статьи представлены ключевые, выделенные в ходе тематического анализа темы, и приведены соответствующие цитаты из интервью, отражающие восприятие своего одиночества и здоровья.

Результаты и обсуждение

Особенности одиночества в представлении пожилых людей

Важным открытием в рамках эмпирического исследования выступает фиксируемое в интервью стремление пожилых людей проживать отдельно от своих родных и близких. Подобное стремление преимущественно фиксировалось в интервью с пожилыми жителями городов, хотя и в сельской местности встречались мнения о важности проживания отдельно от родственников. Основным мотивом выступает тот факт, что при отдельном проживании отпадает необходимость подстраиваться под иную повседневность, а также можно довольно легко управлять своей повседневной жизнью и реализовывать необходимые стратегии своей личной жизни:

«Все же это хорошо, что я живу отдельно от своей семьи, потому что ведь так и получается, что в любом случае у всех свое расписание, свой ритм жизни, и я если буду подстраиваться, скажем так, под ритм жизни дочери, то что получится в итоге? Я не смогу нормально жить и нормально вообще существовать. А так считаю,

что каждый должен жить отдельно в принципе, потому что у всех своя жизнь и свои ритмы этой жизни» (Ж., 75 лет, Санкт-Петербург).

Ключевым аргументом в пользу отдельного проживания пожилых людей был аргумент о том, что проживание с семьей, детьми и внуками, отнимает много сил, нервов и здоровья. Уход за внуками ограничивает возможность пожилых людей поехать куда-либо и создает сложности со здоровьем, сохранять которое становится сложнее в случае проживания с маленькими детьми и заботы о них.

Иная точка зрения была у пожилых людей, проживающих в сельской местности. Там они чаще говорили о важности эпизодических встреч и эпизодической заботы о детях и внуках, но при этом также отмечали, что постоянная забота о внуках и постоянное проживание с ними довольно тяжело для самих пожилых людей и могут серьезно подорвать здоровье:

«Считайте сами, вот это, конечно, хорошо, когда дети, там, да и внуки просто приезжают ненадолго или, уж ладно там, пару месяцев летом здесь поживут — это еще нормально. Но я бы никогда не смогла за внуками и детьми так вот подолгу ухаживать, по несколько месяцев. Это очень муторно и трудно в принципе, да и для здоровья, я так скажу, довольно сильный урон, потом нужно в себя приходиться или отходить вот от этого всего ухода» (Ж., 69 лет, село, Республика Карелия).

При этом информанты отмечали и обратную сторону одиночества, которая была связана с эмоциональными переживаниями, прежде всего относительно отсутствия возможной заботы, а также получения помощи при одиноком проживании. Здесь пожилые люди проводили черту между двумя состояниями: первое — когда человек один и сознательно выбирает путь изоляции, старается дистанцироваться и избегает взаимодействий, второе — состояние эксклюзии, обусловленное тем, что люди старшего возраста ощущают свою ненужность и потерянность, вычеркнутость и забытость.

«Все хорошо, когда ты один, когда свободен, и дети большие, и внуки вроде как выросли, у всех свои уже дела. Но хорошо это, скажем так, до поры до времени, пока не наступит совсем глубокая старость, или вообще пока болезни не придут. Вот тогда-то и начинаются проблемы, и тогда ты отчетливо начинаешь понимать, что никому в принципе и не нужен, ты словно вычеркнут, как будто удален из этой жизни. И вот это, наверное, лично для меня самое такое страшное в одиночестве, то, чего я реально опасюсь в жизни» (М., 68 лет, село, Республика Карелия).

Таким образом, важной разграничительной линией между позитивным одиночеством и одиночеством исключения выступают именно само здоровье и невозможность вовремя получить необходимую помощь, а также невозможность быть включенным в социальную жизнь, что создает у пожилых людей чувство ненужности и отчужденности. Такие состояния одиночества люди старшего возраста называли наиболее опасными для своего здоровья и связывали их как с дополнительной эмоциональной нагрузкой и риском остаться одному/одной в самый сложный момент в жизни (как правило, в момент самого заболевания), так и психологическим ощущением ненужности и изолированности, которое чаще всего фиксировалось у пожилых жителей сельской местности и влияло на возникновение у них различных депрессивных состояний и нежелания активности. Самым опасным эффектом одиночества выступало безразличие и непонимание со стороны окружающих.

Особенности одинокого проживания и здоровья пожилых людей в городе и в сельской местности

Психическое здоровье и переживание одиночества

У пожилых людей, проживающих одиноко, в интервью отмечалось появление чувства определенной тревожности, связанной с тем, что жизнь медленно проходит и исчезает, и следы прежней жизни становятся все менее заметными и осязаемыми. Самый большой страх — это опасение за собственные дементные состояния при одиноком проживании, когда человек, как это отмечали информанты в интервью, терял связь с реальностью и действительностью и становился «заложником своего разума», крайне ограниченных воспоминаний, которые не связаны с текущей повседневностью.

«Наверное, больше всего я боюсь даже не возникающих болезней, которые, понятное дело, будут только усиливаться с возрастом, а боюсь вообще, в принципе того состояния, когда наступает деменция, и ты одна и ощущаешь полную оторванность от реальности. И все, по сути дела тебя нет, тебя словно стерли. То есть вот это самое страшное в принципе. Поэтому я боюсь не самого этого состояния одиночества, в нем как раз есть довольно много плюсов, а самого заболевания, которое просто тебя изнутри разрушит» (Ж., 67 лет, Санкт-Петербург).

Таким образом, одной из серьезных причин ухудшения самочувствия выступают чувство внутреннего разлада и ощущение того, что постепенно, с возрастом могут возникнуть достаточно сильные ментальные нарушения, которые негативно повлияют на состояние здоровья пожилых людей. Именно внутренний разлад с самим собой как основополагающая причина деменции назывался пожилыми людьми угрозой и собственному здоровью, и своему психическому состоянию в целом.

Другим мотивом опасений за свое здоровье выступает напряжение, связанное с увеличением количества лет и, как следствие, потребностью в заботе. Такое опасение связано как с нехваткой заботы вне семьи, которая отчетливо проявляется в рамках взаимодействия пожилых людей с различными институтами, например врачами и фельдшерами в амбулаториях в сельской местности, так и с нехваткой заботы внутри семьи. Подобная ситуация приводит к пониманию того, что рассчитывать приходится исключительно на свои собственные силы, слабеющие с каждым днем, что создает латентный страх перед неизбежностью отсутствия заботы и помощи в будущем.

«Годы идут, и скоро уже станет так, что ты поймешь: а мне уже не встать, даже с постели не встать. И стал немоцным, стал абсолютно лишенным всего и ограниченным, и это действительно страшно. А я так скажу: при нынешней нашей медицине, вот особенно здесь, в селе, вообще надеяться на кого-либо и не стоит. Стало быть, все — ты предоставлен исключительно самому себе, и ты становишься очень ограниченным в своих переживаниях и, конечно, замкнутым в оковах своей вот этой, уж простите, но назову вещи своими именами, никчемной жизни» (М., 73 лет, село, Республика Карелия).

Таким образом, одиночество с точки зрения психологического здоровья выступает наиболее опасным фактором, и особые опасения связаны с тем, что могут возникнуть различные дементные состояния. Также возникают опасения, обусловленные общим пониманием ухудшения физического здоровья и самочувствия и, следовательно, ухудшения состояний, связанных с психическим здоровьем.

Физическое здоровье и переживание одиночества

В контексте физического здоровья пожилых людей, проживающих отдельно, наблюдается намного меньше опасений за свое самочувствие в отличие от психического здоровья, а также негативного описания самого одиночества. Так, пожилые люди, которые проживали одиноко, отмечали, что это во многом позволяет сохранить физическое здоровье, что связано в первую очередь с минимизацией помощи родственникам и участия в семейной заботе и помощи.

«Наш век короткий, мы детей своих вырастили, а вот теперь это они уже пускай растят своих детей, это их дело по своей сути, и не нужно никого привлекать к этому процессу, я считаю, а в особенности все же следует быть единоличником и заботиться исключительно о себе» (М., 75 лет, Санкт-Петербург).

В рамках нашего исследования зафиксирована весьма сильная положительная связь между уровнем здоровья пожилых людей и удовлетворенностью жизнью, при этом само здоровье во многом зависело от отдельного проживания и возможностей обслуживать себя самостоятельно. Как отмечали в интервью пожилые люди, крепкое здоровье и отсутствие серьезных хронических заболеваний выступают залогом возможности проживать отдельно и не обращаться за помощью.

При этом данные интервью подтверждены данными количественных исследований, которые показывают, что одинокие люди подвержены хроническим заболеваниям чаще, чем пожилые люди, проживающие в семьях. В то же время темпы снижения хронических заболеваний выше у людей старшего возраста, которые проживали в семьях, чем у одиноких. Однако в интервью пожилые люди не считали отдельное проживание серьезным фактором ухудшения своего самочувствия. Чаще всего информанты отмечали, что наибольший страх вызывают именно хронические заболевания, которые как у одиноких, так и у людей, живущих в семьях, усугубляются с возрастом, и самое опасное в рамках подобных ухудшений — это потеря возможности самостоятельно себя обслуживать и, следовательно, утрата ощущения автономности и независимости в жизни.

«Да, в принципе, какая разница, что одинокий ты, или ты в семье живешь, в принципе-то ведь никакой, потому что так в любом случае происходит: старость пришла, вот и со здоровьем проблемы начались. Здесь вообще нет ничего необычного, самое, наверное, одновременно сложное и почти неизбежное — это даже при самых плохих состояниях здоровья продолжать оставаться, что называется, на ногах, то есть продолжать быть активным и себя обслуживать. Вот это вот все действительно важно, но здесь, в принципе, что в семье, что одиноко заболел и не можешь встать, другого пути как в дом престарелых еще не изобрели» (М., 78 лет, село, Республика Карелия).

Следует отметить, что при этом информанты, которые проживали отдельно, отмечали и улучшение своего самочувствия, особенно в последние годы и, в частности, в период пандемии COVID-19 и после нее. Подобные улучшения были связаны с тем, что люди, проживающие отдельно, имели меньше шансов заразиться коронавирусом и, следовательно, были более защищены от возможных вирусных заболеваний. Как отмечали информанты в нарративах, это связано с отсутствием постоянного контакта с родственниками и необходимости выполнения тяжелой физической работы, которая ассо-

цировалось преимущественно с жизнью в семье, что позитивно сказывалось на состоянии здоровья. В контексте физического здоровья также были обнаружены различия в зависимости от места проживания. Так, пожилые люди, которые проживали в городе, отмечали, что в наименьшей степени опасаются за физическое здоровье за исключением серьезных патологий и хронических заболеваний. Среди причин отсутствия подобных опасений были обозначены доступность вызова скорой помощи и обращения за амбулаторным лечением и возможность выбора, в том числе услуг платной медицины, в контексте лечения заболеваний. Пожилые жители сельской местности, наоборот, опасались именно отсутствия институциональной поддержки в лечении и как следствие того, что состояние здоровья может резко ухудшиться, а помощь не будет оказана вовремя. Также наибольшие опасения за свое здоровье проявлялись у представителей группы зрелой старости (75+), которые имели, как правило, несколько хронических заболеваний и опасались их обострений.

Выводы

Особенности феномена одиночества пожилых людей включают в себя разнообразие смыслов, эмоций и переживаний, а также различных состояний здоровья, которые напрямую связаны и зависят от понимания особенностей одинокого проживания самим пожилым человеком. Одиночество как сложный конструкт, безусловно, включает в себя как особую аргументированную мотивацию и смысловую наполненность желания жить отдельно, так и ограничения, которые в большей степени связаны с негативными сторонами одиночества, нередко напрямую соединяющими одиночество и самочувствие. При этом важным является тот факт, что в интервью, которые составили информационную базу настоящего исследования, переживание одиночества пожилыми людьми рассматривается не как принуждение и созданные средой ограничения, но как выбор, обусловленный тем, что пожилые люди руководствуются в том числе желанием сохранить свое физическое здоровье, что, как они сами отмечают, труднодоступно в семье и при воспитании внуков. Одни из самых весомых опасений в контексте одинокого проживания — относительно того, что это состояние может превратиться в барьерную среду, в первую очередь из-за биологического старения и развития различных психических заболеваний. Суверенное жизненное пространство в пожилом возрасте остается значимым и важным, но оно в большей степени позволяет сохранять физическое здоровье, а здоровье психическое, как это отмечали информанты, наоборот, нуждается в поддержке и заботе со стороны родственников и врачей, а также в постоянном наблюдении за возможными ухудшениями. Именно психическое здоровье, по мнению информантов, имеет ключевое значение для одиноких пожилых людей. Данные качественного исследования, которые легли в основу статьи, подтверждают данные количественных исследований, свидетельствующих об ухудшении физического здоровья одиноких пожилых людей, но информанты, наоборот, отмечали незначительные опасения, связанные с физическим здоровьем, кроме серьезных осложнений и хронических заболеваний. При этом следует отметить, что стратегией активного долголетия почти не предусматриваются особенности старения одиноких пожилых людей, а в сельской

местности вообще отсутствуют специальные программы по развитию коммуникации пожилых людей и интеграции одиноких пожилых в социум. Для успешной реализации концепции активного долголетия важным является поиск перспектив использования навыков и опыта одиноких людей старшего возраста, а также создание условий, при которых одинокие пожилые люди могли бы не опасаться резкого ухудшения психического здоровья. Также, как это показывают данные интервью, значимыми в данном случае являются коммуникационная и психологическая поддержка пожилых людей при ухудшении психического самочувствия, а также специальные меры, направленные на сохранение психического здоровья, в том числе и в более позднем возрасте.

Список источников

1. Кляйненберг, Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Э. Кляйненберг ; перевод с английского А. Андреева. – Москва : Альпина Диджитал, 2014. – 280 с. – Перевод изд.: *Going Solo : The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone* / Eric Klinenberg. London, 2013. – Текст : непосредственный.
2. Рогозин, Д. М. Пять книг о либеральном толковании одиночества в старшем возрасте / Д. М. Рогозин. – Текст : непосредственный // Психология зрелости и старения. – 2013. – № 2. – С. 59–66.
3. Покровский, Н. Е. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки / Н. Е. Покровский, Г. В. Иванченко. – Москва : Логос, 2008. – 408 с. – Текст : непосредственный.
4. Рашидова, Т. Р. Одиночество человека : философско-антропологическое осмысление проблемы : специальность 09.00.13 «Философская антропология философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Рашидова Тамилла Ризвановна. – Москва, 2012. – 19 с. – Место защиты : Московский гуманитарный университет. – Текст : непосредственный.
5. Журавлев, И. В. Феномен отчуждения : стратегии концептуализации и исследования / И. В. Журавлев, А. Ш. Тхостов. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23, № 5. – С. 42–48.
6. Леонтьев, Д. А. Экзистенциальный смысл одиночества / Д. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2011. – № 2 (19). – С. 101–108.
7. Колесникова, Г. И. Феномен одиночества : понятие, классификация, экзистенциальный смысл / Г. И. Колесникова. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–9. – С. 2024–2027.
8. Прохорова, М. В. Феномен одиночества пожилых людей : социологический анализ : специальность 22.00.04 «Социальная структура социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Прохорова Марина Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с. – Место защиты : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Текст : непосредственный.

9. Елютина, М. Э. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте / М. Э. Елютина, О. А. Трофимова. – DOI 10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 37–50.
10. Синельников, А. Б. Семья и брак : кризис или модернизация? / А. Б. Синельников. – DOI 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 95–113.
11. Мид, М. Одиночество, самостоятельность и взаимозависимость в контексте культуры (Американская концепция одиночества) / М. Мид ; перевод с английского Е. Егоровой. – Текст : непосредственный // Лабиринты одиночества : [сборник статей]. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 107–120.
12. Козырева, П. М. Особенности возрастной структуры одиночества / П. М. Козырева, А. И. Смирнов. – DOI 10.31857/S013216250009617-1. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 56–69.
13. Holmén, K. Social and emotional loneliness among non-demented and demented elderly people / K. Holmén, K. Ericsson, B. Winblad. – DOI 10.1016/S0167-4943(00)00070-4. – Direct text // Archives of Gerontology and Geriatrics. – 2000. – Vol. 31, Issue 3. – P. 177–192.
14. How social isolation and loneliness effect medication adherence among elderly with chronic diseases : an integrated theory and validated cross-sectional study / J. Lu, N. Zhang, D. Mao [et al.]. – DOI 10.1016/j.archger.2020.104154. – Text : electronic // Archives of gerontology and geriatrics. – 2020. – Vol. 90. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.archger.2020.104154>
15. Semi-structured Interview : a methodological reflection on the development of a qualitative research instrument in educational studies / R. Ruslin, S. Mashuri, M. S. A. Rasak [et al.]. – DOI 10.9790/7388-1201052229. – Direct text // IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME). – 2022. – Vol. 12, Issue 1. – P. 22–29.

References

1. Klinenberg, E. (2014). *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. London, Penguin Books, 284 p. (In English).
2. Rogozin, D. M. (2013). *Pyat' knig o liberal'nom tolkovanii odinochestva v starshem vozraste. Psikhologiya zrelosti i stareniya*, (2), pp. 59-66. (In Russian).
3. Pokrovskiy, N. E., & Ivanchenko, G. V. (2008). *Universum odinochestva: sotsiologicheskie i psikhologicheskie ocherki*. Moscow, Logos Publ., 408 p. (In Russian).
4. Rashidova, T. R. (2012). *Odinochestvo cheloveka: filosofsko-antropologicheskoe osmyslenie problem*. Avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk. Moscow, 19 p. (In Russian).
5. Zhuravlev, I. V., & Tkhostov, A. Sh. (2002). *Fenomen otchuzhdeniya: strategii kontseptualizatsii i issledovaniya*. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 23(5), pp. 42-48. (In Russian).

6. Leontiev, D. A. (2011). The existential meaning of loneliness. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psihologiya, psihoterapiya*, (2(19)), pp.101-108. (In Russian).
7. Kolesnikova, G. I. (2015). Phenomenon of Solitude: concept, classification, existential meaning. *Fundamental research*, (2-9), pp. 2024-2027. (In Russian).
8. Prokhorova, M. V. (2007). *Fenomen odinochestva pozhilykh lyudey: sotsiologicheskiy analiz*. Avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk. Nizhniy Novgorod, 26 p. (In Russian).
9. Elutina, M. E., & Trofimova, O. A. (2017). Lonely living arrangements and coping with loneliness in old age. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(1), pp. 37-50. (In Russian). DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50
10. Sinelnikov, A. B. (2018). Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*, 24(1), pp. 95-113. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715
11. Mead, M. (1980). Loneliness, autonomy and interdependence in cultural context. *The anatomy of loneliness*. New York, International Universities Press, pp. 107-120. (In English).
12. Kozyreva, P. M., & Smirnov, A. I. (2020). Loneliness: age features. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (9), pp. 56-69. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009617-1
13. Holmén, K., Ericsson, K., & Winblad, B. (2000). Social and emotional loneliness among non-demented and demented elderly people. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 31(3), pp. 177-192. (In English). DOI: 10.1016/S0167-4943(00)00070-4
14. Lu, J., Zhang, N., Mao, D., Wang, Yu., & Wang, X. (2020). How social isolation and loneliness effect medication adherence among elderly with chronic diseases: an integrated theory and validated cross-sectional study. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 90. (In English). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.archger.2020.104154>
15. Ruslin, R., Mashuri, S., Rasak, M. S. A., Alhabsyi, F., & Syam, H. (2022). Semi-structured Interview: a methodological reflection on the development of a qualitative research instrument in educational studies. *IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME)*, 12(1), pp. 22-29. (In English). DOI: 10.9790/7388-1201052229

Информация об авторе / Information about the author

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Kgalkin1989@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Konstantin A. Galkin, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Kgalkin1989@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 04.08.2023.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 04.08.2023.

УДК 316.4; 331.1

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-35-50

Социальный контроллинг

Ю. М. Конев, О. В. Третьякова*, Ю. О. Баикина

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**tretjakovaov@tyuiu.ru*

Аннотация. Развитие и внедрение социального контроллинга в управленческую практику связано с возросшей ролью социальной ответственности предприятий, в частности предприятий нефтегазовой отрасли, перед обществом, государством, своими работниками, потребителями. Сегодня основная задача социального контроллинга состоит в обеспечении на всех уровнях управления организации непрерывного мониторинга деятельности, в том числе и социальных факторов. Цель исследования — анализ социальных факторов эффективности системы управления в организации. Для выявления в динамике степени удовлетворенности системой управления, организацией трудовой и социальной среды, степени доверия к компании и выявления связи данных факторов с эффективностью управления в рамках социального контроллинга было проведено социологическое исследование, охватившее 3 года. Умелое использование полученных данных позволит руководителям структурных подразделений эффективнее использовать социальные факторы трудовой среды персонала, повысить их отдачу в процессе трудовой деятельности.

Ключевые слова: контроллинг, социальное управление, социальная ответственность, управленческая деятельность, эффективность

Для цитирования: Конев, Ю. М. Социальный контроллинг / Ю. М. Конев, О. В. Третьякова, Ю. О. Баикина. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-35-50 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 3. — С. 35–50.

Social controlling

Yury M. Konev, Oksana V. Tretyakova*, Yulia O. Baikina

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**tretjakovaov@tyuiu.ru*

Abstract. The development and implementation of social controlling in management practice is linked to the increasing role of the social responsibility of companies, particularly oil and gas companies, towards society, the state, their employees and consumers. Today the main task of social controlling is to ensure continuous monitoring of activities, including social factors, at all levels of the management of the organization. The aim of this article is to analyze the social factors of the effectiveness of the management system in the organization. A three-year sociological study was carried out in order to determine the level of satisfaction with the management system, the organization of work and the social environment, the level of trust in the company and the relationship between these factors and the effectiveness of management in the context of social controlling. Skillful use of the data obtained will allow the heads of structural divisions to more effectively use the social factors of the working environment of the personnel to increase their return in the process of labor activity. Skillful use of the obtained data will allow managers of structural subdivisions to make more effective use of the social factors of the working environment of the personnel, to increase their efficiency in the process of work activity.

Keywords: controlling, social management, social responsibility, management activity, efficiency

For citation: Konev, Yu. M., Tretyakova, O. V. & Baikina, Yu. O. (2023). Social controlling. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 35-50. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-35-50

Введение

Контроллинг как явление в теории и практике социального управления появился на стыке финансово-экономического анализа, управленческого учета, планирования и экономики труда. Исследователи утверждают, что это явление возникло чуть ли не в Средние века, сам термин впервые употребили в Англии в 15 веке в рамках государственного управления, где объектами непрерывного управления служили денежные потоки государства и движение товаров, работ и услуг для государственных нужд, сегодня мы это называем государственными закупками.

Постепенно внедрение контроллинга расширилось и было заимствовано бизнесом. Появилось понятие «социальный контроллинг», объединяющее в себе социальные аспекты: во-первых, в узком смысле, функционирование персонала на предприятии; во-вторых, в широком смысле, формирование основы социальной ответственности бизнеса. Контроллинг как система непрерывного наблюдения, анализа и контроля за денежными и товарными потоками проникает в сферу стратегического управления, выводя социальное управление на качественно новый уровень, ориентируя деятельность организации на достижение оперативных и стратегических целей.

Этимология слова «контроллинг» свидетельствует о приверженности к термину «контроль» с окончанием «ing», характеризующим непрерывность и постоянность. В современной английской практике контроллинг называют managerial accounting, то есть полная ассоциация с термином «управленческий учет». В российской практике встречается широкое и узкое понимание «контроллинга». Для организаций, реализующих принципы стратегического менеджмента, контроллинг шире, чем управление, именно он позволяет не отойти в оперативном управлении от стратегии и сокращать вовремя стратегические разрывы. Для других компаний смысл контроллинга сужается до системы обратной связи.

Литературный обзор

Анализ научных публикаций показал, что различные стороны функционирования социального контроллинга широко обсуждаются в российском научном сообществе. Наибольшее число публикаций затрагивают следующие темы: развитие социального контроллинга в системе управленческого учета находит отражение в работах С. А. Рубцова [1], Н. Г. Данилочкиной [2] и др.; рассмотрению роли социального контроллинга в эффективности производства посвящены работы Й. Вебер [3], Э. Майера [4]; определению роли социального контроллинга в устойчивом развитии организации посвящены работы Р. Манна [5], А. П. Градова [6]; социальный контроллинг как

основа повышения социальной ответственности бизнеса анализируется в работах О. В. Доможировой [7], П. А. Куцика [8].

В современной экономической литературе приводится достаточно много разнообразных определений контроллинга. Многообразие подходов к выработке понятийного определения контроллинга, на взгляд автора, только подчеркивает его функциональную многогранность в системе управления. Можно выделить 3 основные группы, характеризующие социальный контроллинг и его роль в организации:

- система обеспечения методической, инструментальной базы для поддержки основных функций управления: планирования, контроля, учета и анализа (С. А. Рубцов) [1]; функционально обособленное направление экономической работы на предприятии, связанное с реализацией финансово-экономической функции в менеджменте для принятия оперативных и стратегических управленческих решений (Н. Г. Данилочкина) [2];
- элемент управления социальной системой, выполняющий главную функцию поддержки руководства при решении им общей задачи координации системы управления с упором на задачи планирования, контроля и информирования (Й. Вебер) [3];
- система управления процессом достижения конечных целей и результатов деятельности фирмы (Р. Манн) [5]; руководящая концепция эффективного управления фирмой и обеспечения ее долгосрочного существования (Э. Майер) [4]; новейшая концепция эффективного управления фирмой для обеспечения ее долгосрочного существования на рынке (А. П. Градов) [6].

Материалы и методы

С целью изучения системы социального контроллинга в системе управления организаций были реализованы методы социологического опроса в форме анкетирования работников и представителей предприятий, анализа документов, статистического и математического анализа, сравнения. В качестве эмпирической базы исследования использовались данные по социальной политике организаций, документы бухгалтерского учета, аналитические отчеты нефтегазовых компаний.

Для решения исследовательских задач в оценке эффективности системы управления в ООО «Газпром трансгаз Югорск» в 2020–2022 гг. были проведены опросы работников и представителей управленческого персонала. Для выявления отношения клиентов к системе сбыта, предпродажного и послепродажного сервиса, оценки степени доверия было проведено социологическое исследование в форме телефонного опроса представителей компаний, работающих на постоянной основе (более 5 лет).

Результаты и обсуждение

Результаты изучения направлений эволюции экономической мысли указывают на отсутствие четких представлений о системе контроллинга как понятии, которое еще далеко от логической завершенности и окончательного осмысления как вида комплексно сформированной сферы знаний в экономической теории и практике [7].

Сравнивая и анализируя различные подходы и содержание определений, приведенных ранее, можно утверждать, что контроллинг в своей эволюции понимания его роли в организации прошел путь от системы методического и инструментального обеспечения [2] через направление экономической работы к управлению организацией как социальной системой, которая:

- 1) создает информационно-аналитическую систему, адекватную задачам целевого социального управления;
- 2) формирует организационную структуру, ориентированную на достижение стратегических и тактических целей социального управления.
- 3) ориентирует на социально-экономическую эффективную работу организации в относительно долговременной перспективе (рис. 1).

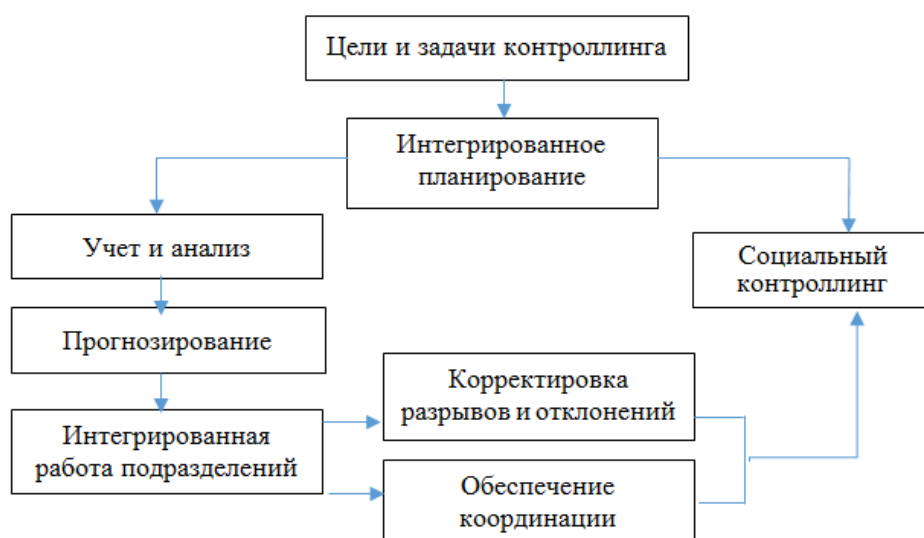

Рис. 1. Механизм функционирования контроллинга на предприятии

В совокупности инструментов и методов социального управления особое место отводится социальному контроллингу. Его основная задача — обеспечение на всех уровнях управления организацией непрерывного мониторинга деятельности (протекания бизнес-процессов на всех стадиях: планирования, учета, анализа и контроля) [8].

Е. Н. Харитоновна предлагает рассматривать социальный контроллинг как набор методик, направленных на приведение социально ответственной политики и управленческой практики структурных подразделений организаций к такому виду, чтобы они были эффективны для данного бизнеса, анализируемы, гибки по отношению к будущим изменениям в бизнесе и реализованы с использованием современных систем баз данных [9].

Таким образом, социальный контроллинг и социально ответственная политика (и управленческая практика) — это связанные отношения, которые укладываются в три основных направления социальной ответственности: перед обществом; перед работниками; перед потребителями [10].

Большинство исследователей склонны к тому, что инструменты социального контроллинга как раз и представляют собой контроллинг социально ответственной деятельности организации, ориентированный на управление ее социальной функцией при обеспечении оптимального коммуникационного и информационного процесса [11]. Он способствует тому, что благодаря оптимизации масштабов социально ответственной деятельности конкретной организации происходит достижение стратегических целей бизнеса [12].

Возвращаясь к историческому аспекту, основоположники идеи контроллинга для полноценной реализации функций предлагают четкую поэтапность построения системы:

- 1) определение конкретных задач контроллинга, поиск внутренних ресурсов для создания отдела контроллинга, определение полномочий персонала отдела;
- 2) определение иерархии созданного отдела контроллинга;
- 3) определение внутренней организации отдела контроллинга;
- 4) определение профессиональных и дисциплинарных полномочий работников отдела контроллинга;
- 5) подбор персонала;
- 6) разработка указаний относительно работы системы контроллинга и норм поведения контролеров;
- 7) обучение и повышение квалификации персонала.

Опыт аудиторских компаний, реализующих цели внедрения контроллинга на предприятиях, показывает, что заказчикам предлагается система контроллинга исходя из его понимания в узком смысле, на основе управленческого учета и бюджетирования. То есть фактически это не социальный, а внутренний контроллинг на предприятии:

- 1) системное изучение целей, приоритетов развития компании;
- 2) анализ организационной системы и системы внутреннего документооборота;
- 3) оптимизация работы исходя из целей и видов деятельности компании;
- 4) формирование системы управленческого учета и корректировка учетной политики компании;
- 5) разработка системы планирования;
- 6) разработка системы бюджетирования;
- 7) определение целевых показателей и формирование системы управления предприятием с помощью системы стратегических контрольных показателей.

Несмотря на разницу в формулировании этапов, первый этап системы контроллинга включает изучение целей и выявление приоритетных направлений развития предприятия. Для чего? Для подчинения задач контроллинга задачам компании в контексте социально ответственной деятельности.

Однако хочется констатировать факт того, что положительных исходов внедрения и функционирования социального контроллинга не так много. Влияние внешних и внутренних факторов снижает эффективность, а нередко нивелирует положительные эффекты системы.

Анализ литературы показал, что исследователи рассматривают факторы, препятствующие эффективному внедрению инструмента в деятельность конкретного экономического субъекта, и сходятся на том, что глобальные факторы сдерживания можно объединить в пять групп.

Во-первых, факторы, связанные со сложностью применения зарубежного практического опыта и недостаточностью опыта российских компаний в реализации социального контроллинга в системе управления.

Во-вторых, факторы стоимости, такие как высокие затраты на внедрение и поддержание системы социального контроллинга, которая требует вложений в перестройку бизнеса, структуризацию направлений работы, приобретение информационных технологий, подбор, обучение/переобучение кадров, перестройку вертикальных и горизонтальных связей отделов и подразделений по функции системы.

В-третьих, правовые факторы, в частности недостаточность проработки нормативно-правовой базы.

В-четвертых, нехватка специалистов и компаний, способных реализовать организацию системы социального контроллинга.

Глобальность проблемы заключается в том, что высокий фактор стоимости системы позволяет реализовать ее функции в большинстве случаев в крупных компаниях банковского сектора, на предприятиях промышленности. Опыт внедрения системы на одном крупном предприятии не всегда позволяет эффективно применить технологии на другом в связи со спецификой.

Сегодня организации, реализующие принципы социальной ответственности своей деятельности, сталкиваются с задачами выбора показателей эффективности реализации управленческих решений, пытаются найти критерии, отвечающие запросам социального контроллинга, стремясь, во-первых, к минимизации их количества, во-вторых, к доступности их обработки в течение отчетного периода (месяц, квартал, год), в-третьих, к включению не только финансово-экономических показателей [13].

В связи с этим предлагаемый метод оценки эффективности решения задач в процедурах социального контроллинга предполагает использование более широкой системы показателей [14; 15]. Показатели/факторы могут быть универсальными и специфическими, учитывающими особенности отрасли и деятельности, могут дополнять стандартный набор социальной и экономической эффективности [16]: чистая прибыль предприятия, рентабельность деятельности предприятия, численность работающих, руководители, специалисты, работники, эффективность управления персоналом, эффективность управления системой сбыта, степень соответствия средств автоматизации, имеющихся в наличии, целям предприятия.

В качестве эмпирической базы исследования использовались данные по социальной политике организации, документы бухгалтерского учета, аналитические отчеты нефтегазовых компаний. С целью изучения системы социального контроллинга в системе управления организаций были реализованы методы социологического опроса в форме анкетирования работников и представителей предприятий, анализа документов, статистического и математического анализа, сравнения.

Далее на основе выбранных данных был проведен анализ данных показателей с помощью социологических и математических методов.

1. Социологический опрос работников организации административно-управленческого и производственного персонала, обработанный посредством программного комплекса проведения опросов Interro-SL.

2. Социологический опрос постоянных клиентов (заказчиков, покупателей), обработанный посредством программного комплекса проведения опросов Interro-SL.

3. Анализ зависимости между факторами с помощью инструментов «Microsoft Excel» с целью автоматизации процесса расчетов.

4. Ранжирование полученных данных с целью выявления тренда каждого из факторов в динамике. Обобщающими становятся данные, обработанные 3 методами, далее они корректируются по степени значимости.

Предполагается, что на основе представленных расчетов возможно сделать выводы об эффективности социального управления в рамках социального контроллинга как системы социально ответственной деятельности и управленческой практики. На основе аналитических данных формулируется вывод о том, в каком году эффективность решения управленческих задач была наиболее высокой, и какой из факторов стал детерминирующим. Последнее определяется путем суммирования показателей не по годам, а по категориям.

Представленная методология была апробирована в 2020–2022 годах в компании ООО «Газпром трансгаз Югорск». Для анализа были использованы следующие факторы: 1) чистая прибыль предприятия; 2) рентабельность деятельности предприятия; 3) численность работающих; 4) руководители; 5) специалисты; 6) работники; 7) социальная эффективность управления персоналом; 8) эффективность управления системой сбыта; 9) степень соответствия средств автоматизации, имеющихся в наличии, целям предприятия.

Основой для расчета показателей с 1 по 6 и 9 выступили данные внутренней отчетности компании за последние 3 года (форма № 1, форма № 2 бухгалтерского баланса с приложениями).

В рамках глобального анализа для решения задач по показателям 7 и 8 групп было проведено 2 социологических исследования в течение 3-х лет. Данные будут представлены за 2022 год и совокупно за 3 года:

- для оценки социальной эффективности управления персоналом были проведены социологические опросы, в 2022 году в них участвовали 126 человек (87 % работников компаний), в 2021 году — 131 человек, в 2020 году — 130 человек;
- для оценки эффективности управления системой сбыта, пред- и послепродажного сервиса и оценки степени доверия к компании было проведено исследование в форме телефонного опроса постоянных клиентов и заказчиков (в 2022 году участвовали 54 из 61 компании (88,5 %), в 2021 году — 53 компании, в 2020 году — 51 компания).

Эффективность управления персоналом была оценена с помощью проведенного опроса среди работников административно-управленческого и производственного персонала предприятия. Целью исследования стала оценка эффективности управления персоналом. Анкетирование предполагало ответы на такие вопросы, как удовлетворенность работой и управлением, соответствие возложенных обязанностей и трудовых функций вознаграждению, организация труда и привлекательность трудовой среды. Ответы на данные вопросы были структурированы, вычислено среднее значение и получено совокупное значение эффективности.

В исследовании 2022 года всего были опрошены 126 человек, из числа опрошенных три четверти составили мужчины, это объясняется отраслевой спецификой деятельности нефтяной компании. Стаж работы в организации: до 1 года работают 3,9 % опрошенных; от 2 до 5 лет — 33,3 %; 6–10 лет — 19,0 %; 10–20 лет — 33,3 %; свыше 20 лет — 10,5 %.

На вопрос о степени удовлетворенности системой управления 64,9 % респондентов ответили положительно (суммировались ответы «Да» и «Скорее да»), не удовлетворены оказались только 7 работников (5,5 %).

Результаты исследования по предыдущим периодам были существенно ниже, 57 и 58,8 % в 2020 и 2021 году соответственно.

Респондентам предлагалось оценить соответствие своего вознаграждения и возложенных на них трудовых обязанностей и функций (на основании штатного расписания и должностных инструкций). Распределение ответов на этот вопрос такое: 79 человек (62,8 %), а это более половины, ответили положительно (суммировались ответы «Да» и «Скорее да»), категорически несоответствующими их посчитали 16 человек (12,7 % респондентов).

Результаты исследования по предыдущим периодам были существенно выше, 78,4 и 73 % в 2020 и 2021 году соответственно.

Вопрос по организации трудового процесса, формирование трудовой среды является актуальным для работников, особенно для предприятий нефтегазовой отрасли, где представлены как группы офисного персонала, так и сотрудники, работающие в полевых условиях [17]. Опрос показал, что довольны организацией труда, социальной и трудовой средой 73,9 % опрошенных, категорически недовольны — 8 % (рис. 2).

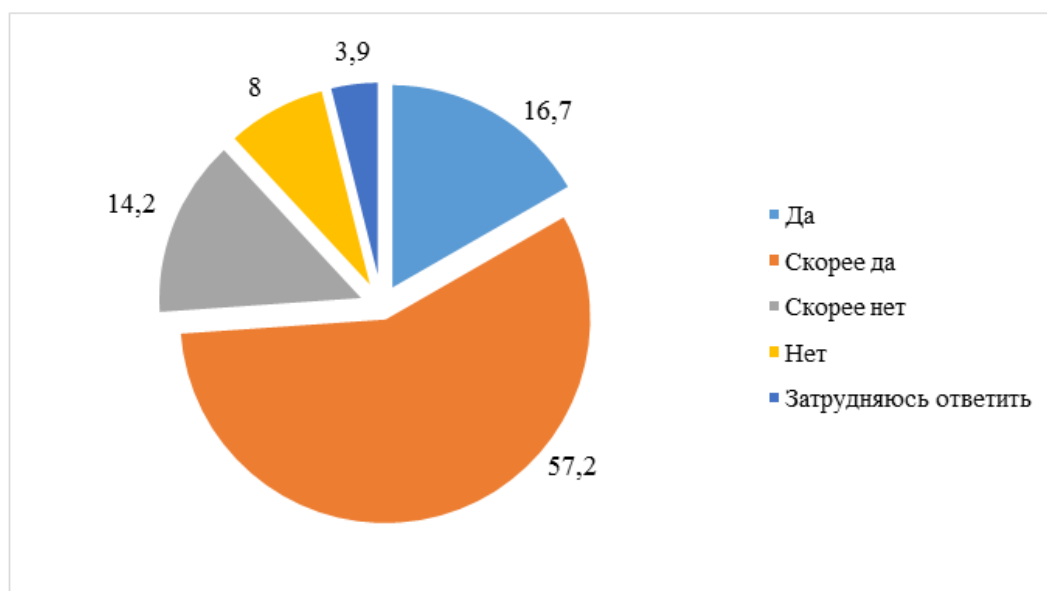

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о привлекательности трудовой и социальной среды в процессе трудовой деятельности (по 2022 году), %

По мнению ряда исследователей, формирование качественной социальной среды в организации позволяет добиваться высокой эффективности труда за счет повышения уровня удовлетворенности трудом персонала [18]. Динамика изменения отношения работников к вопросам социальной инфраструктуры, организации труда и привлекательности трудовой среды имеет положительную тенденцию, так в 2020 году данный фактор положительно оценили 60,2 %, в 2021 — уже 68,7 %.

Анализируя динамику отношения к системе управления компанией по годам, можно говорить о том, что степень удовлетворенности растет, хоть и небольшими темпами (за исследуемый период на 2 %). Для заключения такого вывода проводилась оценка по таким параметрам, как количество удовлетворенных работой и системой управления в компании, количество положительно оценивших соответствие возложенных обязанностей вознаграждению, количество положительно оценивших привлекательность трудовой и социальной среды. По итогам определялся средний показатель за три года (табл. 1).

Таблица 1

Сводные результаты проведенного исследования оценки эффективности управления персоналом за 3 года, %

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество удовлетворенных работой и системой управления в компании	57	58,8	64,9
Количество положительно оценивших соответствие возложенных обязанностей вознаграждению	78,4	73,0	62,8
Количество положительно оценивших привлекательность трудовой и социальной среды	60,2	68,7	73,9
Средний показатель по годам	65,2	66,8	67,2

Эффективность управления системой сбыта также оценивалась с помощью опроса, который был проведен с целью выявления степени удовлетворенности сотрудничеством с компанией и оценки степени доверия.

Сбор первичных данных был проведен в форме опроса по телефону с использованием анкеты, в которой были закрытые вопросы.

В качестве опрашиваемых выступили 54 представителя компаний, сотрудничающих более 5 лет. В компаниях оценивалась степень удовлетворенности системой сбыта, предпродажного и послепродажного сервиса, немаловажной стала оценка степени доверия компаний, по итогу рассчитывался совокупный уровень эффективности системы сбыта (табл. 2).

Таблица 2

Оценка уровня эффективности системы сбыта за 3 года

Показатель	Совокупность ответов «Да» и «Скорее да»		
	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Оценка степени удовлетворенности системой сбыта, предпродажного и послепродажного сервиса, %	45,1	58,4	50,9
Оценка степени доверия, %	83,6	81,1	83,3
Совокупный уровень эффективности системы сбыта, %	64,3	69,7	67,1
Количество участвующих компаний	51	53	54

По результатам проведенного исследования отмечается высокий уровень эффективности системы сбыта и очень высокий уровень доверия к компании, однако в динамике показатель эффективности за 3 года вырос незначительно (на 2,8 %).

Все полученные данные были сгруппированы в таблице для дальнейшей обработки (табл. 3).

Таблица 3

**Показатели метода оценки эффективности решения задач
в процессе социального контроллинга**

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Чистая прибыль предприятия	662 088	929 411	2 443 713
Рентабельность деятельности предприятия	0,25	0,36	1,03
Численность работающих	406	405	407
Руководители	36	35	36
Специалисты	88	88	89
Работники	282	282	282
Эффективность управления персоналом, %	65,2	66,8	67,2
Эффективность управления системой сбыта и сервиса, %	64,3	69,7	67,1
Степень соответствия средств автоматизации, имеющихся в наличии, целям предприятия, %	63	66	68

Далее был проведен анализ с применением математических инструментов для выявления количественных показателей детерминирующих факторов за 3 года (рис. 3).

Рис. 3. Коэффициенты значимости показателей по результатам анализа

После получения совокупных данных показателей проведено их суммирование и последующее изменение путем умножения на коэффициент значимости. В таблице 4 представлен вид данных после обработки.

Таблица 4

Представление данных показателей оценки эффективности социального контроллинга с корректировкой на коэффициенты значимости

Показатель	Коэффициент значимости	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Сумма категории
Чистая прибыль предприятия	1,000	–2,0000	0,0000	2,0000	0,0000
Рентабельность деятельности предприятия	0,99992	1,9998	0,0000	1,9998	0,0000
Численность работающих	0,621017	0,0000	–1,2420	1,2420	0,0000
Руководители	0,14037	0,0000	–0,2807	0,0000	–0,2807
Специалисты	0,980647	–1,9613	–1,9613	0,0000	–3,9226
Работники	0,014866	–0,0297	–0,0297	–0,0297	–0,0892
Эффективность управления персоналом	0,974494	–1,9490	0,0000	1,9490	0,0000
Эффективность управления системой сбыта	0,104816	–0,2096	0,2096	0,0000	0,0000
Степень соответствия средств автоматизации, имеющихся в наличии, целям предприятия	0,770999	–1,5420	0,0000	1,5420	0,0000
Сумма с учетом коэффициента значимости	–	–9,6915	–3,3042	8,7031	–4,2925

Итак, детерминирующей составляющей в эффективности решения задач управленческой деятельности является социальная составляющая. Исследование доказало, что социальная инфраструктура, справедливость вознаграждения, грамотная социальная политика в управлении персоналом, высокая степень доверия окружения являются в итоге факторами эффективности деятельности компании в целом. Задача же социального контроллинга состоит в построении такой системы управления, в которой ключевые параметры эффективности будут проходить мониторинг непрерывно и корректироваться исходя из целей организации.

Обобщая теоретические и практические аспекты исследования, организации, реализующие принципы социальной ответственности своей деятельности, сталкиваются с вопросами соответствия системы деятельности компании и стратегии развития. Далее выбор сужается до выбора показателей эффективности реализации управленческих решений. Компании пытаются найти оптимальные критерии, отвечающие запросам социального контроллинга. Оптимизация заключается, во-первых, в минимизации количества критериев; во-вторых, в доступности их обработки в течение определенного периода (месяца, квартала, года) или получения оперативных данных на выбранную дату принятия управленческих решений; в-третьих, во включении не только чисто финансово-экономических количественных показателей, но и индикаторов качественной оценки [13].

В связи с этим предлагаемый метод оценки эффективности решения задач в процедурах социального контроллинга предполагает использование более широкой системы показателей [14; 15]. Показатели/факторы могут быть универсальными и специфическими, учитывающими особенности отрасли и деятельности, могут дополнять стандартный набор социальной и экономической эффективности [16]: чистая прибыль предприятия, рентабельность деятельности предприятия, численность работающих, руководители, специалисты, работники, эффективность управления персоналом, эффективность управления системой сбыта, степень соответствия средств автоматизации, имеющихся в наличии, целям предприятия.

Выводы

Итак, развитие и внедрение социального контроллинга в управленческую практику связано с повышением роли социальной ответственности предприятий, в частности предприятий нефтегазовой отрасли, перед обществом, государством, своими работниками и потребителями. Социальный контроллинг как система выполняет ряд задач, которые можно сформулировать как обеспечение на всех уровнях управления организации непрерывного мониторинга деятельности, в том числе и социальных факторов. Для выявления в динамике степени удовлетворенности системой управления, организацией трудовой и социальной среды, степени доверия к компании и выявления связи данных факторов с эффективностью управления в рамках социального контроллинга было проведено социологическое исследование, охватившее 3 года. Грамотное использование результатов может способствовать росту эффективности принятия решений руководителями структурных подразделений, эффективнее использовать социальные факторы трудовой среды персонала, повысить их отдачу в процессе трудовой деятельности.

Выводы по результатам исследования и мнение руководства компании, в которой проводилось исследование, идентичны в аспекте оценки эффективности применения данного метода для выявления результативности социального контроллинга. Реализация предложенного метода позволяет расширить возможности применения аналитического аппарата и стать эффективным многомерным инструментом, позволяющим выявить уровень оценки эффективности социального контроллинга. Данный метод вариативен, может учитывать специфические и универсальные показатели по отраслям, включать социальные факторы, вести расчеты за один год, несколько лет и более короткие периоды в течение года, предлагает варианты более углубленного исследования — расчет интегрированного показателя эффективности социального контроллинга.

Список источников

1. Рубцов, С. В. Целевое управление в корпорациях. Управление изменениями : монография / С. В. Рубцов. – Москва : Статистика, 2011. – 234 с. – Текст : непосредственный.
2. Контроллинг как инструмент управления предприятием / Е. А. Ананькина, С. В. Данилочкин, Н. Г. Данилочкина [и др.] ; ред. Н. Г. Данилочкина. – Москва : ЮНИТИ, 2002. – 279 с. – Текст : непосредственный.
3. Weber, J. Change Management für die Kostenrechnung / J. Weber. – Berlin, 1990. – P. 122–124. – Direct text.
4. Майер, Э. Контроллинг как система мышления и управления / Э. Майер ; перевод с немецкого Ю. Г. Жукова, С. Н. Зайцева ; под редакцией С. А. Николаевой. – Москва : Финансы и статистика, 1993. – 92 с. – Перевод изд.: Controlling als Denk- und Steuerungssystem / Elmar Mayer. Freiburg, 1985. – Текст : непосредственный.
5. Манн, Р. Контроллинг для начинающих / Р. Манн, Э. Майер ; перевод с немецкого Ю. Г. Жукова ; под редакцией и с предисловием В. Б. Ивашкевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Финансы и статистика, 1995. – 300 с. – Перевод изд.: Controlling für einsteiger / Rudolf Mann, Elmar Mayer. Freiburg, 1995. – Текст : непосредственный.
6. Стратегия и тактика антикризисного управления фирмой / Под редакцией А. П. Градова, Б. И. Кузина. – Текст : непосредственный. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. – 511 с.
7. Доможирова, О. В. Контроллинг в управленческом учете / О. В. Доможирова, В. Ю. Бредихина. – Текст : непосредственный // Белгородский экономический вестник. – 2016. – № 4(84). – С. 53–57.
8. Куцик, П. А. Оценка эффективности контроллинга в системе управления предприятия / П. А. Куцик, С. И. Головацкая. – Текст : непосредственный // Экономический анализ : сборник научных трудов. – Тернополь : Издательско-полиграфический центр Тернопольского национального экономического университета «Экономическая мысль». – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 145–155.

9. Харитонова, Е. Н. Управление социально ответственной деятельностью промышленных предприятий как способ повышения конкурентоспособности / Е. Н. Харитонова. – Текст : непосредственный // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2008. – № 4(61). – С. 48–53.
10. Иванов, В. Г. Развитие системы контроллинга социально ответственной деятельности промышленного предприятия / В. Г. Иванов. – Текст : непосредственный // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2011. – № 6(137). – С. 112–119.
11. Мирошниченко, Е. Б. Внедрение контроллинга в практику управления : оценка результативности / Е. Б. Мирошниченко, Л. Е. Никифорова. – DOI 10.18334/се.12.8.39294. – Текст : непосредственный // Креативная экономика. – 2018. – Т. 12, № 8. – С. 1165–1178.
12. Скифская, А. Л. Контроль и надзор в сфере строительства нефтегазовых объектов / А. Л. Скифская, К. Н. Скифская. – DOI 10.34755/IROK.2022.36.62.043. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 2. – С. 152–158.
13. Беляева, М. В. Технологии цифрового аудита и цифрового контроллинга как стратегический инструмент совершенствования системы управления крупными промышленными предприятиями / М. В. Беляева. – Текст : непосредственный // Экономика и социум : современные модели развития. – 2018. – Т. 8, № 1(19). – С. 52–67.
14. Харасова, А. С. Контроллинг как информационная система поддержки принятия управленческих решений в предпринимательстве / А. С. Харасова. – Текст : непосредственный // Российское предпринимательство. – 2014. – № 21(267). – С. 17–23.
15. Грибанов, Ю. И. Информационное обеспечение системы контроллинга на промышленном предприятии / Ю. И. Грибанов, К. О. Ершов. – Текст : непосредственный // Российское предпринимательство. – 2013. – Т. 14, № 2(224). – С. 66–72.
16. Островская, Е. А. Корпоративная социальная ответственность : развитие в России в новых экономических условиях / Е. А. Островская. – DOI 10.18334/ррр.4.2.38145. – Текст : непосредственный // Государственно-частное партнерство. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 103–110.
17. Авилова, М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России : тенденции, проблемы, решения. / М. Г. Авилова. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 34. – С. 1–5. – URL: <https://e-koncept.ru/2016/56712.htm>. (дата обращения: 18.03.2023).
18. Киварина, М. В. Корпоративная социальная ответственность / М. В. Киварина. – Текст : непосредственный // Экономический журнал. – 2011. – № 3(23). – С. 116–121.

References

1. Rubtsov, S. A. (2011). Tselevoe upravlenie v korporatsiyakh: upravlenie izmeneniyami. Moscow, Statistika Publ., 234 p. (In Russian).

2. Anan'kina, E. A., Danilochkin, S. V., Danilochkina, N. G., Deripaska, O. V., Dolgov, L. E., Kukina, S. A.,... Erenburg, M. V. (2002). *Kontrolling kak instrument upravleniya predpriyatiem*. Moscow, YUNITI Publ., 279 p. (In Russian).
3. Weber, J. (1990). *Change Management für die Kostenrechnung*. Berlin, pp. 122-124. (In German).
4. Mayer, E. (1985). *Controlling als Denk- und Steuerungssystem*. Freiburg. (In German).
5. Mann, R., & Mayer, E. (1995). *Controlling für einsteiger*. Freiburg. (In German).
6. Gradov, A. P., & Kuzin, B. I. (1996). *Strategiya i taktika antikrizisnogo upravleniya firmoy*. St. Petersburg, Spetsial'naya literature Publ., 511 p. (In Russian).
7. Domozhirova, O. V., & Bredikhina, V. Yu. (2016). *Kontrolling v upravlencheskom uchete*, *Belgorodskiy ekonomicheskij vestnik*, 4(84), pp. 53-57. (In Russian).
8. Kutsik, P. A. (2017). *Otsenka effektivnosti kontrollinga v sisteme upravleniya predpriyatiya*. *Ekonomicheskij analiz: sbornik nauchnykh trudov*. Ternopol', *Ekonomicheskaya mysl' Publ.*, 27(2), pp. 145-155. (In Russian).
9. Kharitonova, E. N. (2008). *Upravlenie sotsial'no otvetstvennoy deyatel'nost'yu promyshlennykh predpriyatiy kak sposob povysheniya konkurentosposobnosti*. St. Petersburg state polytechnical university journal. *Economics*, 4(61), pp. 48-53. (In Russian).
10. Ivanov, V. G. (2011). *Razvitie sistemy kontrollinga sotsial'no otvetstvennoy deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya* / St. Petersburg state polytechnical university journal. *Economics*, 6(137), pp. 112-119. (In Russian).
11. Miroshnichenko, E. B., & Nikiforova, L. E. (2018). *Implementation of controlling in management practice: effectiveness assessing*. *Creative Economy*, 12(8), pp. 1165-1178. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.12.8.39294
12. Skifskaya, A. L., & Skifskaya, K. N. (2022). *Control and supervision in the field of construction of oil and gas facilities*. *Actual issues of the modern economy*, (2), pp. 152-158. (In Russian). DOI: 10.34755/IROK.2022.36.62.043
13. Belyaeva, M. V. (2018). *Digital audit and digital controlling technologies as a strategic tool for improving the management of large industrial enterprises*. *Economics and society: Contemporary models of development*, 8(1(198)), pp. 52-67. (In Russian).
14. Kharasova, A. S. (2014). *Controlling as the information support system for management decision-making in entrepreneurial activity*. *Russian journal of entrepreneurship*, 21(267), pp. 17-23. (In Russian).
15. Gribov, Yu. I., & Ershov, K. O. (2013). *Information system of controlling an industrial plant support*. *Russian journal of Entrepreneurship*, 14(2), pp. 66-72. (In Russian).
16. Ostrovskaya, E. A. (2017). *Corporate social responsibility: development in Russia in the new economic conditions*. *Public-private partnership*, 4(2), pp. 103-110. (In Russian). DOI: 10.18334/ppp.4.2.38145
17. Avilova, M. G. (2016). *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v Rossii: tendentsii, problemy, resheniya*. *Koncept*. (In Russian). Available at: <https://e-koncept.ru/2016/56712.htm>

18. Kivarina, M. V. (2011). Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. *Ekonomichesky zhurnal*, 3(23), pp. 116-121, (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Конев Юрий Михайлович, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Yury M. Konev, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Третьякова Оксана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tretjakovaov@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9832-4406>

Oksana V. Tretyakova, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, tretjakovaov@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9832-4406>

Баикина Юлия Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3874-3665>

Yulia O. Baikina, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3874-3665>

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.

УДК 316.334.56

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-51-67

Актеры развития нестоличных промышленных городов: теоретико-методологические подходы к исследованию

Г. И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
makarova_guzel@mail.ru*

Аннотация. Глобальные вызовы, с которыми столкнулись российское государство и общество, диктуют необходимость подъема производства и поиска ресурсов развития промышленных городов страны. Эти ресурсы связаны с наличием/отсутствием в них реальных лидеров, заинтересованных в преобразовании города, способных выступить в роли интеграторов управленческих, производственных, бизнес- и креативных сообществ. Цель статьи — выявить возможности акторного подхода и связанных с ним теорий и методологий для раскрытия их потенциала, оценки эффективности деятельности.

Постановка вопроса об участниках городских процессов, задающих их направление и перспективы, определила выбор в качестве базы для дальнейших исследований промышленных городов России теории социального действия М. Вебера, развитой в концепциях А. Турена, П. Бурдьё и Э. Гидденса, П. Штомпки и В. А. Ядова.

Привлечение мыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого и Ю. В. Громыко помогает определить критерии оценки деятельности и коммуникации субъектов городского развития, понять роль целевого образа города (формируемого на основе проектного либо сценарного подходов) в придании векторности их стратегиям. Методология прогнозного социального проектирования Т. М. Дридзе дает возможность предсказать социальные последствия управленческих решений на основе учета мнений всех заинтересованных сторон.

Значимость работы связана с теоретическим продвижением в изучении участников городского развития применительно к нестоличным промышленным городам, в создании теоретико-методологических основ для дальнейшего исследования их потенциала, стратегий и практик.

Ключевые слова: акторный подход, нестоличный промышленный город, акторы развития города, городские сообщества

Для цитирования: Макарова, Г. И. Актеры развития нестоличных промышленных городов: теоретико-методологические подходы к исследованию / Г. И. Макарова. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-51-67 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 3. – С. 51–67.

Actors in the development of non-capital industrial cities: theoretical and methodological approaches to research

Guzel I. Makarova

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
makarova_guzel@mail.ru*

Abstract. The global challenges facing Russia and Russian society dictate the need to boost production and find resources to develop the country's industrial cities. These resources are related to the presence/absence of real leaders in them who are interested in transforming the city and who are able to act as integrators of managerial,

industrial, business and creative communities. The aim of the article is to reveal the possibilities of the actor approach and related theories and methodologies for unlocking their potential, evaluating the effectiveness of activities.

The question about the participants in urban processes, their direction and prospects determined the choice of M. Weber's theory of social action, developed in the concepts of A. Touraine, P. Bourdieu and E. Giddens, P. Sztompka and V. A. Yadov, as the basis for further research on industrial cities in Russia.

Attracting the thought-activity methodology of G. P. Shchedrovitsky and Yu. V. Gromyko helps to define the criteria for evaluating the activities and communication of urban development entities, to understand the role of the target image of the city (formed on the basis of project or scenario approaches) in giving direction to their strategies. Methodology of predictive social design T. M. Dridze makes it possible to predict the social consequences of management decisions based on the opinions of all stakeholders. All these approaches are considered through the prism of the possibility of their application to the study of the actors of non-capital industrial cities of Russia with a generalization of the developments that are available in this direction in Russian science.

The significance of the work lies in the theoretical advances in the study of urban development actors with a focus on non-capital industrial cities, in the creation of theoretical and methodological foundations for further research into their potential, strategies and practices.

Keywords: actor approach, non-capital industrial city, city development actors, urban communities

For citation: Makarova, G. I. (2023). Actors in the development of non-capital industrial cities: theoretical and methodological approaches to research. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 51-67. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-51-67

Введение

Фундаментальные сдвиги, обозначившиеся в мировой экономической системе, и те вызовы, с которыми столкнулось российское государство, определили важность постановки масштабных задач социально-экономического развития страны. С ними могут справиться только лидеры, способные взять на себя ответственность и объединить заинтересованных в решении данных задач и в создании новых точек роста людей. Это особенно важно по отношению к такому сложному социальному объекту, как город, тем более промышленный город, поскольку экономика России продолжает во многом определяться реальным производством, и надежды на прорыв в данном направлении велики. В то же время этот прорыв не может быть осуществлен в настоящий период без учета социальных и культурных запросов, потребностей населения в комфортной городской среде. Поэтому необходима синергия в стратегиях участников городских процессов, которые должны научиться взаимодействовать между собой и совмещать решение экономических, образовательных и социокультурных проблем. Все это делает актуальной постановку вопроса об акторах нестоличных промышленных городских поселений, предполагающую разработку теоретико-методологических основ понимания их сущности, раскрытия характера деятельности и коммуникации.

Нужно отметить, что в последние десятилетия в отечественной науке появилось множество работ, посвященных промышленным городам. Под ними мы будем, вслед за рядом российских авторов (В. А. Ушаковым, И. В. Манеевой и др.), понимать города, выполняющие преимущественно производственную функцию. Как нестоличные будут обозначаться те из них, что не являются административными центрами страны и субъектов

Российской Федерации (подход, определенный в работах А. И. Трейвиша, В. Л. Глазычева, В. Н. Лексина). Исследования нестоличных промышленных городов выстраивались в обозначенный период вокруг проблем диверсификации городской экономики и модернизации производств, их социальной структуры и занятости, качества жизни и миграции населения, внедрения новых моделей управления и формирования идентичности горожан. В то же время важные для оценки потенциала и перспектив города работы, направленные на раскрытие роли их субъектов, единичны. В качестве таковых обычно признаются руководство и инициативные группы ведущих предприятий [1–4], муниципальные власти [5], а также сообщества, формирующиеся вокруг главных учебных, научных, культурных учреждений города [6], активисты [7]. Рассмотрение конкретных примеров их участия в городских процессах до сих пор не проводилось, однако осуществлялись разработка теоретических основ анализа и определение стратегических целей развития.

Западные исследователи обращаются к вопросу о городских акторах чаще, выделяя среди них государственный сектор (правительство и муниципальные департаменты), частный сектор, гражданское общество и глобальные субъекты (международные сети) [8]. Их деятельность раскрывается в контексте проблематики повышения активности субъектов гражданского общества, устойчивого развития, изменения городских пространств. Однако в условиях продвижения стратегий деиндустриализации такого рода акторы редко изучаются в контексте выделяемых нами типов городов. В качестве одного из исключений назовем работу М. Гро-Бальтазара и М. Таландье [9], в которой анализируется удачный пример взаимодействия в городе Роман-сюр-Изере представителей традиционной для данного места кожевенно-обувной промышленности, предпринимателей, управленцев (живущих и работающих здесь в течение десятилетий) в деле реорганизации производства и социальных преобразований.

В данной статье предметом исследования стали возможности акторного подхода в качестве теоретической базы для раскрытия потенциала и перспектив развития нестоличных промышленных городов. Сами субъекты действия не сводятся при этом к представителям социально-политического активизма, а понимаются шире. Они включают лидеров муниципальной власти, ведущих производств, малого и среднего бизнеса, креативных индустрий, городских общественных организаций и формирующиеся вокруг них сообщества. При рассмотрении их деятельности и взаимодействия в аспекте развития промышленного города был обозначен эвристический ресурс таких связанных с акторным подходом методологий, как системно-мыследеятельностная и методология прогнозного социального проектирования, касающиеся механизмов формирования и реализации акторами своих стратегий.

Материалы и методы

Поиск автором теоретико-методологических основ изучения акторов развития нестоличных промышленных городов России потребовал, прежде всего, осуществления сбора и систематизации широкого круга работ, посвященных вопросам акторного и сопряженных с ним подходов (мыследеятельностного и др.) с одной стороны и промышленным городам с другой. В результате базу источников составили:

- а) теоретические труды основоположников и продолжателей названных подходов, в которых излагаются и обосновываются их основные положения;
- б) работы, обобщающие содержание связанных с акторным подходом концепций и систематизирующие их;
- в) исследования, в которых раскрывается методология и механизмы осуществления социальными субъектами/акторами проективной деятельности, в том числе по развитию города, объединяющей познание и преобразование действительности;
- г) статьи по проблематике городов, выстраиваемых вокруг промышленного производства, с фокусом на раскрытие роли участников их развития.

Для данной работы характерна междисциплинарность, выражающаяся в обобщении наработок в обозначенных направлениях, произведенных в рамках социологии, философии, психологии, экономики и урбанистики. К отобранным для изучения текстам применялись методы анализа, обобщения и синтеза. При сопоставлении ситуаций, сложившихся в развитии индустриальных городов и в изучении их акторов в нашей стране и за рубежом, использовался сравнительный метод. В итоге ряд выделенных в качестве теоретико-методологической базы дальнейшего исследования теорий и концепций предложено объединить на основе принципа дополнительности.

В ходе анализа автор также постарался обозначить пути и конкретные формы применения акторного и связанных с ним подходов к рассмотрению промышленных городов, к совершенствованию стратегий их развития путем придания им векторности и организации взаимодействия участников городских процессов на основе формулирования ими целевого образа города, разработки конкретных путей его достижения.

Результаты и обсуждение

Уже сама постановка вопроса об участниках городского развития предполагает применение в качестве общей теоретической рамки исследования акторного подхода. Его суть заключается в признании активной роли субъектов в социальных процессах и их действий как основы формирования и преобразования социальной реальности. Свое начало он берет в понимающей социологии М. Вебера, а именно в его теории социального действия, сконцентрированной на объяснении, интерпретации смысла, вкладываемого людьми в свои поступки. Тем самым М. Вебер артикулирует сознательный характер данных поступков, трактуемых им как действия — решения. Из их совокупности в конечном счете и складывается человеческая история.

Названный подход развит в интегративных концепциях Э. Гидденса и П. Бурдьё, признающих, с одной стороны, существование структурированного социального пространства, способного направлять практики и представления агентов/акторов, с другой — активную роль самих этих агентов. Таким образом, ими объединяются структуралистская и деятельностьная перспективы. При этом Э. Гидденсом особо отмечается способность агентов/акторов не только действовать согласно реальной ситуации, но и выступать инициаторами социальных изменений. Такая способность, во-первых, предполагает «мобилизационные и рефлексивные возможности сообществ» [10] — умение индивидов и их групп самостоятельно мыслить, оценивать ситуацию и прини-

мать решения. Во-вторых, автором собственной теории действия указывается на важность наличия у агентов определенных ресурсов, на основе которых они могут участвовать в преобразовании действительности, в выработке системы правил взаимодействия внутри группы и с другими агентами, осуществляя таким образом тот или иной вид власти. «Субъект, который не участвует в диалектике контроля, — подытоживает он, — перестает быть субъектом действия» [11]. Тем самым Э. Гидденс признает, что не каждый индивид на деле становится актором, способным «вмешиваться» в социальную реальность.

Обозначенные моменты важны в контексте изучения вопроса об акторах развития нестоличных промышленных городов. Выделенным критериям в них отвечают, прежде всего, собственники производств, являющиеся главными обладателями материальных ресурсов. Существенен и административный потенциал муниципальных властей. Однако и те, и другие становятся акторами только в том случае, если осознают свою миссию в городе и заинтересованы в его преобразовании, обладают способностями и желанием формировать вокруг себя сообщества (речь о которых пойдет ниже). Следует, однако, признать, что в некоторой мере участниками городских процессов можно считать почти всех жителей, уже в силу осуществляемой ими профессиональной, учебной деятельности, культурных практик. Хотя чаще — в случае если они не становятся субъектами действия — «рядовые» горожане являются таковыми лишь номинально.

Свой вклад в изучаемое теоретико-методологическое направление внес А. Турен. Применяя акторный подход к изучению социальных движений 60-х гг. XX в., он концентрирует внимание на том, каким образом социальное действие проявляется в ситуациях конфликта — когда акторы стремятся преобразовать своими сознательными (интенциональными) поступками социальный мир. Соответственно, социальность понимается им «как результат взаимодействия свободных действующих граждан и их объединений» [12], желающих выступить в качестве действующих лиц исторического процесса — субъектов действия, а сама концепция обозначается как акционистская. Таким образом, А. Турен идет еще дальше Э. Гидденса в трактовке субъекта действия как институционализирующего и производящего ситуацию согласно своим ценностям и представлениям о должном.

На деятельностных характеристиках агентов концентрирует внимание П. Штомпка, предлагая свой вариант теории социального действия — теорию социального становления. Применительно к теме городских акторов значимо то, что ключевым элементом его системы становится понятие «практика», трактуемое им как место встречи структур и действующих субъектов [10]. Оно актуально для раскрытия конкретных форм участия субъектов действия в развитии промышленных городов. В качестве инструментального можно принять также определение самого агента/актора, данное в ходе обобщения современных деятельностно-активистских теорий В. А. Ядовым. Это «активно действующий субъект, чья деятельность производит или причиняет какой-то результат» [13].

Среди исследователей, придерживающихся акторного подхода, следует выделить и изучающих проявления социального активизма в постсоветский период

О. Н. Яницкого, И. А. Халий, О. В. Аксенову и др. [14; 15]. В то же время работы современных представителей социологии действия — Л. Болтански и Л. Тевено — интересны тем, что они рассматривают ценности и нормы, которыми акторы объясняют свои поступки, что важно при раскрытии интенционального аспекта их поведения. Причем исследователями отмечается множественность обнаруживаемых таким образом логик и важность согласования возникающих разногласий [16; 17].

Ряд ученых концентрирует внимание на проблематике *коллективных социальных субъектов (сообществ)* и на основе их формирования и деятельности. Нужно отметить, что видение города как состоящего из множества групп — профессиональных, политических, культурных (трактуемых функционально) — было характерным еще для Р. Парка. Сегодня пониманию сущности явления способствует разработанная Дж. Лейвом и Э. Венгером теория «деятельных сообществ» или «сообществ практики» (*community of practice*). В ней акцентируются такие моменты, как важность коммуникации их членов, обмена между ними знаниями и опытом, а также совместной практики, в ходе которой вырабатывается определенный набор идей и ресурсов, необходимых в соответствующей сфере. Сами эти сообщества определяются Э. Венгером как «группы людей с общими интересами или людей, страстно относящихся к тому, что они делают, и стремящихся научиться делать это лучше, регулярно взаимодействуя» [18].

Примером изучения практик такого рода коллективных социальных субъектов применительно к городам, в частности промышленным, может служить работа «Cooperation, Proximity, and Social innovation: Three Ingredients for Industrial Medium-Sized Towns' Renewal?» [9]. В ней делается вывод о важности сотрудничества всех заинтересованных сторон в городском развитии. О взаимодействии сообществ, сформированных вокруг производителей и местных властей, о вопросах сохранения промышленной деятельности (в частности, по предоставлению под нее производственных площадок в городах) также пишут С. Де Бек и М. Райкеверт [19]. А в статье «Adopting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level: Initial reflections from a comparative research project» на основе исследований в разных странах авторами выделяются сообщества, формирующиеся вокруг местных органов власти (подчеркивается важность налаживания отношений внутри них и между муниципальными департаментами), бизнеса (их деятельность отличается оперативностью, инновационностью и эффективностью) и разного рода некоммерческих ассоциаций (отмечается важность инклюзии в них бедноты, представителей наименее защищенных слоев населения) [8].

На организации деятельности локальных сообществ, основанных на отношениях соседства (*neighborhood*) и выстраивающихся вокруг решения проблем благоустройства территорий, фокусирует внимание К. П. Швириен [20]. Одновременно известный экономист, социолог и урбанист Р. Флорида продвигает теорию «креативного класса», по сути обосновывая существование в современном городе особого слоя людей, «чья экономическая функция заключается в создании новых идей и технологий, нового креативного содержания» [21]. В некоторой мере теория Р. Флориды может использоваться для понимания так называемых креативных городских сообществ, складывающихся, прежде всего, вокруг людей творческих профессий (занятых в сфере организации городского пространства, досуга, культуры в целом). О них пишет также Дж. Джейкобс,

отмечающая, что использование города как центра творчества и инноваций должно быть реализовано с помощью заинтересованных лиц в развитии городской среды. К ним она относит различные инициативные группы из числа горожан [22].

В работах отечественных авторов по нестоличным промышленным городам (Г. В. Антонова и О. П. Ивановой, Е. П. Дубинкина, Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова, Е. В. Зиминной, Е. И. Нефедьевой и Е. А. Поповой, Т. А. Неклюдовой и др.) в качестве такого рода генераторов развития выделяются, прежде всего, формируемые вокруг производств сообщества. Они включают собственников и управленцев градообразующих предприятий, их ведущих специалистов, выступая в роли главных игроков на городском поле. Возможности этих акторов зависят от отраслевой, функциональной принадлежности производства, когда предприятия выступают частью международных, федеральных холдингов либо региональных компаний, а также от их статуса в этих компаниях [23]. Они выстраивают собственную политику по отношению к городу, и от них во многом зависит его развитие. В последнее десятилетие данные акторы стараются осуществлять свою деятельность в соответствии с декларируемыми в мире принципами социальной ответственности, предполагающими шаги в направлении защиты окружающей среды, создания комфортных условий для жизни горожан. В связи с этим многими из них разрабатываются и реализуются специальные программы, репрезентируемые в качестве основ социальной устойчивости города [24]. Сформированные на базе ведущих производств команды чаще действуют в согласовании с муниципальными властями, а те, в свою очередь, стараются вовлечь в процессы городского развития представителей малого и среднего бизнеса, учреждений образования, креативных индустрий и городских общественных организаций. Тандем участников городских процессов становится реальностью в том случае, если находятся лидеры, способные выступить в роли их интеграторов, заинтересованные в поиске новых точек роста, становящиеся инициаторами городских изменений и эффективного внутригородского сотрудничества.

Использование акторного подхода к изучению городов предполагает, помимо выявления их лидеров и формирующихся вокруг них сообществ, также раскрытие наличия/отсутствия ставящихся ими перспективных долгосрочных целей и формулируемых стратегий (связанных с их профессиональной/общественной деятельностью и с городом). Оно также включает рассмотрение того, в каких формах и в какой мере эти цели преобразуются (или не преобразуются) в конкретную программу действий и реализуются на практике, а также каким образом этим акторам удастся найти консенсус, и на чем он выстраивается (на взаимном прагматическом интересе либо на представлении об общем благе как цели [16]).

В связи с этим значимы методологические наработки, направленные на практическую организацию проективной деятельности акторов, в том числе городских процессов, произведенные в рамках так называемого мыследеятельностного подхода. Его основателем является Г. П. Щедровицкий, а наиболее последовательными продолжателями — Ю. В. Громыко и его команда. Исходной посылкой для них стало стремление преодолеть разрыв между теорией и практикой — то есть схемы мышления и знаний с одной стороны и схемы деятельности с другой [25]. Соответственно они стремятся сфокусировать внимание субъектов на выявлении проблемных точек объекта и нахождении новых ресурсов его развития.

В качестве метода концентрации усилий акторов на названной авторами проблеме методологии предлагается организационно-деятельностная игра, в ходе которой они погружаются в ситуацию проблематизации реальности «деструктурирования предметных форм» [25]. Тем самым предполагается нахождение проблемных точек сложившихся структур, а также смыслов, необходимых для дальнейшей деятельности по их преобразованию. То есть интегрированный потенциал субъектов действия (участников городского развития) по сути направляется в данном случае на конструирование некоей идеальной целевой модели развития объекта; на поиск путей ее реализации в рамках реально существующей ситуации. В результате уже в ходе самой мыследеятельностной практики, базирующейся на признании активной роли субъекта в социальных процессах, могут рождаться новые идеи, коллективно вырабатываться новые решения проблем, существующих в той или иной области.

Важно отметить, что авторы системно-мыследеятельностного подхода предполагают его применение к разным социальным объектам, начиная от компании/ предприятия и кончая более сложными системами (городом, регионом, страной). При этом по отношению к последним Ю. В. Громыко предлагает «подход сценариев», предполагающий не столько выработку в процессе коммуникации акторов неких единых смыслов, сколько учет и стремление интегрировать несколько различных вариантов развития объекта — сценариев. Тем самым здесь на первый план уже выходит более сложное взаимодействие субъектов действия, которые предлагают и реализуют свои проекты. Задача заключается в том, чтобы исследовать их коммуникацию и осуществить «сценарную проработку» [26] с целью «связать и зашнуровать людей с их разными интересами». Таким образом, ученый говорит здесь уже не столько о проекте, сколько о сценарной проработке ситуации, связывая ее с выявлением многообразных интересов участников процесса (в нашем случае акторов развития нестоличных промышленных городов), с изучением имеющихся у них проектов и с осуществлением на этой основе «сценарной работы» [26]. Она заключается в том, чтобы, преодолевая конфликты и столкновения между ними, нарисовать некий контур будущего, сформировать коллективный сценарий.

Соответственно, авторы обозначенной методологии переходят от теоретических положений к разработке конкретных методов организации деятельности различных групп акторов, в том числе используя их в управленческих практиках развития российских промышленных городских поселений. В частности, в ходе личных консультаций автора статьи с экспертами, участниками команды Ю. В. Громыко, в качестве таковых ими назывались города Росатома — Глазов, Новоуральск и др.

Важные практические наработки были сделаны отечественными исследователями и в русле развития проблематики городского социально-экономического планирования, касавшегося в том числе новых промышленных городов (М. В. Борщевским, А. В. Дмитриевым, М. Н. Межевич, О. И. Шкартаном). Данная идея, развивавшаяся в поздний советский период, также базируется на признании активной роли субъектов. Однако в 1970–1980-е гг. акцент делался на государственном планировании, то есть на первый план выходило государство как главный агент/актор социальных изменений. Тем не менее уже в 1990-е гг. автор методологии прогнозного социального проектиро-

вания Т. М. Дридзе подчеркивала важность учета позиций всех городских акторов. Соответственно, она начинала свои проекты с изучения мнений должностных лиц, принимающих решения (включая руководство промышленных предприятий, частных компаний, муниципальных учреждений и общественных организаций [27]), инвесторов, специалистов-практиков и других экспертов на местах (в том числе независимых экспертов), а также «рядового» населения. Для этого ею осуществлялся анализ текстов, массовые и экспертные опросы, в том числе с применением метода социального картографирования. По результатам диагностических исследований проводилась оценка возможных социальных последствий тех или иных управленческих решений [27], прописывались механизмы использования этих результатов при выстраивании региональной политики, планировании городского развития. Причем Т. М. Дридзе подчеркивалась важность учета конкретной, сложившейся на той или иной территории ситуации [27], а также принятия статуса гражданина как субъекта, а не объекта управления [28].

Наконец, важным аспектом любого социального проектирования является формулирование целевого образа, применительно к изучаемому нами вопросу — целевой модели города. На самом общем, теоретическом, уровне ее понимание может базироваться на теореме самосбывающихся пророчеств У. А. Томаса — Р. К. Мертона, суть которой заключается в том, что идеи и предсказания косвенно влияют на реальность, конструируя ее. Действительно, видение целевого варианта и путей его осуществления определяет созидательную деятельность субъектов (индивидуальных и коллективных), а также подключение активностей «рядовых» горожан. Направляющую роль такого образа признают и авторы называвшихся выше методологий. В частности, Ю. В. Громыко определяет его как мыслеобраз, уточняя, что при описании сложных социальных явлений (каким является и промышленный город) в качестве такового используются «понятия и схемы, а не литературно-смысловые образы» [26]. Т. М. Дридзе признает правомерность трактовки самой идеи социального проектирования как «создания альтернативных образов будущего и путей их достижения» [27].

Следует, однако, подчеркнуть, что применительно к нестоличным промышленным городам в работах российских ученых эта тема, за редким исключением [23], не поднимается. То есть наличие/отсутствие и содержание целевого или проективного образа такого рода поселений сегодня остается вне поля зрения исследователей. В то же время его рассмотрение, как и изучение долгосрочных целей развития, позволило бы многое понять в их динамике и перспективах. Малоизученными остаются и взаимодействия ведущих акторов, механизмы нахождения согласия между ними, в том числе в понимании того, куда они ведут город.

В дополнение к изучаемой теме отметим, что образ города (как и его идентичность) может выстраиваться в ходе деятельности акторов по конструированию его имиджа и брендов. Он также складывается в процессе их повседневной практики и коммуникации. И в этом плане интересны идеи, высказанные К. Линчем. Рассматривая городской образ с позиции урбаниста, он обращает внимание в первую очередь на визуальные его характеристики. Им отмечается роль множества «застройщиков, изменяющих его структуру» [29]. Данные идеи развиты российским экспертом в области территориального и городского развития В. Л. Глазычевым. В работе «Глубинная Россия:

2000–2002» он анализирует образы нестоличных городов страны, в том числе современных моногородов, выделяя в качестве субъектов их формирования проектировщиков и архитекторов, представителей городской бюрократии и самих жителей [30]. Известный канадский урбанист Ч. Монтгомери подчеркивает роль общественных движений в изменении облика городов [31], а упоминавшийся выше Р. Флорида артикулирует влияние креативного класса. Российскими исследователями, в свою очередь, подчеркивается растущее значение представителей промышленных гигантов [32] в новой актуализации индустриального наследия городских поселений, выстроенных вокруг производств. Связанные с индустриальным профилем и конкретно с их ведущими предприятиями образы остаются значимыми в городах, в которых данные производства продолжают функционировать и развиваться. В иных случаях такой образ входит в противоречие с социальной реальностью и постепенно отходит на второй план.

Выводы

Возросшая значимость производственной сферы в социально-экономическом развитии страны и в обеспечении безопасности российского государства диктует необходимость усиления внимания к нестоличным промышленным городам. Проведенный анализ позволил определить теоретическую базу дальнейшего исследования их акторов, задающих направления и перспективы происходящих в них изменений, обозначить возможные методологические основы оптимизации деятельности.

Главными опорными точками теоретико-методологического продвижения в названных вопросах стали следующие.

1) Идеи, идущие от теории социального действия М. Вебера, развитые в интегративных концепциях П. Бурдьё и Э. Гидденса, акционизме А. Турена и активистской (субъектно-деятельностной) социологии П. Штомпки и В. А. Ядова. Значимо понимание ими агентов/акторов как субъектов действия, обладающих определенными способностями (рефлексивными, мобилизационными) и ресурсами, готовых к принятию решений и к реализации деятельности по преобразованию социальной реальности.

2) Наработки ученых, концентрирующих внимание на сообществах как коллективных субъектах, основой для понимания которых могут стать концепции «сообществ практики» Дж. Лейва и Э. Венгера, локальных сообществ К. П. Швириена, креативного класса Р. Флориды и идеи о значении инициативных групп в городском развитии Дж. Джейкобс. Важны также работы, направленные на раскрытие коммуникации разного рода городских команд (М. Гро-Бальтазара и М. Таландые и др.). В исследованиях отечественных авторов намечены пути рассмотрения такого рода коллективных акторов нестоличных промышленных городов страны, среди которых выделяются в первую очередь сообщества, формирующиеся вокруг ведущих (градообразующих) производств. От их стратегий, а также диалога и сотрудничества с местными властями зависят векторы городского развития. Представители малого и среднего бизнеса, образования и креативных индустрий, городских общественных организаций оказываются также включенными в городские процессы.

3) Мыследеятельностная методология Г. П. Щедровицкого — Ю. В. Громыко и методология прогнозного социального проектирования Т. М. Дридзе. Они важны для понимания сути и оценки механизмов организации деятельности, а также характера взаимодействия акторов городского развития и могут стать основой для дальнейшей интеграции науки и общественной практики. В частности, с позиции мыследеятельностного подхода становится очевидной необходимость коммуникации основных субъектов городских процессов с целью нахождения проблемных точек в преобразовании города и разработки его целевой модели с учетом реальной ситуации, а также путей движения к ней. Методология Т. М. Дридзе ценна установкой на учет мнения всех основных участников развития города при принятии управленческих решений и на диагностику их социальных последствий.

4) Концепции, сфокусированные на рассмотрении выстраиваемых акторами образов городов в качестве проекций их будущего. В этом плане открыты эвристические возможности теоремы «самосбывающихся пророчеств» У. А. Томаса и Р. К. Мертона в качестве теоретического основания для понимания роли выстраиваемого акторами городского образа как задающего координаты его развития. В данном направлении в отечественной науке определился разрыв между общей методологической проработкой вопроса и теоретическим обобщением опыта конкретных промышленных городов. Его преодоление тем более важно, поскольку на практике в этих городах нередко обнаруживается слабое взаимодействие городских сообществ и отсутствие общего видения ими целевого образа города.

В целом использование акторного подхода, связанных с ним теорий и методологий к изучению нестоличных промышленных поселений, поможет выделить в них реальных субъектов действия, раскрыть их стратегии и тактики городского развития, определить возможности и пути сохранения в них человеческих ресурсов.

Список источников

1. Дубинкин, Е. П. Градообразующее предприятие как субъект продвижения территории с моноэкономической структурой / Е. П. Дубинкин. — Текст : непосредственный // Брендинг малых и средних городов России : опыт, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. — Екатеринбург : УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — С. 85–87.
2. Зими́на, Е. В. Социальная деятельность градообразующих предприятий монопрофильных территорий (на примере центра социальных программ РУСАЛа и города Шелехова) / Е. В. Зими́на, Е. И. Нефедьева, Е. А. Попов. — DOI 10.18334/се.14.8.110768. — Текст : непосредственный // Креативная экономика. — 2020. — Т. 14, № 8. — С. 1625–1644.
3. Малый, В. И. Российские инновационные моногорода : положительный опыт социально-экономического развития / В. И. Малый, В. В. Гусев. — DOI 10.22394/1682-2358-2020-5-40-48. — Текст : непосредственный // Вестник Поволжского института управления. — 2020. — Т. 5, № 20. — С. 40–48.

4. Плотникова, Е. Б. Модернизационные проекты промышленных предприятий как ресурс развития человеческого потенциала территорий / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова. – Текст : непосредственный // Россия : тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 14. Часть 2. – 2019. – С. 311–314.
5. Заборова, Е. Н. Развитие рынка труда в малых городах Урала : позиции власти, бизнеса и населения / Е. Н. Заборова. – DOI 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118. – Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2 (43). – С. 110–118.
6. Балюшина, Ю. Л. Современный университет в провинциальном городе : проблемы и перспективы развития / Ю. Л. Балюшина. – DOI 10.34680/visant-2020-344-350. – Текст : непосредственный // Визуальная антропология — 2019. Город-университет : Жизненное пространство и визуальная среда : материалы III Междунар. науч. конф. / под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. – Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. – С. 344–350.
7. Рослякова, М. В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления / М. В. Рослякова. – Текст : непосредственный // Политика и общество. – 2018. – № 8. – С. 42–55.
8. Adopting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level : Initial reflections from a comparative research project / S. C. Valencia, D. Simon, S. Croese [et al.]. – DOI 10.1080/19463138.2019.1573172. – Direct text // International Journal of Urban Sustainable Development. – 2019. – Vol. 11, Issue 1. – P. 4–23.
9. Gros-Balthazard, M. Cooperation, Proximity, and Social innovation : Three Ingredients for Industrial Medium-Sized Towns' Renewal? / M. Gros-Balthazard, M. Talandier. – DOI 10.3390/urbansci4020015. – Direct text // Urban Science. – 2020. – Vol. 4, Issue 2. – P. 15.
10. Скопин, А. Ю. Акторный подход в современных социальных науках : экономике, социологии и политологии / А. Ю. Скопин, А. И. Климов, Д. Г. Зайцев. – URL: <https://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300987726/Скопин%20А.Ю.,%20Климов%20А.И.,%20Зайцев%20Д.Г.%20Ак..в%20современных%20социальных%20науках.pdf> (дата обращения: 21.03.2023). – Текст : электронный.
11. Климов, И. А. Социологическая концепция Энтони Гидденса / И. А. Климов. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 121–149.
12. Аксенова, О. В. Парадигма социального действия : профессионалы в российской модернизации : монография / О. В. Аксенова. – Москва : Институт социологии РАН, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.
13. Оберемко, О. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений / О. А. Оберемко, В. А. Ядов. – Текст : непосредственный // Социальные трансформации в России : теории, практики, сравнительный анализ : учебное пособие / под ред. В. А. Ядова. – Москва : Флинта, 2005. – С. 10–44.
14. Аксенова, О. В. Субъект социального действия в современном развитии России : актор, агент, никто? / О. В. Аксенова. – DOI 10.19181/vis.2020.11.2.640. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 37–53.

15. Яницкий, О. Н. Общественный активизм в России : вчера и сегодня / О. Н. Яницкий. – Текст : непосредственный // Власть. – 2015. – № 2. – С. 53–60.
16. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости : очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; перевод с французского О. В. Ковеневой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 572 с. – Перевод изд.: *De la justification : Les économies de la grandeur* / Luc Boltanski. Paris, 1991. – Текст : непосредственный.
17. Юдин, Г. Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости : очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой, под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 С. ISBN 978-5-4448-0079-9 / Г. Юдин. – Текст : непосредственный // *Laboratorium : журнал социальных исследований*. – 2014. – № 3. – С. 126–129.
18. Wenger, E. *Communities of Practice : a Brief Introduction* / E. Wenger. – Text : electronic // *UTAS Community of Practice Initiative : Readings and resources* / Compiled by J. Skalicky, M. West. – 2012. – URL: https://www.teaching-learning.utas.edu.au/__data/assets/pdf_file/0007/185605/CoP-Reader-Complete.pdf (date of the application: 26.04.2023).
19. Boeck, S. *The Preservation of Productive Activities in Brussels : the Interplay between Zoning and Industrial Gentrification* / S. Boeck, M. Ryckewaert. – DOI 10.17645/up.v5i3.3092. – Direct text // *Urban Planning*. – 2020. – Vol. 5, Issue 3. – P. 351–363.
20. Schwirian, K. P. *Models of Neighborhood Change* / K. P. Schwirian. – DOI 10.1146/annurev.so.09.080183.000503. – Direct text // *Annual Review of Sociology*. – 1983. – Vol. 9. – P. 83–102.
21. Флорида, Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее = *The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life* / Р. Флорида ; перевод с английского А. Константинова. – Москва : Классика XXI, 2007. – 421 с. – Перевод изд.: *The rise of the creative class : and how it's transforming work, leisure, community and everyday life* / Richard Florida. New York, 2002. – Текст : непосредственный.
22. Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс ; перевод с английского Л. Мотылева. – Москва : Новое издательство, 2011. – 4457 с. – Перевод изд.: *The death and life of great American cities* / Jane Jacobs. New York, 1961. – Текст : непосредственный.
23. Замятина, Н. Ю. Новая промышленная политика в монопрофильных городах России / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. – Текст : непосредственный // *Современные производительные силы*. – 2015. – № 1. – С. 37–55.
24. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики : оценка и пути достижения / Е. П. Башмакова, И. А. Гущина, Д. Л. Кондратович [и др.] ; под научной редакцией Л. А. Рябовой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российская академия наук, Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук», Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина — обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук». – Апатиты : ФИЦ КНЦ РАН, 2018. – 169 с. – Текст : непосредственный.

25. Щедровицкий, Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание / Г. П. Щедровицкий. — Текст : непосредственный // Системные исследования. Методологические проблемы. — 1987. — Т. 1986. — С. 124–146.
26. Громыко, Ю. В. Век мета : современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии / Ю. В. Громыко. — Великие Луки : Великолукская городская типография, 2006. — 503 с. — Текст : непосредственный.
27. Прогнозное социальное проектирование : теоретико-методологические и методические проблемы / Ответственный редактор Т. М. Дридзе. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Наука, 1994. — 304 с. — Текст : непосредственный.
28. Дридзе, Т. М. Человек и городская среда в прогночном социальном проектировании / Т. М. Дридзе. — Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. — 1994. — № 1. — С. 131–138.
29. Линч, К. Образ города / К. Линч. — Текст : электронный // Сайт В.Л.Глазычева. — URL: http://www.glazychhev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city_1.htm (дата обращения: 24.03.2023).
30. Глазычев, В. Л. Глубинная Россия : 2000–2002 / В. Л. Глазычев. — 2-е изд., испр. — Москва : Новое издательство, 2005. — 323 с. — (Новая история). — Текст : непосредственный.
31. Монтгомери, Ч. Счастливый город : как городское планирование меняет нашу жизнь : 16+ / Ч. Монтгомери ; научный редактор Лев Гордон ; перевод с английского Юлии Константиновой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 365 с. — Перевод изд.: *Happy city : Transforming our lives through urban design* / Charles Montgomery. London, 2013. — Текст : непосредственный.
32. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России : промышленное наследие и городская идентичность / О. Шипицына, Н. Солонина, К. Бугров [и др.]. — DOI 10.17323/usp612021125-144. — Текст : непосредственный // Городские исследования и практики. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 125–144.

References

1. Dubinkin, E. P. (2014). A city-forming enterprise as a subject of promoting a territory with a mono-economic structure. Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects : materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., pp. 85-87. (In Russian).
2. Zimina, E. V., Nefedeva, E. I., & Popova, E. A. (2020). Social activity of monotown enterprises (on the example of the center for social programs of RUSAL and Shelkhnov town). *Creative Economy*, 14(8), pp. 1625-1644. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.14.8.110768
3. Malyy, V. I., & Gusev, V. V. (2020). Russian Innovation Monotowns: Positive Experience in Socio-Economic Development. *The Bulletin of the Volga region Institute of administration*, 5(20), pp. 40-48. (In Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2020-5-40-48

4. Plotnikova, E. B., & Markova, Yu. S. (2019). Modernizatsionnye proekty promyshlennykh predpriyatiy kak resurs razvitiya chelovecheskogo potentsiala territoriy. Rossiya : tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vypusk 14. Chast' 2, pp. 311-314. (In Russian).
5. Zaborova, E. N. (2021) Labor market development in towns of the Urals: position of the government, business, and population. *Social & labor research*, 2 (43), pp. 110-118. (In Russian). DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118
6. Balyushina, Yu. L. (2019). Modern university in a provincial city: problems and prospects of development. *Vizual'naya antropologiya - 2019. Gorod-universitet: Zhiznennoe prostranstvo i vizual'naya sreda: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Velikiy Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo*, pp. 344-350. (In Russian). DOI: 10.34680/visant-2020-344-350
7. Roslyakova, M. V. (2018) Urban communities as an object and the most important resource of municipal government. *Politics and Society*, (8), pp. 42-55. (In Russian).
8. Valencia, S. C., Simon, D., Croese, S., Nordqvist, J., Oloko, M., Sharma, T., ...Versace, I. (2019). Adopting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level: Initial reflections from a comparative research project. *International Journal of Urban Sustainable Development*, 11 (1), pp. 4-23. (In English). DOI: 10.1080/19463138.2019.1573172
9. Gros-Balthazard, M., & Talandier, M. (2020). Cooperation, Proximity, and Social innovation: Three Ingredients for Industrial Medium-Sized Towns' Renewal? *Urban Science*, 4 (2), p. 15. (In English). DOI: 10.3390/urbansci4020015
10. Skopin, A. Yu., Klimov, A. I., & Zajcev, D. G. Actor approach in modern social sciences: economics, sociology and political science. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300987726/Скопин%20А.Ю.,%20Климов%20А.И.,%20Зайцев%20Д.Г.%20Ак.в%20современных%20социальных%20науках.pdf>
11. Klimov, I. A. (2000). Sociological conception of Anthony Giddens. *Sociological journal*, (1-2), pp. 121-149. (In Russian).
12. Aksenova, O. V. (2016). Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 304 p. (In Russian).
13. Oberemko, O. A. & Yadov, V. A. (2005). Obshcheteoreticheskie podkhody k analizu sotsial'nogo razvitiya i sotsial'nykh izmeneniy. *Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis*. Moscow, Flinta Publ., pp. 10-44. (In Russian).
14. Aksenova, O. V. (2020). The subject of social action in Russia's current development: actor, agent, nobody? *Bulletin of the institute of sociology*, 11(2), pp. 37-53. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640
15. Yanickij, O. N. (2015) Public activism in Russia: today and yesterday. *Vlast'*, 2, pp. 53-60. (In Russian).
16. Boltanski, L. (1991). De la justification: Les économies de la grandeur. Paris, Gallimard, 496 p. (In French).

17. Yudin, G. (2014). Lyuk Boltanski, Loran Teveno. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov / per. s fr. O. V. Kovenevoy, pod red. N. E. Koposova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 576 s. ISBN 978-5-4448-0079-9. Laboratorium: Russian Review of Social Research, (3), pp. 126-129. (In Russian).
18. Wenger, E. (2012). Communities of Practice: a Brief Introduction. (In Russian). Available at: https://www.teaching-learning.utas.edu.au/__data/assets/pdf_file/0007/185605/CoP-Reader-Complete.pdf
19. Boeck, S., & Ryckewaert, M. (2020). The Preservation of Productive Activities in Brussels: the Interplay between Zoning and Industrial Gentrification. *Urban Planning*, 5(3), pp. 351-363. (In English). DOI: 10.17645/up.v5i3.3092
20. Schwirian, K. P. (1983). Models of Neighborhood Change. *Annual Review of Sociology*, (9), pp. 83-102. (In English). DOI: 10.1146/annurev.so.09.080183.000503
21. Florida, R. (2002). The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York, Basic Books, 416 p. (In English).
22. Jacobs, J. (1961). The death and life of great American cities. New York, Random House, 458 p. (In English).
23. Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2015). New industrial policy in mono-profile cities of Russia. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*, (1), pp. 37-55. (In Russian).
24. Bashmakova, E. P., Gushchina, I. A., Kondratovich, D. L., Korchak, E. A., Ryabova, L. A., Polozhentseva, O. A.,... Toropushina, E. E. (2018). Social sustainability of regions in the Russian north and arctic: assessment and ways to achieve. Apatity, FRC KSC RAS, 169 p. (In Russian).
25. Shchedrovitskiy, G. P. (1987). Skhema mysledeyatel'nosti - sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie. *Systems research. Methodological Problems*, pp. 124-146. (In Russian).
26. Gromyko, Yu. V. (2006). Vek meta : sovremennye deyatel'nostnye predstavleniya o sotsial'noy praktike i obshchestvennom razvitii. Velikie Luki, Velikolukskaya gorodskaya tipografiya Publ., 503 p. (In Russian).
27. Dridze, T. M. (Ed). (1994). Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie : teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem. Moscow, Nauka Publ., 304 p. (In Russian).
28. Dridze, T. M. (1994) Chelovek i gorodskaya sreda v prognoznom sotsial'nom proektirovanii. *Social sciences and contemporary world*, (1), pp. 131-138. (In Russian).
29. Lynch, K. Obraz goroda. (In Russian). Available at: http://www.glazychev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city_1.htm
30. Glazychev, V. L. (2005). Glubinnaya Rossiya: 2000-2002. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 323 p. (In Russian).
31. Montgomery, Ch. (2013) Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design. London, Penguin Books, 359 p. (In English).
32. Shipitsyna, O., Solonina, N., Bugrov, K., Nazukina, M., Snitko, A., & Timofeev, M. (2021). Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity. *Urban Studies and Practice*, 6 (1), 125-144. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, makarova_guzel@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>

Guzel I. Makarova, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Chief Researcher at the Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, makarova_guzel@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 04.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 04.08.2023.

УДК 316.4

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-68-82

Внешнеполитические интересы и роль России в мире глазами студенческой молодежи

Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина*

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

**misurin@bk.ru*

Аннотация. Исследование рассматривается в контексте существующих знаний политической социологии. Его актуальность заключается в том, что наша страна вновь переживает переломный момент в своей более чем тысячелетней истории. Сегодня Россия находится в поисках своего уникального вектора внешнеполитического развития, отдаляясь от влияния Запада, при этом не стремится к полной интеграции с цивилизациями Востока. С большой уверенностью следует считать специальную военную операцию (СВО) катализатором становления нового мирового порядка, изменения распределения веса стран в международном балансе сил. Результат будет коррелировать с событиями в зоне военного конфликта, преобразованиями в структуре мировой экономики и мерами политического разрешения военной конфронтации. Наше государство всегда оставалось самобытным, но говорить о завершении сформированности политического курса еще рано.

Цель исследования — рассмотрение проблемы политического интереса современной российской студенческой молодежи как самой прогрессивной и восприимчивой части населения и соответствующих настроений относительно ключевых сюжетов политической жизни страны в отношении внешней политики государства.

В качестве методов в статье представлены результаты социологического опроса, фокус-группового исследования и глубинных интервью, проведенных среди студенческой молодежи Пензенского региона в 2023 году, а также материалы других социологических исследований. Раскрыты предпосылки, ориентации и установки сегодняшней российской молодежи в сфере внешней политики, представлен уровень доверия к власти, дана оценка готовности участия студенчества в политической жизни страны, влияния политических изменений на жизнедеятельность молодежи.

Среди основных результатов исследования особое внимание авторы уделяют внутривнутриполитическим интересам и оценке деятельности государства в условиях происходящих политических событий.

В качестве вывода следует отметить, что материалы представленного исследования свидетельствуют о высокой степени поддержки молодого поколения выбранного страной внешнеполитического курса в отношении западной коалиции, СВО. Это требует обращения к комплексному анализу политических ориентаций современной студенческой молодежи, к выявлению ее отношения к месту России на мировой арене.

Ключевые слова: студенческая молодежь, внешняя политика, внешнеполитический курс, национальные интересы

Для цитирования: Рожкова, Л. В. Внешнеполитические интересы и роль России в мире глазами студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-68-82 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 3. — С. 68–82.

Students' opinions on the foreign policy interests of Russia and its role in the world

Liliya V. Rozhkova, Albina Sh. Dubina*

Penza State University, Penza, Russia
**misurin@bk.ru*

Abstract. The study is considered in the context of existing knowledge in political sociology. Its relevance lies in the fact that our country is once again experiencing a turning point in its more than thousand-year history. Today Russia is looking for its own vector of foreign policy development, moving away from the influence of the West, but without seeking full integration with the civilizations of the East. A special military operation should be confidently seen as a catalyst for the formation of a new world order, changing the weight of countries in the international balance of power. The result will correlate with the events in the military conflict zone, changes in the structure of the world economy and measures for political resolution of the military confrontation. Our state has always remained original, but it is too early to talk about the completion of the formation of a political course.

The aim of the study is to examine the issue of the political interest of modern Russian students as the most progressive and receptive part of the population and their respective sentiments on the key issues of the country's political life in relation to the state's foreign policy.

As methods, the article presents: the results of a sociological survey, focus group research and in-depth interviews conducted among the student youth of the Penza region in 2023, as well as materials from other sociological studies. The article presents the results of a sociological survey, focus group research and in-depth interviews conducted among students of the Penza region in 2023, as well as materials from other sociological studies. The article reveals the preconditions, orientations and attitudes of Russian youth in the field of foreign policy, the level of trust in the authorities, the readiness of students to participate in the political life of the country, the impact of political changes on the lives of young people.

Among the main results of the study, the authors pay special attention to domestic political interests and the assessment of the state's activities in the context of ongoing political events.

As a conclusion, it should be noted that the materials of the presented study indicate a high level of support among the young generation for the foreign policy course chosen by the country in relation to the Western coalition, a special military operation. Therefore, it is necessary to conduct a comprehensive analysis of the political orientations of modern student youth in order to identify their attitudes towards the role of Russia in the world.

Keywords: students, foreign policy, foreign policy course, national interests

For citation: Rozhkova, L. V., & Dubina, A. S. (2023). Students' opinions on the foreign policy interests of Russia and its role in the world. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 68-82. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-68-82

Введение

Сегодня, в турбулентное, не простое для нашей страны время, на передний план выходит вопрос о месте и роли России в меняющемся геополитическом пространстве. Как показывает практика, наблюдается падение авторитетов мировых институтов, они больше не способны выполнять свое прямое предназначение, ради которого создавались странами-учредителями, одержавшими победу над мировым фашизмом в 1945 году, создавшими основу послевоенного миропорядка. Пока они продолжают существовать, в мире есть надежда на соблюдение международных правил и соглашений. К сожалению, нарастает угроза, что вес базовых мировых институтов, включая Организацию Объединенных Наций (ООН) и Совет безопасности ООН, падет, а встречи членов ООН превратятся лишь в формальный диалог между странами. Таким образом, на

наших глазах пишется история, связанная с закатом Ялтинско-Потсдамской системы послевоенного миропорядка и переходом к новой, пока нестабильной, малоизвестной и непредсказуемой системе международно-правовой основы.

В этом свете России следует обратиться самой к себе. Страна должна обеспечить себя высокими показателями политического и военного могущества с целью противостояния западной коалиции. Обладая высоким авторитетом, России удалось бы контролировать прилегающие страны в статусе как минимум буферных зон и иметь передовые точки базирования по миру (Сирия, Ливия, Куба, Венесуэла, Центральная Африканская Республика и т. д.) не только для проекции силы в других регионах мира, но и для контроля заканчивающихся природных ресурсов [1].

В погоне за мировым признанием ахиллесовой пятой по-прежнему остаются экономическая неустойчивость и слабые политические институты. Несмотря на высокую сопротивляемость и эффективную работу системы управления во время пандемии COVID-19, по мнению экспертов, все же эта заслуга принадлежит остаточной составляющей еще не изжившей себя советской базы, а еще генетическому чувству ответственности нашего народа в опасные для страны моменты [2].

В качестве объекта исследования выступает молодежь, поскольку молодые люди являются наиболее активными, энергичными представителями нашего общества, а также отличаются острым критическим мышлением. За ними огромная сила и потенциал, а также надежда на будущее страны, так как молодежь может оказать мощное влияние на формирование гуманизации социально-экономических отношений, складывающихся в социуме. Политика всегда оставалась и по-прежнему остается неотъемлемой частью общественной жизни государства, а уровень участия в ней молодого поколения прогнозирует и влияет на политическую обстановку в стране [3].

Вопрос изучения внешней политики, процессов ее реализации, политических ценностей и ориентаций, а также политического поведения молодого поколения стоит достаточно остро, поэтому привлекает к себе научный интерес со стороны ученых России и за рубежом [4]. Причем отмечается изменение фокуса внимания к политическим проблемам в зависимости от обстановки в стране и мире. Это дает право полагать, что молодежь не является абсолютно аполитичной социально-возрастной группой общества [5].

Формирование внешнеполитических взглядов молодого поколения было сформировано под влиянием исторических событий, связанных со становлением новой России. После распада Советского государства произошла смена мировоззрения россиян, что повлияло на становление новых жизненных стратегий, происходит перестройка системы ценностей и ориентаций. На современном этапе Россия возвращает свой авторитет и могущество на мировой арене, что также не может не отразиться и на системе политических ценностей молодых россиян [6].

Изучение внешнеполитических интересов, ценностей современной молодежи, ее отношения к политике обусловлено ее ролью как основного актора будущего поступательного развития России.

Прежде чем приступить к анализу внешнеполитического интереса современной студенческой молодежи, следует обратиться к дефиниции «национальный интерес», поскольку национальный интерес дает основу для формирования внешнеполитического мировоззрения. Данное понятие является объектом изучения ученых и практиков в области политологии, экономики, а также приковывает взгляды журналистов и военных. Наиболее частое упоминание термина встречается в тексте концепции национальной безопасности государства, а также в иных документах, имеющих международное зна-

чение. Формирование национальных интересов происходит под давлением внешних и внутренних потребностей и угроз, выступающих как желание населения иметь возможность свободно реализовывать свои гражданские права и обязанности. По мнению О. Н. Башука, перечень национальных интересов разрабатывается при участии государственных управляющих элит [7].

Переходя к политическому интересу, следует обратиться к социологической энциклопедии, где он трактуется как обобщенное выражение потребностей, идеальных стремлений и деятельного начала в политическом сознании социальных групп и индивидов [8]. В новое время к политическому интересу с различных позиций обращались Т. Гоббс, Э. Берк, Дж. Локк, особенно И. Бентам и Дж. Милль в Англии [9], а также французские и американские просветители. Наряду с либерализмом и утилитаризмом заметный вклад в разработку концепции политического интереса внесла немецкая философия, прежде всего Г. Гегель и И. Кант. В XIX веке начинает развиваться социологическая трактовка политического интереса, включающая в себя рассмотрение функционирования политико-властных институтов как выражения, соединения и реализации индивидуальных, групповых, коллективных, национально-этнических и других политических интересов посредством выборов и иных форм участия политической деятельности партий политических и общественно-политических организаций, различных модификаций федеративного и конфедеративно-национального государственного устройства. Политический интерес занимает центральное место в концепциях заинтересованных групп и концепциях политического плюрализма. Одно из направлений политических реформ — переход от монистической или консультативно-участнической к плюралистической нормативной модели; другое — выработка демократий институализированных процедур артикуляции всего многообразия и разрешение конфликтов между ними.

Литературный обзор

Основными источниками для сбора информации авторского исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: С. В. Чугрова, А. Г. Здравомыслова, О. Н. Башука, К. Мангейма и др. При написании статьи авторы ссылались на статистические данные, предоставленные ВЦИОМ и интернет-порталом «Рамблер». Авторами был проведен сравнительный анализ со вторичными исследованиями: Д. Д. Тулегеновой и А. В. Селезневой «“Традиционное” и “новое” в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса)»; А. А. Казакова «Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики»; В. В. Петухова «Позиционирование России в мире на фоне внешних и внутренних угроз в оценках и суждениях россиян» и др.

Материалы и методы

С целью исследования интереса и отношения студенческой молодежи к современной внешней политике России были проведены авторские социологические исследования: анкетный опрос студентов Пензенского государственного университета «Внешнеполитические ориентации и внешняя политика России глазами студенческой молодежи» (2023 г.; $n = 393$; опрос студентов очной формы бакалавриата, специалитета и магистратуры); 2 фокус-групповые дискуссии среди студенческой молодежи Пензенского государственного университета «Внешняя политика России: представления, мнения, оценки» (2023 г.; число участников в каждой группе — 8 человек). В анкету был вклю-

чен ряд вопросов по внешней политике, разработанных российскими социологическими центрами с целью проведения сравнительного анализа авторских данных с материалами других социологических исследований по сходной проблематике (ВЦИОМ, ФОМ, ИС РАН, «Левада-центр» (признан иноагентом)). Также использовался вторичный анализ данных исследований студенческой социологии Агентства студенческих коммуникаций «Кампус».

Результаты и обсуждение

Сегодня особое беспокойство россиян вызывают дезорганизация мировой политики, нарастающее противостояние с Западом, что, как отмечает Г. Явлинский, приводит к тому, что у очень большого числа людей мир, окружающая реальность все чаще предстают чем-то непонятным, опасным, непредсказуемым, не укладывающимся в привычную логику [10]. Поэтому изучение отношения молодежи к внешнеполитическим процессам является весьма актуальным.

Анализ результатов данного исследования, а также предшествующих исследований показал, что молодежь по своим социально-политическим ориентациям и установкам, по отношению к прошлому, настоящему и будущему существенно отличается от среднего и старшего поколения. И это понятно, учитывая тот факт, что нынешняя студенческая молодежь (поколение 18–25-летних) выросла и продолжает формироваться в принципиально иных условиях, в том числе и политических, чем поколение их отцов и тем более дедов.

По данным авторских исследований были определены новые векторы политических интересов современной молодежи. Согласно авторскому социологическому опросу, большинство респондентов (46,6 %) скорее следят за внешней политикой, треть (34,7 %) не следят, что коррелирует с результатами центра студенческой социологии Агентства студенческих коммуникаций «Кампус», который провел интернет-опрос на тему «Внешняя политика РФ глазами студентов» среди 3 000 студентов из 72 регионов России (2017 год), где 41 % из них внимательно следят за новостями из мира внешней политики, а 52 % опрошенных не интересуются политическими событиями специально, однако остаются в курсе наиболее важных тем. Лишь 7 % студентов политикой не интересуются [4]. С момента принятия решения о начале 24 февраля 2022 года специальной военной операции на Украине (далее — СВО) произошли коренные изменения не только во внешней и внутренней политике государства, но и возросла степень заинтересованности граждан в политических событиях. Молодежь при этом продемонстрировала неоднозначную реакцию на боевые действия, на мобилизацию. Часть выразила поддержку операции, другая часть признала деятельность властей совершенно неправомерной. Однако, согласно исследованиям конца 2022 года («Левада-Центр»), очень внимательно за СВО следило 29 % населения, а довольно внимательно — 35 % [11]. Очевидно также, что молодежь (в данном случае это люди от 18 до 39 лет) интересуется этим меньше, чем люди более зрелого возраста. Это объясняется тем, что в большинстве своем молодые люди традиционно менее склонны к рефлексии относительно политических по своей природе событий и процессов [11].

Согласно исследованиям Агентства студенческих коммуникаций «Кампус», среди стран, вызывающих наибольший интерес у студенчества, фигурируют США (75 %), Китай (56 %), страны Евросоюза (50 %) и СНГ (35 %); незначительный интерес вызывают отношения со странами Африки (5 % опрошенных) [12].

Согласно авторскому исследованию, большинство опрошенных скорее следят за внешней политикой (46,6 %) (рис. 1). Возможно, это связано с тем, что большая часть опрошенных (70,5 %) обучается на гуманитарных и социально-экономических специальностях; как правило, такие студенты чаще следят за новостями и в курсе последних мировых событий.

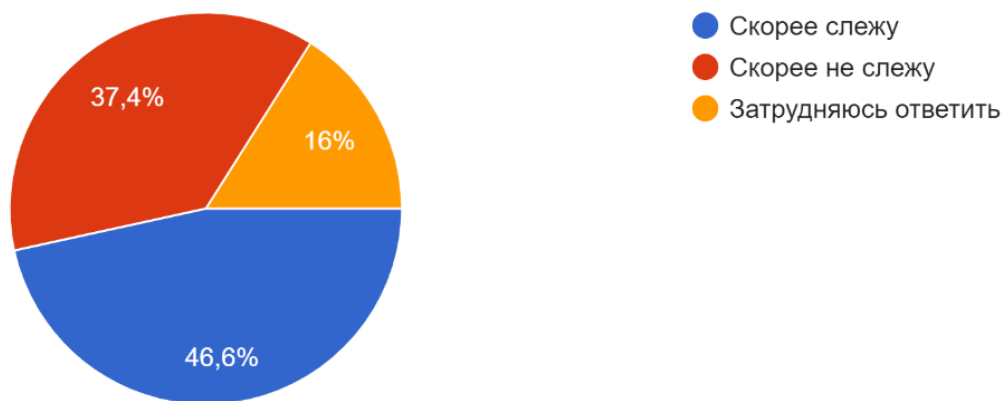

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы скорее следите или скорее не следите за внешней политикой России?» (в %, n = 393)

Также в рамках фокус-групповых дискуссий было выявлено, что студенты демонстрируют высокую степень заинтересованности в отношении внешней политики не только России, но и других стран. При этом даже те, кто не следит за политикой активно, проявляют к ней определенный интерес и считают, что важно понимать современные мировые процессы.

Ж., 18 лет, студентка

«У меня вызывает интерес то, в каком направлении осуществляется внешняя политика России, какое влияние она имеет на другие страны. Также важно для меня, как другие страны взаимодействуют с Россией, имеют ли они с ней дружественные отношения или нет».

Ж., 20 лет, студентка

«Я нечасто слежу за внешней политикой России и других стран, но считаю, что в сложившейся ситуации необходимо быть в курсе событий, которые происходят в мире».

М., 21 год, студент

«Я не смотрю новости по телевизору, не читаю политических газет, но в моей семье и среди друзей часто говорят о внешней политике, и хочешь не хочешь, начинаешь разбираться и интересоваться происходящим в мире в целом и в стране в частности».

С целью изучения отношения к внешней политике студенческой молодежи было предложено определить дружественность стран по отношению к РФ (таблица).

Рассматривая степень дружественности других стран по отношению к России, следует определить феномен дефиниции. Термин «дружественность» в контексте отношений между государствами синонимичен термину «добрососедство», при этом «дружественность» выступает за рамки только лишь союзничества внутри территориальных границ государств и считается более широким видом межстранового взаимодействия [13].

Распределение ответов на вопрос: «Назовите страны, с какими, по Вашему мнению, у России в настоящее время сложились наиболее прочные, дружественные и наиболее недружественные, враждебно настроенные отношения?» (n = 393)

Вариант ответов	Прочные, дружественные	Наиболее недружественные, враждебные
Высокая частота упоминания страны	Китай, Турция, Республика Беларусь, Иран	США, Украина, страны ЕС
Средняя частота упоминания страны	Индия, Сербия, Бразилия, Ирак, Аргентина, Саудовская Аравия, Азербайджан, Сирия, ОАЭ	Великобритания, Япония, Канада, Южная Корея
Редкое упоминание страны	Куба, Венесуэла, Казахстан, Узбекистан	Казахстан, Армения, Австралия, Новая Зеландия, Турция

5 марта 2022 года Правительство РФ утвердило перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении РФ, российских юридических и физических лиц. В список вошли 22 страны мира, а также 27 государств Евросоюза [14]. Список периодически пополняется новыми странами и территориями. К дружественным отнесены те страны, которые официально поддерживают спецоперацию. Остальные страны — нейтральные. Перечень недружественных стран утвержден для исполнения обязательств по специальным правилам, для введения контрсанкций, для других целей. В список попадают государства, которые ввели санкции в отношении России, предпринимают другие недружественные действия в отношении российских предприятий и физических лиц. Специальный список дружественных стран Правительство РФ не утверждало. Как заявил Глава МИД РФ С. Лавров, Россия считает дружественными все страны, не попавшие в список недружественных [15]. Скорее всего, перечень недружественных государств будет периодически дополняться, по мере введения новых санкций. Соответственно, список дружественных стран тоже будет меняться исходя из политической ситуации в мире. В этом контексте, анализируя результаты авторского исследования, следует отметить, что чаще всего мнение студенческой молодежи совпадало со списком, утвержденным Правительством РФ. Большинство респондентов к недружественным странам отнесли страны НАТО и ЕС, а также Украину. Примечательно, что в исследовании отчетливо прослеживается неоднозначная оценка дружественности с Турцией: часть опрошенных оценивает российско-турецкие отношения как дружественные, поскольку президент Р. Эрдоган выступает в качестве посредника в переговорах России — Украины, а другая часть считает, что Турция как член НАТО продвигает в первую очередь интересы альянса. Однако как будут развиваться события, покажут новые выборы Президента Турции.

Самые частые упоминания дружественности принадлежат КНР. По данным глубинных интервью, молодые люди считают, что главный на сегодняшний день стратегический и экономический партнер России — это Китай.

Ж., 21 год, студентка

«Китай для России не просто партнер, а союзник и даже друг».

М., 18 лет, студент

«Я очень рад, что отношения России и Китая набирают обороты. Иметь в партнерах такое экономически мощное государство стратегически важно для России».

Несмотря на санкционное давление и обострение отношений во внешней политике России со странами западной коалиции, вторичные исследования 2017 года оценивают авторитет России как высокий на геополитическом пространстве со стороны молодого поколения. Так, отвечая на вопрос о том, как выглядит Россия на международной арене, большинство участников исследования Агентства студенческих коммуникаций «Кампус» (64 %) отметили, что за последние два года влияние России возросло. 71 % опрошенных думают, что именно поэтому Америка и страны Европы не хотят признавать Крым частью России, поскольку боятся ее успехов. На это указывает и тот факт, что в 2023 году россияне гораздо реже говорят о том, что Россия пытается отстаивать свои национальные интересы, но это не всегда получается (28 %); в 2008 году так думала почти половина россиян (46 %). За этот период произошли значимые изменения в восприятии обществом роли России в мировой иерархии: на смену доминирующей 15 лет назад идее о неуверенной внешней политике пришел образ сильного, независимого государства, способного отстаивать свои национальные интересы. Только 5 % сегодня считают, что Россия идет на поводу у правительств других стран [16].

Согласно авторскому исследованию, респонденты, отвечая на вопрос относительно современного положения России в мире, отметили, что Россия сегодня — великая держава, сравнимая по своему влиянию на мировые процессы с США и Китаем (39 %); 11,9 % считают, что Россия сегодня — одна из ведущих стран мира, сравнимая по своему влиянию с такими странами, как Великобритания, Франция, Германия и Япония. При этом большая часть студентов (53,3 %) уверена, что Россия отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится это другим странам или нет, при этом другие считают, что Россия пытается отстаивать свои национальные интересы, но это не всегда получается (13,3 %), и лишь 1,8 % настроены скептически и считают, что России почти не удастся отстаивать свои национальные интересы, она идет на поводу у правительств других стран. Это свидетельствует о росте патриотического настроения среди молодого поколения и вере в светлое будущее нашей страны.

Материалы фокус-групп среди студентов также подтверждают результаты опроса о том, что все же России удастся отстаивать свои национальные интересы.

Ж., 20 лет, студентка

«Я считаю, что России сегодня удастся отстаивать большинство своих национальных интересов. Начиная от безопасности и суверенитета России, заканчивая областью развития российской экономики, сохранения культурного и исторического наследия многонационального народа России».

Ж., 18 лет, студентка

«Сегодня Россия способна отстоять свои национальные интересы. И это показывает то, что, противодействие развитых стран не способствует сворачиванию Россией своего выбранного курса».

Из-за украинского кризиса, начиная с 2014 года, наблюдается ухудшение отношений России с западными странами во главе с США. Это отразилось на результатах опроса вторичных исследований 2017 года, где около половины респондентов (47 %) полагают, что российско-американские отношения ухудшались из-за американской политики; 36 % уверены, будто при новом президенте США ситуация изменится в лучшую сторону; 28 % опрошенных считают, что смена администрации Белого дома не повлияет на взаимоотношения между странами. Такие результаты во многом объясняются историческим прошлым, тогда как десятилетиями в СССР культивировался образ врага в лице западного капиталистического общества [17].

В рамках авторского опроса студентам было предложено дать открытые ответы на вопрос: «Что бы Россия выиграла/проиграла, если бы отказалась от самостоятельной внешней политики, действовала бы в русле, проложенном США и другими странами Запада?». Чаще всего респонденты затруднялись ответить, но было много негативных ответов против мира с США. Часто повторялись ответы, что ничего стоящего Россия бы не проиграла; некоторые отмечали, что могли бы быть более тесное экономическое сотрудничество и мир; также преобладала в ответах респондентов вероятность потери суверенитета и независимости в условиях проигрыша России натискам прозападных стран. Согласно исследованиям ВЦИОМ, обнародованным в апреле 2023 года, более половины (59 %) россиян считают, что Россия отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится или не нравится это правительствам других стран, 67 % убеждены, что России следует вести независимую внешнюю политику, но не стремиться диктовать свои условия другим странам [17].

Согласно вторичным исследованиям об отношении студентов к крымско-украинскому кризису, конкретно о невозможности урегулирования конфликта в Донбассе в 2017 году высказались 42 % опрошенных, они винят в первую очередь украинские власти. Из них 69 % студентов считали, что Киев намерен продолжать конфликт, лишь бы не допустить усиления влияния России. А 63 % поддерживали тезис о том, что команда президента П. Порошенко боится показать слабость и потерять власть, а потому не готова идти на уступки. Только 8 % респондентов возложили ответственность за периодическую эскалацию конфликта на руководителей Донецкой и Луганской республик [12].

По результатам авторских исследований большинство респондентов выразили поддержку действия властей РФ относительно украинского конфликта и решения начала СВО. Так, 54,7 % среди опрошенных считают, что изначально решение о вхождении Крыма в 2014 году в состав РФ принесло для нашей страны больше пользы чем вреда, при этом лишь 6,8 % имеют противоположную точку зрения, считая, что события 2014 года нанесли большой урон России. 37 % представителей студенческой молодежи считают правильным принятое 24 февраля 2022 года В. Путиным решение о начале СВО на Украине (рис. 2). В августе 2022 г. ВЦИОМ опубликовал результат ответа на вопрос: «Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете?». 70 % респондентов ответили «Скорее поддерживаю», 18 % — «Скорее не поддерживаю» (в марте было 73 и 18 % соответственно) [11].

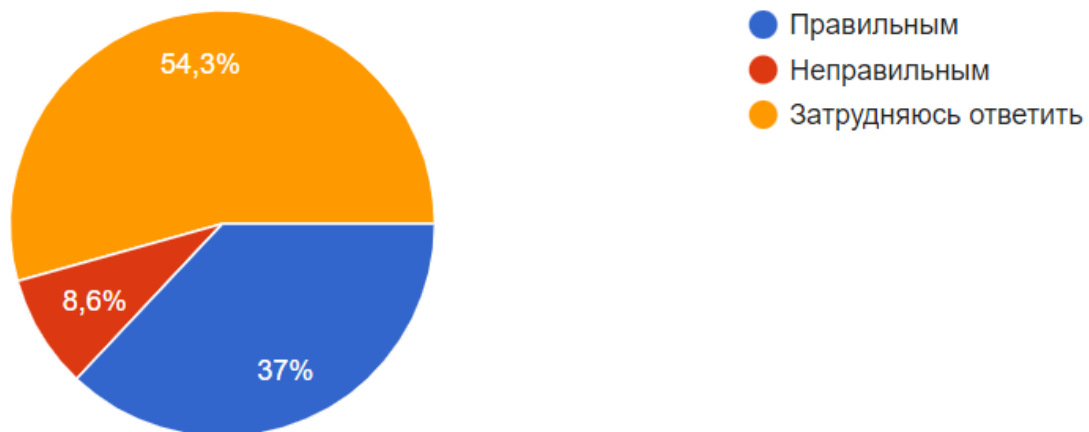

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «24 февраля 2022 года В. Путин объявил о начале СВО на Украине. Как Вы считаете, решение о ее проведении было правильным или неправильным?» (в %, n = 393)

По данным авторского исследования, половина опрошенных считает, что главная цель, которую преследует Россия, чего она в первую очередь рассчитывает добиться в результате СВО, — это обеспечение безопасности России, разоружение Украины (демилитаризация) и недопущение размещения на ее территории баз НАТО; 38,1 % уверены, что операция направлена на защиту жителей ЛНР И ДНР от опасного натиска киевского режима; 26,9 % согласны с суждением о том, что главной целью СВО является изменение политического курса Украины, отстранение националистов от власти (денацификация); 10,6 % выбрали вариант, выраженный в желании правительства РФ ликвидировать государственность Украины, присоединить ее территорию к России, и наконец, несколько опрошенных считают (0,6 %), что в каждом государстве существуют ультраправые слои общества и глупо называть действующую власть Украины — националистами, если они отдаляются от РФ.

Примечательно, что результаты мониторинга 2014 года, проведенного при участии В. В. Петухова, показали, что возможность широкомасштабного военного конфликта с соседней Украиной страшила почти каждого второго россиянина пенсионного возраста, а среди молодежи — каждого третьего. Это объясняется меньшим процентом вовлечения молодого поколения в вопросы политики. Этим объясняется и тот факт, что технология «торговли страхом», когда наше прошлое предлагается в качестве возможной альтернативы нашему настоящему и будущему (в частности, холодная и не исключенная «горячая» войны), безотказно действует на старшее поколение, но не всегда срабатывает в отношении молодежи [17]. Это объясняется высоким уровнем поддержки власти в отношении СВО со стороны молодежи.

В завершении исследования молодым людям также было предложено выделить основные успехи России во внешней политике в разных сферах. В числе основных успехов России студенты выделили налаживание отношений с Востоком (Индия, Китай и т. д.); подписание ряда соглашений с Китаем; сближение с КНР по ряду вопросов; укрепление сотрунических отношений с азиатскими странами; укрепление внешней

торговли с Индией и КНР; поддержание дипломатических отношений с азиатскими странами; присоединение новых территорий; Крым, присоединение ДНР и ЛНР; военные успехи; успехи в СВО на границе с Украиной; защита Донбасса и Луганска. Что касается неудач, студенты в основном затруднились ответить.

Среди основных приоритетов во внешней политике РФ большая часть студенческой молодежи (68,9 %) отметила обеспечение мирного и безопасного существования, на втором месте по предпочтениям (40,1 %) — действия властей, направленные на восстановление авторитета России как одной из самых влиятельных стран в мире, без голоса которой не решается ни один из важнейших вопросов. Тройку лидирующих приоритетов внешней политики во взглядах молодежи завершают (37,7 %) решение конфликтов в «горячих точках», противодействие угрозе терроризма совместно с другими странами.

Выводы

На основе данных исследований проанализированы представления и мнение студенческой молодежи об основных приоритетах внешней политики РФ, ее основных национальных интересах во внешнеполитической сфере, охарактеризованы основные направления внешней политики и условия, которые необходимы России для проведения независимого внешнеполитического курса.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь не настроена оппозиционно, она активно впитывает и продвигает ценности и установки, преобладающие в российском обществе. В связи с последними происходящими событиями в 2023 году отмечается увеличение поддержки деятельности правительства в отношении основных внешнеполитических курсов.

Очевидно также, что молодежь интересуется политической ситуацией в стране и за рубежом в меньшей степени, чем представители более старших возрастных групп. Это объясняется тем, что в большинстве своем молодые люди традиционно менее склонны к рефлексии относительно политических по своей природе событий и процессов.

Согласно авторским и вторичным исследованиям, большая часть опрошенных молодых россиян считает, что Россия отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится или не нравится это правительствам других стран. За 15 лет этот вывод стал звучать чаще, что свидетельствует об укреплении в общественном мнении образа России как самостоятельного государства, также респонденты в большинстве своем убеждены, что России следует вести независимую внешнюю политику, но не стремиться диктовать свои условия другим странам.

По мнению авторов, для создания благоприятного имиджа государства молодые люди нуждаются в изменении сознания, поскольку долгое время Россия шла по западному пути, перенимая его ценности, и современная молодежь воспитывалась в идеологическом вакууме. Правительство и государственные молодежные организации практически не занимались формированием патриотизма, так как не видели в нем необходимости. Поэтому молодое поколение не всегда поддерживает действия властей. Например, многие неоднозначно реагируют на решения относительно внешней политики, многим объективно сложно понять, за кого и за что борется Россия, например, проводя СВО.

По мнению авторов, для привлечения молодежи к внутренней и внешней жизни государства и формирования более позитивного отношения молодого поколения к государственной политике политическому руководству следует передавать информацию не только через привычные государственные СМИ, но и через социальные сети, которые вызывают доверие молодых людей. На сегодняшний день популярными являются телеграмм-каналы. Информация должна быть оперативной, доступной, независимо, идет ли речь об успехах или провалах, она должна быть достоверной и правдивой. Только тогда у молодых людей сформируется доверие, и они не будут черпать недостающую информацию из запрещенных антироссийских ресурсов.

Список источников

1. Социальная и политическая активность россиян : мониторинг. Опрос ВЦИОМ. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – 2021. – 2 авг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 22.05.2023).
2. Рожкова, Л. В. Сравнительный анализ политического потенциала современной российской молодежи на примере Поволжья и автономной республики Крым / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, И. А. Голубев. – Текст : непосредственный // Противодействие экстремизму и терроризму : философские, социологические и политологические аспекты : материалы V Международной научно-практической конференции. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 88–90.
3. Отношение молодежи к политическим институтам : уровень доверия и одобрения / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-1-1. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 5–17.
4. Тулегенова, Д. Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) / Д. Д. Тулегенова, А. В. Селезнева. – Текст : электронный // Полилог : электронный журнал. – 2022. – Т. 6, № 2. – URL: <https://doi.org/10.18254/s258770110020714-7>.
5. Рожкова, Л. В. Политические ориентации и электоральная активность современной молодежи / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, А. Ш. Дубина. – Текст : непосредственный // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества : материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. – С. 369–374.
6. Чугров, С. В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения / С. В. Чугров. – DOI 10.17976/jpps/2007.04.04. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 46–65.
7. Башук, О. Н. Национальные интересы во внешней политике современных государств / О. Н. Башук. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 3. – С. 206–213.

8. Здравомыслов, А. Г. Проблема интереса в социологической теории / А. Г. Здравомыслов. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1964. – 74 с. – Текст : непосредственный.
9. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм ; перевод с немецкого и английского. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – Перевод изд.: *Diagnosis of Our Time* / Karl Mannheim. London, 1943. – Текст : непосредственный.
10. Явлинский, Г. А. Потеря будущего / Г. А. Явлинский. – DOI 0.17976/jrpps/2017.05.10. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 133–155.
11. Казаков, А. А. Отношение российской молодежи к СВО : роль медийного сопровождения государственной политики / А. А. Казаков. – DOI 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 460–467.
12. Володченко, И. Студенты рассказали о своем отношении к внешней политике России / И. Володченко. – Текст : электронный // Рамблер : [сайт]. – 2017. – 22 мар. – URL: <https://news.rambler.ru/community/36407700-studenty-rasskazali-o-svoem-otnoshenii-k-vneshney-politike-rossii/> (дата обращения 15.05.2023).
13. Звонова, М. Е. Дружественность страновых коммуникационных режимов на примере российско-эстонских отношений в образовании / М. Е. Звонова. – Текст : непосредственный // Обозреватель - Observer. – 2021. – № 10 (381). – С. 45–52.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>. – Текст : электронный.
15. Лавров : Россия считает дружественными все страны, не попавшие в список недружественных. – Текст : электронный // ТАСС : официальный сайт. – 2022. – 30 мар. – URL: <https://tass.ru/politika/14231749> (дата обращения: 31.05.2023).
16. Внешнеполитический курс России : в борьбе за суверенитет. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – 2023. – 10 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet> (дата обращения: 01.06.2023).
17. Петухов, В. В. Позиционирование России в мире на фоне внешних и внутренних угроз в оценках и суждениях россиян / В. В. Петухов. – DOI 10.19181/snsp.2018.6.3.6006. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – № 3. – С. 114–130.

References

1. Sotsial'naya i politicheskaya aktivnost' rossiyan: monitoring. Opros VTSIOM. (2021). In Russian. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>

2. Rozhkova, L. V., Dubina, A. Sh., & Golubev, I. A. (2018). Sravnitel'nyy analiz politicheskogo potentsiala sovremennoy rossiyskoy molodezhi na primere Povolzh'ya i avtonomnoy respubliki Krym. Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu: filosofskie, sotsiologicheskie i politologicheskie aspekty: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar, Krasnodarskiy universitet MVD Rossii Publ., pp. 88-90. (In Russian).
3. Rozhkova, L. V., Vlazneva, S. A., Salnikova, O. V., & Dubina, A. Sh. (2022). Youth's attitude towards political institutions: level of trust and approval. University proceedings. Volga region. Social sciences, (1), pp. 5-17. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-1
4. Tulegenova, D. D., & Selezneva, A. V. (2022). Traditional and new in the value orientations of Russian youth: results of the expert survey. Polylogos, 6(2). (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.18254/s258770110020714-7>
5. Rozhkova, L. V., Vlazneva, S. A., & Dubina, A. Sh. (2019). Politicheskie orientatsii i elektoral'naya aktivnost' sovremennoy molodezhi. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi kak neobkhodimoe uslovie razvitiya obshchestva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. St. Petersburg, November, 21-23, 2019. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., pp. 369-374. (In Russian).
6. Chugrov, S. V. (2007). The notion of foreign policy mentality and methodology of its study. Polis. Political studies, (4), pp. 46-65. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.04.04
7. Bashuk, O. N. (2019). National interests in the foreign policy of modern states. Socio-humanitarian knowledge, (3), pp. 206-213. (In Russian).
8. Zdravomyslov, A. G. (1964). Problema interesa v sotsiologicheskoy teorii. Leningrad, Leningradskiy Universitet Publ., 74 p. (In Russian).
9. Mannheim, K. (1943). Diagnosis of Our Time. London, 520 p. (In English).
10. Yavlinsky, G. A. (2017). The Loss of the Future. Polis. Political Studies, (5), pp. 133-155. (In Russian). DOI: 0.17976/jpps/2017.05.10
11. Kazakov, A. A. (2022). The attitude of Russian youth to the special military operation: the role of media support of state policy. Izvestia of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology, 22(4), pp. 460-467. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467
12. Volodchenko, I. (2017). Studenty rasskazali o svoem otnoshenii k vneshney politike Rossii. (In Russian). Available at: <https://news.rambler.ru/community/36407700-studenty-rasskazali-o-svoem-otnoshenii-k-vneshney-politike-rossii/>
13. Zvonova, M. E. (2021). Friendliness of country communication regimes on the example of Russian-Estonian relations in education. Observer, (10(381)), pp. 45-52. (In Russian). DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_40
14. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 05.03.2022 No 430-r. (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>

15. Lavrov: Rossiya schitaet družhestvennymi vse strany, ne popavshie v spisok nedružhestvennykh. (2022). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/politika/14231749>
16. Vneshnepoliticheskiy kurs Rossii: v bor'be za suverenitet. (2023). (In Russian). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet>
17. Petuhov, V. V. (2018). Positioning of Russian in the World against a Background of External and Internal Threats in Estimations and Perceptions of the Russians. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, (3), pp. 114-130. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет, г. Пенза

Дубина Альбина Шагидулловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет, г. Пенза, misurin@bk.ru

Liliya V. Rozhkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University

Albina Sh. Dubina, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, misurin@bk.ru

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 04.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 04.08.2023.

УДК 353; 354

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-83-97

Формирование и развитие государственно-частного партнерства

А. Л. Скифская^{1*}, Л. Л. Мехришвили^{1,2}, С. А. Шестаков¹

¹Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

²Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия

*skifskaya@yandex.ru

Аннотация. Изменение политической ситуации в стране и мире, разрывы политических и экономических связей стимулировали развитие государственно-частного партнерства на всех уровнях управления, в том числе и на региональном. Экономические санкции и политическая изоляция стали стимулом развития партнерских отношений между государством и инвесторами, произошел «перелив» ресурсов и смена направленности инвестиций на российские рынки. С одной стороны, уход иностранных партнеров в условиях расширяющихся санкций актуализирует поиск новых партнеров и ресурсов в короткие сроки, с другой стороны, построение доверительных отношений требует времени, они строятся в том числе с привлечением бюджетных средств. Цель исследования — анализ ситуации в развитии государственно-частного партнерства в изменяющихся политических условиях. Как показал анализ материалов, изменилась структура реализации механизмов партнерства в сторону социальной сферы, изменения в законодательстве 2022–2023 гг. демонстрируют расширение сфер применения механизмов государственно-частного партнерства, удовлетворяя социальные и экономические интересы общества, при этом ужесточая требования к партнерам и партнерству.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, политические интересы, государственные институты, социальные проекты, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Скифская, А. Л. Формирование и развитие государственно-частного партнерства / А. Л. Скифская, Л. Л. Мехришвили, С. А. Шестаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-83-97 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 3. – С. 83–97.

Formation and development of public-private partnership

Anna L. Skifskaya^{1*}, Lamara L. Mehrishvili^{1,2}, Sergey A. Shestakov¹

¹Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

²West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

*skifskaya@yandex.ru

Abstract. Changes in the political situation in the country and in the world, the rupture of political and economic ties stimulated the development of public-private partnerships at all levels of government, including regional ones. Economic sanctions and political isolation became a stimulus for the development of partnership relations between the state and investors; there was a "spillover" of resources and a change in the focus of investment in Russian markets. On the one hand, the withdrawal of foreign partners in the context of expanding sanctions makes it necessary to search for new partners and resources in a short period of time; on the other hand, it takes time to build trusting relationships, and they are built with the help of budgetary funds as well. The aim of the

study is to analyze the situation in the development of public-private partnerships in the changing political environment. As the analysis of the materials shows, the structure of the implementation of partnership mechanisms has changed towards the social sphere, changes in the legislation of 2022-2023 demonstrate the expansion of the spheres of application of public-private partnership mechanisms, satisfying the social and economic interests of society, while at the same time tightening the requirements for partners and partnership.

Keywords: public-private partnership, political interests, state institutions, social projects, interdepartmental interaction

For citation: Skifskaya, A. L., Mehrishvili, L. L., & Shestakov, S. A. (2023). Formation and development of public-private partnership. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 83-97. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-83-97

Введение

Государственно-частное партнерство (ГЧП) сегодня это не просто механизм, это совокупность инструментов и методов контроля за действием тех или иных социальных, политических, экономических институтов, это активное внедрение в практику работы партнерских основ, налаживание активного взаимодействия с коммерческой сферой.

Одним из механизмов эффективного использования государственных ресурсов, контроля за ресурсами и в целом повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации (РФ) является последовательно развивающийся механизм государственно-частного партнерства. Развитие такой формы обусловлено необходимостью вывода уровня государственного управления, особенно в части удовлетворения возрастающих потребностей общества, на принципиально новый уровень. Известно, что перед государством ставится сразу огромное множество задач, и без поддержки (дополнительного привлечения ресурсов) часто реализация задач заходит в тупик. Механизм государственно-частного партнерства призван объединить ресурсы и возможности власти с возможностями бизнес-сообщества отдельной территории. Главным результатом такого взаимодействия государства и бизнеса становится достижение цели удовлетворенности населения той или иной государственной услугой или сферой в целом. При этом представители бизнеса также получают немалозначимую выгоду от такой формы работы с государством, поскольку серьезно повышают свой имидж, могут привлечь дополнительных партнеров.

Однако в механизме государственно-частного партнерства есть и некоторые риски, которые следует учитывать. Во-первых, это риск коррупционной составляющей: партнерство может быть фиктивным, в ряде случаев могут создаваться формы партнерства «для видимости» деятельности, на деле же государственные ресурсы будут присваиваться и использоваться в личных интересах. Во-вторых, государство может и само находится в позиции «обманутой» стороны из-за недобросовестности частного партнера. В-третьих, обычно те материальные объекты, которые предоставлены для решения вопросов в рамках государственно-частного партнерства, достаточно ограничены в своем использовании. В-четвертых, государство, помимо очевидной

выгоды сотрудничества, все же несет дополнительные затраты, включая расходы на выбор и контроль частных партнеров.

Перечисленные выше недостатки не перевешивают все достоинства, получаемые при реализации механизма государственно-частного партнерства, однако их наличие, несомненно, вынуждает органы исполнительной власти обращать более пристальное внимание и проводить полноценный контроль.

Литературный обзор

Анализ научных публикаций показал, что различные механизмы реформирования и трансформации государственного управления изучаются системно, в частности Г. Л. Купряшиным [1], Г. Г. Хрузиным [2]. Различным аспектам функционирования государственно-частного партнерства посвящены работы в российском научном сообществе, наибольшее число публикаций затрагивают следующие темы: развитие партнерских отношений государства находит отражение в трудах Е. И. Марковской [3], Н. В. Городновой [4]; рассмотрению государственно-частного партнерства как института стимулирования предпринимательства посвящены работы Е. И. Марковской [3], Т. Г. Шелкуновой [5], Г. Л. Купряшина [1], А. К. Измоденова, А. В. Курдюмова [6]; Г. Л. Купряшин [1], Г. Г. Хрузин [2] исследуют проблемы в реализации механизмов партнерства, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации; инструменты государственного аудита как механизма управления эффективностью проектов представлены в работах Д. Н. Ганченко [7], А. К. Измоденова [6], Н. В. Локшина [8].

Материалы и методы

С целью изучения системы государственно-частного партнерства были реализованы методы анализа документов, статистического анализа, сравнения. В качестве эмпирической базы исследования использовались нормативно-правовые источники РФ по теме исследования, данные аналитических отчетов министерств и ведомств, данные статистики.

Таким образом, на основе анализа развития проектов государственно-частного партнерства выделены проблемы в области реализации проектов. Выявлена роль повышения управляемости и совершенствования инструментов оценки проектов государственно-частного партнерства в целях дальнейшего улучшения межведомственного взаимодействия и снижения бюрократизации в отношениях государства и частных партнеров.

Результаты и обсуждение

Термин «государственно-частное партнерство» появился в России сравнительно недавно, в 1990-х гг., получив актуальность и развитие в связи с принципиальным изменением политической системы, становлением государства, построенного на других началах.

Предпосылки к развитию института государственно-частного партнерства были обусловлены, в первую очередь, требованием времени, началом новой эпохи после распада СССР. Новому государству — Российской Федерации — потребовались реальные

инструменты и, прежде всего, направления для развития механизма выполнения всех областей государственного управления. В 90-е гг. остро ощущалась нехватка ресурсов материальных, финансовых и информационных, одновременно с этим начал свое развитие частный бизнес, что требовало усиления контроля со стороны государства [1].

Между тем при всем понимании важности создания нового механизма взаимодействия долгие годы не было четкого понимания, куда требуется направить усилия по развитию такого инструмента. Длительное время считалось, что принимать серьезно потенциал взаимодействия государства и власти вовсе не стоит, поскольку устоявшаяся практика работы при командно-административной системе оказывала слишком сильное влияние даже при установлении нового курса.

Другой предпосылкой стала необходимость регулирования наступившего экономического кризиса в стране. Была установлена направленность экономики на либерализацию, реформаторы стремились к снижению степени влияния публичной власти на экономические процессы, в том числе на частное предпринимательство [2]. Однако нужда в инвестициях потребовала законодательного регулирования и пересмотра «архитектуры» реализации проектов и их финансирования.

В начале XXI в. необходимость развития точек соприкосновения, взаимодействия между государством и бизнесом получила подтверждение как со стороны органов государственной власти, так и со стороны предпринимателей, собственников бизнеса. Результатом закрепления нового курса развития партнерских отношений стало принятие Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ [9].

На сегодняшний момент точного и единого термина «государственно-частное партнерство» в литературе не обозначено. Разные авторы трактуют данный термин по-своему, ряд наиболее актуальных и часто используемых в исследованиях определений приведен далее.

Согласно Л. В. Локшину, «государственно-частное партнерство — это область взаимодействия государственных органов власти (обычно — исполнительных) и представителей бизнес-сообщества в целях реализации социально или промышленно важных проектов». Такие проекты обладают определенной значимостью для всего общества и могут затрагивать как социальную сферу, так и сферу промышленного производства [8]. Исходя из представлений исследователя о термине «государственно-частное партнерство», у данного понятия есть некоторые характерные черты. Проекты государственно-частного партнерства, по мнению Л. В. Локшина, должны быть закреплены юридически, иметь достаточно срочный характер (в этом отличие от федеральных и региональных программ), и самые главные их критерии — значимость для общества и особый характер финансирования (большая часть финансирования предоставляется частным партнером или стороной).

Как считает Е. И. Марковская, данный перечень не является полным: в структуру элементов государственно-частного партнерства следует обязательно добавлять механизм наделения частного партнера гарантиями от государства [3].

Многие авторы рассматривают взаимодействие государства и бизнеса несколько шире. Так, Т. Г. Шелкунова справедливо отмечает, что сегодня государственно-частное партнерство — это реальный работающий экономический инструмент, который государство использует для того, чтобы достигать ряд социально важных целей, например связанных с повышением уровня и качества жизни населения [5].

Сложно не согласиться и с мнением В. В. Смирновой, утверждающей, что «достижение цели повышения качества и уровня жизни граждан немислимо без построения оптимальной социальной инфраструктуры, что требует серьезных финансовых ресурсов, которых в государстве может не хватать».

Некоторые авторы, например А. К. Измоденов, указывают и на то, что механизм партнерства служит, прежде всего, целям выравнивания возможностей регионального развития, что имеет особую значимость для большой территории России [6].

На фоне современного финансового кризиса, который непосредственно затронул Россию, институт государственно-частного партнерства получил очередной виток развития. Активно стали не только публиковаться результаты различных исследований в данной области, но и стали видны практические положительные результаты данного взаимодействия.

Кроме того, динамика в политической ситуации в стране, неопределенность во внешней политике и мире, потеря некоторых политических и экономических связей заставляют государства искать новые источники связей и стимулировать развитие государственно-частного партнерства на всех уровнях управления, в том числе и на региональном, местном. Экономические санкции и политическая изоляция стали стимулом развития партнерских отношений между государством и инвесторами, происходит «перелив» ресурсов и смена направленности инвестиций на российские рынки.

Негативное влияние в условиях расширяющихся санкций оказал и уход иностранных партнеров. С одной стороны, актуальным становится поиск новых партнеров и ресурсов в короткие сроки, с другой стороны, построение доверительных отношений требует времени и привлечения бюджетных средств. Как показал анализ материалов, поменялась структура реализации механизмов партнерства в сторону социальной сферы, изменения в законодательстве за последние три года демонстрируют расширение сфер применения механизмов государственно-частного партнерства, удовлетворяя социальные и экономические интересы общества, при этом ужесточая требования к партнерам и партнерству.

Очевидно, что построение современной рыночной экономики немислимо без механизма взаимодействия в системе «государство и бизнес». Так, развитие механизма партнерства было названо В. В. Путиным основой для посткризисного развития регионов [10], тем самым вопрос о необходимости и важности данного института был закрыт.

Премьер-министр М. В. Мишустин в рамках оперативного совещания 22 марта 2022 года рассказал об улучшении работы механизма государственно-частного партнерства: «Мы продолжим совершенствовать и условия реализации инвестиционных проектов на территории нашей страны. Внесем ряд изменений в законодательство, которые улучшат работу механизма государственно-частного партнерства. О необходимости активнее использовать эту форму сотрудничества говорил президент, а возмож-

ные изменения существующей практики неоднократно обсуждались с представителями делового и экспертного сообществ» [11].

Государственно-частное партнерство в России предполагает развитие механизмов, определяющих его формы и модели. На сегодняшний день опыт российского партнерства приобрел следующие формы (рис. 1).

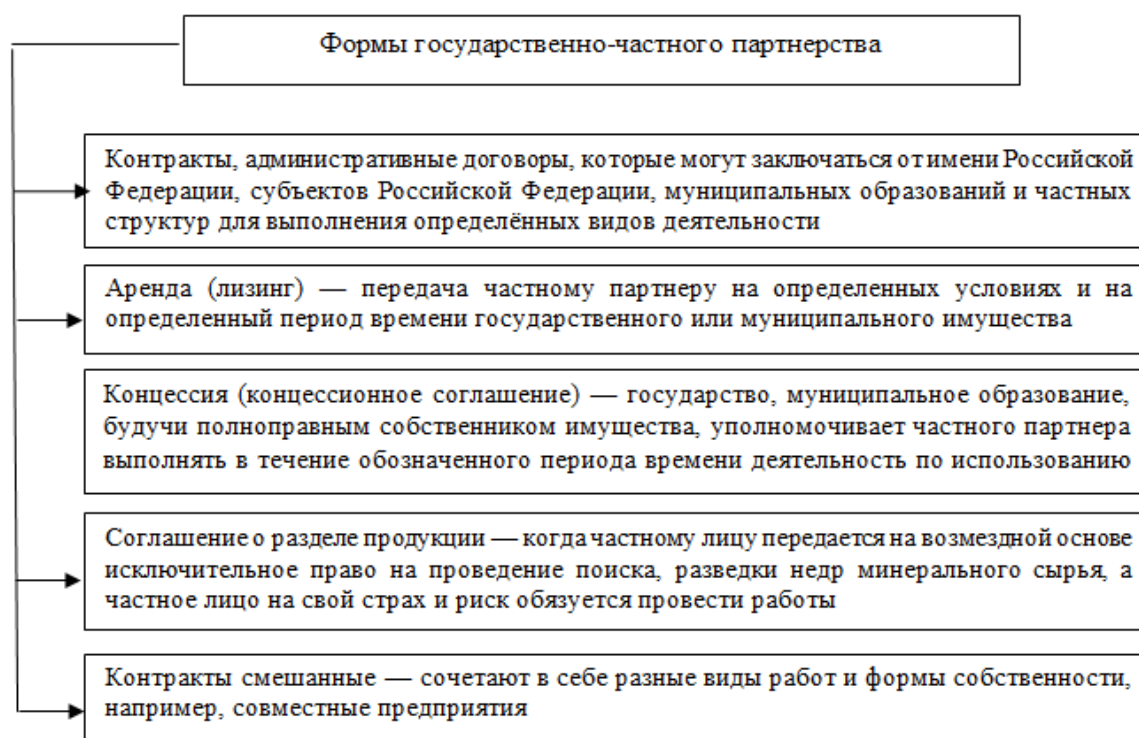

Рис. 1. *Формы государственно-частного партнерства в российской практике*

Необходимо акцентировать внимание на том, что в основании системы планирования находятся стратегии государственного социально-экономического и политического развития на всех уровнях, однако первое является приоритетным. В связи с необходимостью актуализации и повышения гибкости в реализации планов партнерских проектов нужно вводить более гибкую систему пересмотра и периодичность актуализации государственных программ с учетом факторов внешней и внутренней среды.

Несмотря на разнообразие и сложность перечисленных форм, все государственно-частные проекты можно объединить в три базовые формы, которые представлены в порядке убывания их доли в общей совокупности проектов ГЧП:

- во-первых, это концессии (concession type contracts), срок которых составляет от 20 до 25 лет и более;
- во-вторых, контракты на основе лизинга/аренды (lease (rent) type contracts), срок которых составляет в среднем от 10 до 15 лет;

- в-третьих, контракты на выполнение работ и услуг, контракты на управление, распоряжение (administrative contracts), срок такого контракта составляет от 1 до 3 лет.

Для программирования социально-экономического развития (СЭР) субъектов, стимулирования государственно-частного партнерства требуется единая система критериев, по которым будет производиться принятие решений. Естественно, данная система требует доработки, стоит в нее включить критерии отбора для определения приоритетных направлений для государственно-частного партнерства. На сегодняшний день действует сложная система нормативно-правовой базы планирования проектов в механизме государственно-частного партнерства (рис. 2).

Рис. 2. Основные нормативно-правовые документы планирования государственно-частного партнерства

Вполне логично, что главным импульсом целеполагания в планировании и прогнозировании являются послания Президента Российской Федерации.

Изменения в политической системе за последние 3 года привели к серьезным переменам в законодательстве, так внесены изменения в следующие базовые документы: Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве» от 11.06.2022 года; Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 29.12.2022 года. Следует отметить, что в 2022 году произошло восстановление динамики развития и объемов проектов государственно-частного партнерства (рис. 3).

По данным ресурса «Росинфра», коммерческое закрытие в 2022 году прошли 316 проектов в форме концессионных соглашений, смешанных государственно-частных партнерств (СГЧП) и смешанных муниципально-частных партнерств (СМЧП) с общим объемом инвестиций 702,7 млрд руб., из которых 433,1 млрд руб. — частные средства. Это серьезный рост за последние 5 лет и рекордные показатели за последние три года. Всего по итогам 2022 года в России на различных этапах реализации находятся не менее 4 098 проектов как в формате классического государственно-частного партнерства (концессионные (КС) и СГЧП / СМЧП), так и квази-ГЧП, к которым относятся специальные инвестиционные контракты (СПИК), соглашения о защите и поощрении капиталных вложений (СЗПК), договоры аренды государственного имущества с инвестиционными обязательствами, с совокупным объемом общих инвестиций 6 трлн руб., из которых 4,3 трлн руб. составляют средства частных инвесторов.

В соответствии с последними отчетами «Национального центра государственно-частного партнерства» в Российской Федерации в 2022 г. реализовывалось 452 проекта в социальной сфере (рис. 3).

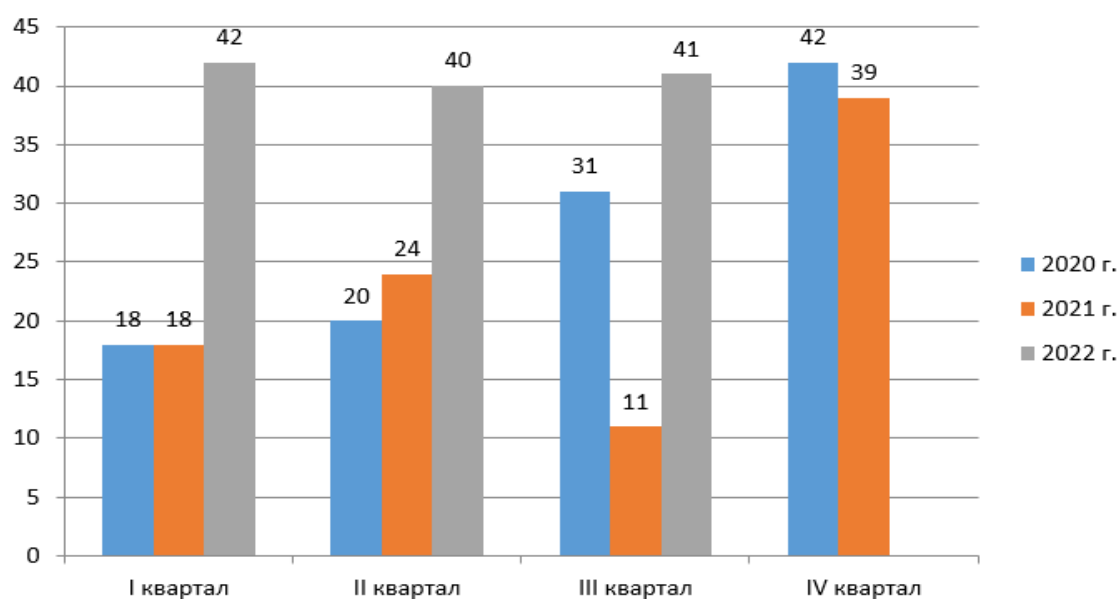

Рис. 3. Динамика рынка государственных и частных инвестиций в форме государственно-частного партнерства в 2020–2022 гг.

Денежный оборот составил 250 млрд руб., из которых 170 млрд руб. — это инвестиции со стороны бизнеса [12]. Как уже говорилось ранее, в России 2022 год стал рекордным по реализации проектов государственно-частного партнерства. Можно констатировать тот факт, что за 3 года инвестиции выросли в первом квартале в 2,3 раза, во втором — в 2 раза, в третьем — на треть. Больше всего проектов, а именно треть, реализуется в сфере здравоохранения, еще треть — в области культуры и туризма, остальная часть — в сфере социального обслуживания и в спорте.

Важно отметить, что ежегодно около 85 % проектов государственно-частного партнерства — это проекты по строительству детских садов, школ, больниц [12]. На рисунке 4 представлено количество реализованных проектов ГЧП в социальной сфере РФ за 2022 год [12].

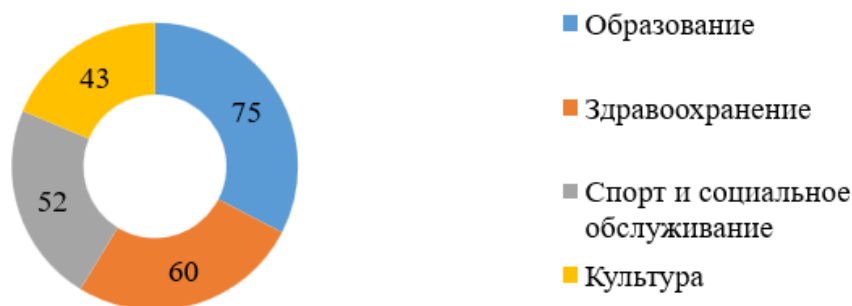

Рис. 4. Структура реализованных проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере Российской Федерации, в 2022 г., ед.

За I-е полугодие 2023 года в рамках государственно-частного партнерства в стране было подписано соглашений почти на 446 млрд руб. [13].

Если рассматривать Тюменскую область в реализации проектов государственно-частного партнерства в сравнении с другими субъектами Российской Федерации, то она займет 32-е место в общероссийском рейтинге и 3-е место среди 10 субъектов Сибирского федерального округа (СФО). Стоит отметить, что практика применения проектов в Тюменской области началась только 10 лет назад, но за этот период есть весьма значимые результаты (рис. 5).

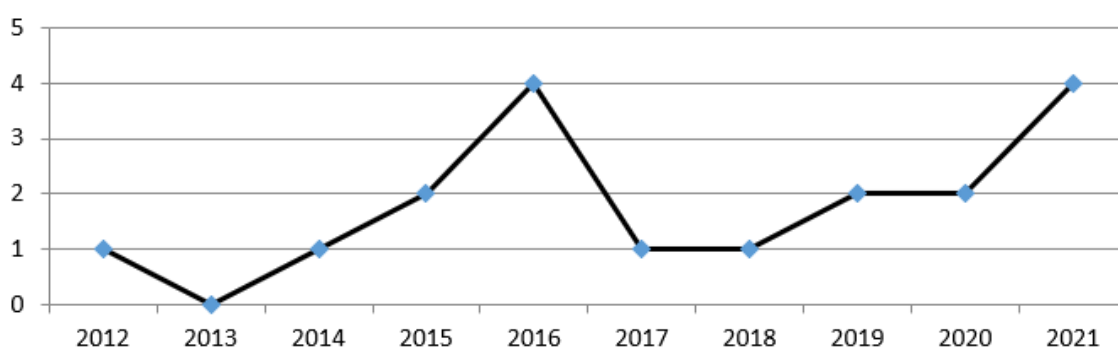

Рис. 5. Количество реализованных проектов государственно-частного партнерства в Тюменской области за период 2012–2021 гг., ед. [10]

Почти 44 % всех проектов государственно-частного партнерства, реализуемых в Тюменской области сегодня, имеют отношение к сфере жилищно-коммунального хозяйства, включая дорожную инфраструктуру [13].

Наиболее удобной формой ГЧП для региональных властей является концессионная форма, и Тюменская область здесь не исключение. На 2023 год в рамках государственно-частного партнерства прошли регистрацию и реализуется 19 проектов совместного участия в виде концессионных соглашений, более половины из которых стоимостью свыше 2 млн руб.:

- строительство (реконструкция, модернизация) централизованных систем водоснабжения и водоотведения муниципального образования Тюменского муниципального района;
- строительство (реконструкция, модернизация) централизованной системы холодного водоснабжения г. Тобольска «Реконструкция (строительство) закольцовки г. Жуковский — Соколовский водоводы»;
- строительство (реконструкция, модернизация) централизованной системы холодного водоснабжения г. Тобольска «Обеспечение водоотведением потребителей ТО «Левобережье»;
- строительство (реконструкция, модернизация) централизованной системы холодного водоснабжения г. Тобольска «Реконструкция водоочистных сооружений г. Жуковский НФС. Замена метода обеззараживания очищаемой воды города Тобольска в сфере водоснабжения»;
- строительство (реконструкция, модернизация) централизованной системы холодного водоснабжения г. Тобольска «Реконструкция сетей водоснабжения от ВК- 24 до ВК-4»;
- реконструкция объектов централизованной системы теплоснабжения г. Ялуторовска;
- реконструкция объектов централизованной системы теплоснабжения г. Ишима.

Концессия (концессионное соглашение) как наиболее распространенная форма имеет положительные особенности, которые заключаются в том, что государство (муниципальное образование) остается полноправным собственником имущества и только уполномочивает частного партнера выполнять в течение определенного срока функции в соответствии с соглашением. Частный партнер в данном случае гарантирует себе доходность и получает государственные гарантии возврата вложений. Согласно финансовой модели, инвестор в течение срока действия концессии, а это 10–20 лет, возвращает инвестиции с определенным уровнем дохода и корректировкой на фактический уровень инфляции.

В проектное финансирование входят, помимо прочего, выделение земель и обеспечение необходимыми ресурсами для строительства инженерных коммуникаций. Второе место занимает социальная сфера: в структуре заключенных контрактов — 17 % от общего числа проектов.

Исследование тенденций реализации механизмов государственно-частного партнерства позволило сформулировать ряд проблем.

- Нельзя не сказать об экономической ситуации в России как важном сдерживающем факторе. Инвесторы рассматривают экономическое сотрудничество как рис-

ковое и не вполне выгодное, даже при наличии государственных гарантий. Привлечение иностранных инвесторов затруднялось в том числе и из-за политического фактора [4].

- Трудности, решаемые на государственном уровне: длительность реализации проекта, бюрократические процедуры, долгосрочность проектов в условиях динамично изменяющейся среды и серьезной волатильности национальной валюты. Все это делает проекты рисковыми. В частности, мотивация инвесторов заключается в том, что постоянно растут цены и возникает необходимость пересматривать проект, что повышает его стоимость и отнимает время [6]. Долгосрочные проекты сегодня могут позволить себе только крупные компании, диверсифицированные компании, отвлечение денег в которых не сказывается на эффективности и устойчивости. Согласно аналитике сайта Росинфра, в 2022–2023 годах инвесторы в большей степени были заинтересованы в конкурсах, проводимых в коммунальной и энергетической сферах.

- В качестве проблемы российского рынка инвесторы называют высокую стоимость предпроектных работ, стадия разработки проекта требует затрат, а риски неподписания соглашения о государственно-частном партнерстве высоки. Для примера, в ряде европейских стран реализуются механизмы поддержки предпроектной фазы [8].

- Сложность и длительность рассмотрения проектов государственно-частного партнерства связывают с отсутствием четкой и понятной модели самого проекта, включающей единообразные структурные элементы и стандартные показатели для контроля со стороны органов власти и банковского сектора. Именно банковскому сектору предлагается сформировать эту модель, так как он накопил серьезные компетенции в структурировании и финансировании проектов ГЧП.

- Отсутствие/низкая квалификация специалистов в области ведения проектов государственно-частного партнерства. Сложность документооборота останавливает частных инвесторов от участия в социальных проектах, кроме того, как утверждают предприниматели, социальные проекты имеют не слишком высокую экономическую эффективность [7]. Налоговые льготы, предлагаемые государством, недостаточная мера привлечения частных партнеров, они не покрывают разницу по среднерыночной эффективности [14].

- Отсутствие единого инструментария для оценки эффективности проектов государственно-частного партнерства, современная методология оценки в основном сводится к сравнению плановых и достигнутых (фактических) показателей, что явно не отражает изменяющиеся потребности общественного и экономического развития.

Поэтому одним из предложений по развитию государственно-частного партнерства является заимствование опыта контрольно-счетных органов в методологии социально-экономической оценки проектов с точки зрения их эффективности и социальности, а также в анализе с точки зрения национальной и региональной безопасности.

Выводы

Применение механизмов государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов в социальной сфере имеет разносторонний характер и затрагивает законодательную, организационную и финансовую составляющие, меняется политический расклад сил в инвестиционной активности. Применяя механизмы государственно-частного партнерства в современной и постоянно изменяющейся среде, учитывая ограниченность ресурсов и санкционное давление, становится важным оценка проектов с точки зрения их своевременности, актуальности, экономической эффективности, социальности и безопасности. Такие аналитические инструменты имеются, они доказали свою эффективность и применимость для любых проектов. Кроме того, их заимствование в сферу государственно-частного партнерства позволит устранить противоречия между законодательными и исполнительными органами власти в дублировании многочисленных требований к проектам, а также повысит эффективность межведомственного взаимодействия.

Список источников

1. Купряшин, Г. Л. Кризисы трансформации государственного управления Российской Федерации (1990–2000) / Г. Л. Купряшин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2016. – № 1. – С. 100–139.
2. Хузина, Г. Г. Сущность трансформационного процесса в экономической системе / Г. Г. Хузина. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4(36). – С. 61–65.
3. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика : учебник и практикум для вузов / Е. И. Марковская, А. В. Луссе, А. А. Медведь [и др.] ; под общей редакцией Е. И. Марковской. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 491 с. – (Высшее образование). – Текст : непосредственный.
4. Городнова, Н. В. Повышение качества жизни населения в современных экономических условиях России / Н. В. Городнова, Н. А. Самарская. – DOI 10.24411/2077-7639-2019-10031. – Текст : непосредственный // Дискуссия. – 2019. – № 3 (94). – С. 48–58.
5. Шелкунова, Т. Г. Совершенствование государственно-частного партнерства в России / Т. Г. Шелкунова, А. В. Двадненко. – DOI 10.24412/2411-0450-2021-11-3-178-181. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес : теория и практика. – 2021. – № 11–3 (81). – С. 178–181.
6. Измоленов, А. К. Государственный аудит эффективности исполнения бюджета : учебное пособие / А. К. Измоленов, А. В. Курдюмов ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного экономического университета, 2020. – 125 с. – Текст : непосредственный.

7. Ганченко, Д. Н. Государственный аудит как механизм системы государственного управления / Д. Н. Ганченко. – DOI 10.18334/ce.16.2.114238. – Текст : непосредственный // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 865–880.
8. Локшин, Н. В. Модели механизма финансирования проектов государственно-частного партнерства и особенности их функционирования / Н. В. Локшин. – DOI 10.22394/2070-8378-2020-22-4-17-26. – Текст : непосредственный // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 4(126). – С. 17–27.
9. Российская Федерация. Законы. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 224-ФЗ : [Принят Государственной Думой 1 июля 2015 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года]. – Москва, 2015. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660. – Текст : электронный (дата обращения: 25.08.2023).
10. Путин : Моногорода нуждаются в особой поддержке. – Текст : электронный // Вести.Ru : сайт. – 2009. – 14 сен. – URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2267545> (дата обращения: 28.08.2023).
11. Премьер-министр Михаил Мишустин сообщил о совершенствовании механизма государственно-частного партнерства. – Текст : электронный // Росинфра : сайт. – 2022. – 2 мар. – URL: <https://rosinfra.ru/news/premer-ministr-mihail-misustin-soobsil-o-soversenstvovanii-mehanizma-gosudarstvenno-castnogo-partnerstva> (дата обращения: 25.08.2023).
12. Национальный Центр ГЧП и ВЭБ РФ подвели итоги рейтинга 100 городов по государственно-частному партнерству. – Текст : электронный // РОСИНФРА : сайт. – 2021. – 7 апр. – URL: <https://rosinfra.ru/news/nacionalnyj-centr-gcp-i-vebrf-podveli-itogi-rejtinga-100-gorodov-po-gosudarstvenno-castnomu-partnerstvu?ysclid=lfpbmbloav234843482> (дата обращения: 25.08.2023).
13. Гришков, А. Объем инвестиций в проекты с госучастием в РФ в 2023 г. может вырасти в 1,3–1,5 раза / А. Гришков. – Текст : электронный // Ведомости : сайт. – 2023. – 25 авг. – URL: <https://spb.vedomosti.ru/forum/articles/2023/08/25/991840-gchp-poshlo-rost> (дата обращения: 31.08.2023).
14. Скифская, А. Л. Теоретические и практические аспекты реализации функций государственного аудита и финансового контроля : монография / А. Л. Скифская, К. Н. Скифская, Ю. П. Савицкая ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет». – Тюмень : ТИУ, 2021. – 170 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Kupryashin, G. L. (2016). Crises of the Transformation of Public Administration of the Russian Federation (1990-2000). Moscow university bulletin. Series 21. Public administration, (1), pp. 100-139. (In Russian).

2. Khuzina, G. G. (2010). The essence of a transformation process in the economic system (Russia, Kazan'), (4(36)), pp. 61-65. (In Russian).
3. Markovskaya, E. I., Lusse, A. V., Medved', A. A., Molostova, A. A., Privalov, N. G., Radushinskaya, A. I.,... Kholodkova, V. V. (2019). *Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Teoriya i praktika: uchebnik i praktikum dlya vuzov*. Moscow, Yurayt Publ., p. 491. (In Russian).
4. Gorodnova, N. V., & Samarskaya, N. A. (2019). Improving the quality of life of the population in the current economic conditions of Russia. *Discussion*, (3(94)), pp. 48-58. (In Russian). DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10031
5. Shelkunova, T. G., & Dvadenko, A. V. (2021). Improving public-private partnerships in Russia. *Economy and business: theory and practice*, (11-3(81)), pp. 178-181. (In Russian). DOI: 10.24412/2411-0450-2021-11-3-178-181
6. Izmodenov, A. K., & Kurdyumov, A. V. (2020). *Gosudarstvennyy audit effektivnosti ispolneniya byudzheta: uchebnoe posobie*. Yekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet Publ., 125 p. (In Russian).
7. Ganchenko, D. N. (2022). State audit as a public administration mechanism. *Creative economy*, 16(2), pp. 865-880. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.16.2.114238
8. Lokshin, N. V. (2020). Models of financing mechanism for public-private partnership projects and the specifics of their functioning. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 22(4(126)), pp. 17-26. (In Russian). DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-4-17-26
9. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon No 224-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
10. Putin: Monogoroda nuzhdayutsya v osoboy podderzhke (2018). (In Russian). Available at: <https://www.vesti.ru/finance/article/2267545>
11. Prem'er-ministr Mikhail Mishustin soobshchil o sovershenstvovanii mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. (2022). (In Russian). Available at: <https://rosinfra.ru/news/premer-ministr-mihail-misustin-soobsil-o-soversenstvovanii-mekhanizma-gosudarstvenno-castnogo-partnerstva>
12. Natsional'nyy Tsentr GCHP i VEB.RF podveli itogi reytinga 100 gorodov po gosudarstvenno-chastnomu partnerstvu (2021). (In Russian). Available at: <https://rosinfra.ru/news/nacionalnyj-centr-gcp-i-vebrf-podveli-itogi-rejtinga-100-gorodov-po-gosudarstvenno-castnomu-partnerstvu?ysclid=lfpbmbloav234843482>
13. Grishkov A. Ob'em investitsiy v proekty s gosuchastiem v RF v 2023 g. mozhет vyrasti v 1,3-1,5 raza. (2023). (In Russian). Available at: <https://spb.vedomosti.ru/forum/articles/2023/08/25/991840-gchp-poshlo-rost>
14. Skifskaya, A. L., Skifskaya, K. N., & Savitskaya, Yu. P. (2021). *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii funktsiy gosudarstvennogo audita i finansovogo kontrolya: monografiya*. Tyumen, TIU Publ., 170 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Скифская Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, skifslaya@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2461-9030>

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, директор Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Шестаков Сергей Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2637-3678>

Anna L. Skifskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, skifslaya@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2461-9030>

Lamara L. Mehrishvili, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Humanitarian Sciences and Technologies, Industrial University of Tyumen, Director, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Sergey A. Shestakov, Doctor of Politics, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2637-3678>

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 08.06.2023.

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 08.06.2023.

УДК 37.04 + 159

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-98-111

Признаки стресса у студентов: на основе анкетных данных обучающихся Тюменского индустриального университета

Л. Н. Шабатура, Н. В. Омелаенко*, О. Е. Яцевич

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**omelaenkonv@tyuiu.ru*

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу признаков стресса у обучающихся Тюменского индустриального университета. Цель исследования — изучить признаки стресса у обучающихся высшей школы. Авторы рассмотрели понятие «стресс», изучили физиологические, эмоциональные, интеллектуальные и поведенческие признаки стресса у студентов. Анализ изученной литературы позволил выявить факторы, которые приводят молодежь к стрессу. Для этой цели был проведен анкетный опрос весной 2023 года, в котором приняли участие 194 респондента в возрасте от 17 до 30 лет. Опрос и обработка данных были проведены с помощью онлайн-платформы Survio. Полученные результаты исследования позволили сделать вывод о наличии интеллектуальных, поведенческих, эмоциональных и физиологических признаков стресса у студентов. Половина опрошенных респондентов испытывают стресс, который может быть вызван не только учебной деятельностью, но социальными, экономическими и политическими условиями, а также зависит от личности, образа жизни студентов и других факторов. В этой связи были предложены основные направления, помогающие купировать стресс и управлять им в образовательном пространстве.

Ключевые слова: стресс, здоровье, молодежь, копинг-стратегии

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта, зарегистрированного в Единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, имеющего регистрационный номер: 122070700086-9.

Авторы выражают благодарность рецензентам за ценные замечания и предложения, которые способствовали улучшению статьи.

Для цитирования: Шабатура, Л. Н. Признаки стресса у студентов: на основе анкетных данных обучающихся Тюменского индустриального университета / Л. Н. Шабатура, Н. В. Омелаенко, О. Е. Яцевич. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-3-98-111 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 3. — С. 98–111.

Signs of stress among students: a case study of questionnaire data from the students of the Industrial University of Tyumen

Lyubov N. Shabatura, Nataliya V. Omelaenko*, Olga E. Yatsevich

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**omelaenkonv@tyuiu.ru*

Abstract. The study is devoted to the analysis of the signs of stress among students of Industrial University of Tyumen. The aim of the study is to examine the signs of stress among them. The authors looked at the concept of

"stress", examining physiological, emotional, intellectual and behavioural signs of stress among students. An analysis of the studied literature made it possible to identify the factors that lead young people to stress. For this purpose, a questionnaire survey was conducted in the spring of 2023 with 194 respondents between the ages of 17 and 30. The survey and data processing were conducted through the online platform Survio. The results of the study concluded that there were cognitive, behavioural, emotional and physiological signs of stress. Half of the surveyed respondents experienced stress, which could be caused not only by academic activities, but also by social, economic and political conditions, and depended on the personality, lifestyle of students and other factors. In this regard, the key focuses were proposed that help to jugulate and manage stress in the educational space.

Keywords: stress, health, youth, coping strategies

Acknowledgments: The study was carried out as part of the project registered in the Unified State Information System for Accounting of Civil Research, Development and Technological Works, having the registration number: 122070700086-9.

The authors would like to thank the reviewers for their valuable comments and suggestions, which helped to improve this article.

For citation: Shabatura, L. N., Omelayenko, N. V., & Yatsevich, O. E. (2023). Signs of stress among students: a case study of questionnaire data from the students of the Industrial University of Tyumen. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 98-111. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-3-98-111

Введение

Главной задачей высшего образования является подготовка не только успешного и хорошо образованного специалиста, способного решать профессиональные задачи, но и личности, которая обладала бы хорошим здоровьем и могла преодолевать стресс.

В настоящее время количество научных работ, посвященных различным факторам стресса у студентов, множится, поскольку появляются новые ниши для перспективных исследований, такие как влияние самоизоляции на психологическое здоровье студентов и сохранение их мотивации к обучению в изменяющихся условиях социальной реальности; работа и обучение. В связи с вышесказанным, можно утверждать, что проблема стресса остается привлекательной для исследователей, поскольку стресс является спутником жизни обучающихся, ставя тем самым студенческую молодежь в группу риска развития стрессовых состояний, которые возможно купировать, применяя превентивные практики.

Анкетирование и анализ результатов в студенческих группах обучающихся Тюменского индустриального университета не только помогает узнать психологическое состояние современного студента, но и скорректировать мероприятия, направленные на его улучшение и сохранение.

Современные ученые много времени и сил тратят на изучение предикторов стресса. Ниже приведены некоторые примеры исследований зарубежных авторов, направивших свою деятельность на изучение стресса и его проявлений, затрагивающих как локальные студенческие группы, так и различные предикторы такого состояния.

Бразильские ученые М. С. М. М. Давид, Ж. Р. Виейра и др. посвятили свою работу анализу предикторов стресса. Исследование показало, что к предикторам

стресса можно отнести возраст, пол, доход, академический семестр, которые влияют, по их мнению, на стресс у студентов [1].

Л. Ли, Р. Ханг и другие ученые из Китая полагают, что существует взаимосвязь между стрессом и депрессией. Реакция на стресс оказывает опосредованное влияние на депрессивность студентов профессионального медицинского училища. Исследователи выявили, что просоциальное поведение (поведение, которое приносит пользу другому человеку) уменьшало депрессию, так как помощь другим людям наполняла жизнь человека новым смыслом и помогала забыть о собственных проблемах [2].

Каждый человек воспринимает стресс по-своему, в зависимости от своего характера, мышления и личности — так считает группа исследователей в составе М. Куигли, А. Брэдли, Д. Плэйфута и Р. Харрад. Особое внимание ученые уделили изучению онлайн-обучения студентов и его эффективности в зависимости от типа личности. Личностные качества, считают исследователи, влияют на онлайн-активность. Изучив тип личности учащихся, можно использовать индивидуальный подход к обучению и разные дидактические методы работы с ними [3].

К стрессу часто склонны люди, которые не умеют самостоятельно с ним справляться. Это подтверждают ученые из Японии и Кореи [4; 5]. Исследуя мнения студентов по проблеме стресса, они пришли к заключению, что люди, которые обладают низким уровнем эгоустойчивости (легко поддаются фрустрации из-за трудностей и неудач) имеют высокий уровень стресса. Личность может легко преодолевать стресс, если владеет стратегиями управления стрессом и прилагает усилия для изменения своего поведения при встрече со стрессорами.

Д. С. Стивенсон и У. Акрам выявили взаимосвязь между самокритичным мышлением и перфекционизмом студентов, которые проходят обучение в британских университетах. Они предположили, что самокритичное мышление усиливает переживание ощущаемого стресса у студентов университета. Мероприятия, проводимые педагогами и направленные на снижение уровня самокритичности, могут оказаться полезными для предотвращения начала стресса [6].

Таким образом, современные исследования в основном посвящены факторам, которые вызывают стресс: социально-экономическим условиям, образу жизни студентов, их психическому (эмоциональному) здоровью, типу личности, условиям обучения, окружающей среде (климату) и др.

Однако в настоящее время почти нет исследований, в которых бы изучались комплексно признаки стресса у студентов, а именно физиологические, эмоциональные, поведенческие и интеллектуальные, которые помогают определить, находятся ли они в стрессе и как им выйти из этого состояния. Исследования такого характера необходимы для того, чтобы лучше понять и определить причины снижения мотивации к обучению, плохую успеваемость, пропуски занятий и изменения в поведении студентов, а также выявить студентов, которым требуется психолого-педагогическое сопровождение.

Цель исследования — изучить признаки стресса у обучающихся высшей школы.

Задачи исследования: рассмотреть понятие стресса; выявить физиологические, эмоциональные, поведенческие и интеллектуальные признаки стресса; на основе

вторичных исследований изучить факторы, которые приводят к стрессу; предложить основные способы управления стрессом в образовательном пространстве.

Цель и задачи исследования позволяют выдвинуть следующую **гипотезу**: стресс способен трансформировать поведение обучающихся, оказывать влияние на работоспособность, на интерперсональные отношения между другими членами общества, влиять на когнитивные, физические и иные виды деятельности молодежи.

Литературный обзор

Выбор методологической основы продиктован научными работами отечественных и зарубежных ученых, направивших свою деятельность на изучение стресса: теория организационного стресса Г. Селье [7], В. Зигерта и Л. Ланга [8]; теория управления стрессом Дж. Гринберга [9]; теория социальных систем и социального действия Т. Парсонса [10; 11]; теория аномии Э. Дюркгейма [12]; постструктурализм и постмодернизм Т. Абея [13], В. Коккерема [14], П. Бурдые [15]. Вышеназванные теории будут ключевыми для решения практических задач в вопросах изучения стресса и основных факторов, которые приводят к депрессии и тревожности.

Согласно теории социальных систем Т. Парсонса, все части и процессы в обществе тесно взаимосвязаны, следовательно, человек и его поведение меняется и приспосабливается к новым требованиям и вызовам окружающей среды [10]. Современные вызовы изменяют поведение человека, которое включает в себя цель (то есть оно обусловлено ситуацией, правилами и нормами в обществе) и мотивацию, базирующуюся на энергии, которая затрачивается на выполнение какого-либо действия. Действие человека направлено на удовлетворение не только своих физиологических потребностей, но и нефизиологических — духовных, эстетических и др. [11]. Однако в период трансформации удовлетворение этих потребностей сопряжено с рядом ограничений, которые не все готовы принять. В этой связи, по мнению Э. Дюркгейма, в переходный и кризисный период в обществе возникает аномия — нормативный вакуум, при котором закрепленные ранее социальные нормы и ценности перестают быть валидными, а новые еще не обозначились обществом [12].

Именно такую ситуацию можно было наблюдать в разгар пандемии COVID-19, когда было неясно, какие методы лечения следует применять, какие профилактические формы наиболее эффективны для сдерживания и распространения новой, малоизученной инфекции. Для завершения аномии необходимо было создать законы, правила и нормы, которые бы приняли, разделяли и выполняли все члены общества. Но, как показывает опыт, это длительный процесс, поскольку принятые легитимные нормы члены общества часто игнорируют и отвергают, и только через некоторое время, осознав правильность принятых решений, социум приходит к согласию и единству.

Взгляды В. Коккерема позволяют понять механизм формирования коллективной модели поведения в контексте сохранения здоровья, выбор которой ограничен не только возрастом, социальной принадлежностью, но и сложившимися условиями пандемии [14].

При этом П. Бурдьё отмечал в своей работе «Distinction» право медицины реализовывать символическое насилие через навязывание своей системы значений, символов, знаний [15].

Таким образом, нарушение привычных норм, правил и стиля жизни приводит к развитию тревожности и стрессу человека, нарушению телесного, психологического и психического здоровья.

Т. Р. Глинн в 1910 году впервые описал стресс как состояние, которое означало особую реакцию организма человека на физическое и психологическое воздействие [16]. Позднее теория стресса более подробно была изложена Г. Селье. Он считал, что стресс определить трудно, так как люди оценивают его индивидуально, опираясь на свой опыт, знания и ощущения. Факторы, приводящие к стрессу, разнообразны, но реакция людей на стресс всегда одинаковая, поэтому стрессом можно считать ответ организма на событие, которое вызывает негативную реакцию. Изменения, которые происходят в организме во время стресса, заставляют человека адаптироваться, чтобы восстановить нормальное состояние, таким образом, потребность в ответной реакции на негативное воздействие является сущностью стресса [7].

Причины, которые связаны со стрессом при обучении в школе, колледже, вузе, Б. А. Ясько назвал организационным стрессом вследствие огромной физической или умственной нагрузки человека. Для организационного стресса характерно психическое напряжение, тесно связанное с преодолением тяжелых условий труда, большими затратами при исполнении профессиональных (учебных) задач в организации, а также поиском необычных решений при неожиданных обстоятельствах [17].

Основными предикторами возникновения организационного стресса являются индивидуальные особенности личности, межличностное взаимодействие на работе или в учебном заведении, а также психологический климат.

Среди причин, которые приводят к стрессу в процессе учебной или профессиональной деятельности, — страх не справиться с поставленными задачами и допустить ошибки, боязнь потерять работу и самого себя, нарушения, оказывающие влияние на безопасность труда, некомфортные условия, недостаток времени для выполнения необходимого объема работы, трудные и малознакомые задачи, несчастные случаи и стихийные бедствия, конфликты с руководителем, работа без выходных и отдыха, отсутствие поощрений и наказания, длительная изоляция и отсутствие общения, нарушение привычного рабочего распорядка дня.

В период вспышки различных заболеваний повышается уровень тревожности и стресса, особенно среди обучающихся. Поэтому считаем необходимым научить студентов адаптации и управлению стрессом. Для этой цели существуют разные механизмы, к ним, по мнению Е. В. Куфтяк, можно отнести психологическую защиту и копинг-поведение для уменьшения последствий стресса [18].

Р. Лазарус и С. Фолкман предложили свои стратегии выхода из стресса, о чем пишет в своей статье М. Р. Хачатурова. Первая направлена на анализ проблемы, составление плана для ее решения, обращение за помощью к другим и поиск информации. Вторая — эмоциональная — предполагает полное бездействие и стремление уйти от проблемы с помощью еды, алкоголя и др. Выбор стратегии зависит от типа личности и

конкретной ситуации. И человек выбирает первую стратегию, если ситуация ему кажется разрешимой, вторую — если он не видит выхода из создавшегося положения [19].

О многоступенчатых копинг-стратегиях, практикуемых американскими исследователями У. Вейтеном, М. Ллойдом и направленных на снижение уровня стресса, пишет Е. И. Рассказова совместно с коллегами. Суть первой стратегии — когнитивной адаптации — состоит в том, чтобы изменить отношение к негативной ситуации, например принять ее с юмором. Вторая стратегия — поведенческая адаптация — направлена на конструктивное решение проблемы с помощью поиска информации, обучения новым навыкам. Третья стратегия — эмоционально-ориентированная — включает работу над своими негативными эмоциями с помощью релаксации и других методик [20].

Для того чтобы определить, находится ли человек в состоянии стресса, психологи используют классификацию стрессорных реакций. Они делят их на поведенческие, интеллектуальные, эмоциональные и физиологические признаки стресса. Реакция на стресс оказывает влияние на поведение человека, что часто проявляется в нарушении психомоторики, в изменении образа жизни, в снижении производительности труда, в нарушении социальных и ролевых функций (конфликтное и агрессивное поведение). По мнению доктора психологических наук Ю. В. Щербатых, к поведенческим признакам стресса относятся низкая работоспособность, нарушение сна, дрожь в голосе, безразличное отношение к своему внешнему виду, изменение темпа речи и др.

Стресс оказывает влияние на интеллектуальную деятельность человека, что ухудшает память, внимание (трудно сосредоточиться), мышление (нарушение логики, снижение творческого потенциала) и др. Все эти признаки приводят к нарушению профессиональной и учебной деятельности, где нужно принимать решения и брать ответственность на себя. Иногда поиск выхода из сложившейся стрессовой ситуации не прекращается даже ночью, вызывая тревожные сны.

Физиологические проявления (признаки) стресса могут коснуться пищеварительной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем человека. Это выражено в боли в разных частях тела, в повышенной утомляемости, в снижении иммунитета, нарушении дыхания, в напряжении в мышцах и т. д.

Эмоциональные признаки стресса затрагивают психическую сферу человека — изменение эмоционального фона, выраженные негативные эмоции, изменение характера и тревожное состояние [21]. В случае особо затяжного стресса у человека развивается такое психическое расстройство, как депрессия. Несмотря на то что авторы исследования поставили этот показатель в раздел эмоциональных признаков стресса, можно предположить, что депрессия включает в себя и поведенческие, и интеллектуальные признаки.

Следует отметить, что вышеперечисленные признаки не являются универсальными, а их проявление зависит от типа личности, ее стрессоустойчивости, ее реакции на стресс и умения справляться со стрессовыми ситуациями.

Материалы и методы

В исследовании использован культурно-исторический подход, поясняющий онтогенез становления понятия «стресс». Частнонаучные методы и приемы исследования — интерпретация и анализ анкетных данных обучающихся Тюменского индустриального университета при помощи интернет-ресурса Survio, синтез полученных результатов исследования для определения симптомов стресса, которые студенты перечислили в качестве основных, и анализ факторов риска, вызывающих стресс в период трансформации и перемен. В представленном исследовании признаки стресса были выявлены с помощью методики, предложенной Ю. В. Щербатых.

Результаты и обсуждение

Весной 2023 года было проведено анкетирование, посвященное проблемам стресса, в нем приняли участие 194 обучающихся Тюменского индустриального университета 1–2 курсов очного и заочного отделений в возрасте 17–20 лет (76,7 %), 21–22 года (18,4 %), 23–25 лет (3,9 %), старше 26 лет (1 %). Для расчета выборочной совокупности и доверительного интервала использовалась онлайн-платформа Socioline.ru [22]. Генеральная совокупность — численность обучающихся Тюменского индустриального университета (26 000 человек, согласно данным официального сайта учебного заведения). Выборочная совокупность составила 194 человека. В связи с тем, что выборка была небольшая, доверительная вероятность (точность) может быть понижена до 85 %, поэтому доверительный интервал составил 5,15 %.

На вопрос, касающийся интеллектуальных признаков стресса, 47 респондентов (45,6 %) отметили трудности, испытываемые при сосредоточении. Их можно назвать наиболее частым проявлением, которое, вероятно, связано с психологическим (потеря мотивации, монотонная единообразная деятельность) и физиологическим факторами (врожденные особенности нервной системы), а также с имеющимися проблемами со здоровьем. Нередко трудности с концентрацией могут быть обусловлены внешними факторами (шумом, светом, холодом, жарой и др.).

Второе место занимает преобладание негативных мыслей, о чем заявляют 44,7 % респондентов. Молодые люди склонны думать о различных стрессовых ситуациях или событиях, начиная с повседневных поверхностных, заканчивая более глубокими, философскими экзистенциальными проблемами.

Очень часто молодое поколение закикливается на одной и той же проблеме (39,8 %), что может быть связано с неприятием своей внешности или существующей ситуации в обществе и невозможностью ее изменить, с неприятием себя в коллективе и многими другими причинами.

29,1 % обучающихся выбрали такую позицию, как нежелание взять ответственность на себя, потому что так проще из-за возможных ошибок или негативных последствий от тех или иных ситуаций.

Цепочку интеллектуальных признаков стресса замыкают плохие сны, кошмары, на которые указали 19,4 % опрошенных, что может быть результатом посттравматического синдрома, депрессии, недостатка отдыха, неупорядоченного режима дня, приема лекарственных препаратов или неоткорректированного пищевого поведения (табл. 1).

Вопросы, включенные в анкету, являются по своей структуре поливариантными, что предусматривает выбор нескольких значимых показателей, в сумме превышающих 100 %, и находит свое отражение в нижеследующих таблицах.

Таблица 1

Какие интеллектуальные признаки стресса вы испытываете в стрессовой ситуации?

Показатель	Количество ответивших, чел.	Соотношение, %
Трудно сосредоточиться	47	45,6
Негативные мысли	46	44,7
Зацикливание на одной и той же проблеме	41	39,8
Трудности в принятии решений	31	30,1
Нежелание взять ответственность на себя	30	29,1
Расстройство внимания	29	28,2
Ухудшение памяти	25	24,3
Поспешные решения	22	21,4
Нарушение логики	22	21,4
Сужение поля зрения	21	20,4
Ошибки в вычислении	21	20,4
Тревожные сны	20	19,4

Поведенческие признаки стресса (табл. 2) включали в себя также 12 показателей, где большее количество ответов заняли позиции, касающиеся низкой продуктивности деятельности (46,6 %), что можно связать с приобретением вредных привычек; неумением планировать свою деятельность; многозадачностью, когда человек пытается выполнить несколько заданий в один и тот же промежуток времени; отвлечением на гаджеты; неправильной расстановкой приоритетов и др. Потеряли аппетит или, наоборот, переедали 45,6 % респондентов. Отсутствие желания есть или чрезмерное потребление пищи являются тревожными симптомами и часто требуют вмешательства со стороны медицинского персонала.

Таблица 2

Какие поведенческие признаки стресса у вас обычно проявляются?

Показатель	Количество ответивших чел.	Соотношение, %
Низкая работоспособность	48	46,6
Потеря аппетита или переедание	47	45,6
Нарушение сна	32	31,1
Конфликтное поведение	30	29,1
Ошибки при выполнении привычных действий	30	29,1
Дрожь в голосе	29	28,2
Безразличное отношение к своему внешнему виду	28	27,2
Отсутствие свободного времени	27	26,2
Конфликтные ситуации на работе и в семье	24	23,3
Курение и употребление алкоголя	22	21,4
Изменение темпа речи	21	20,4
Отсутствие времени для общения с родными и друзьями	14	13,6

После вынужденной самоизоляции, объявленной в разгар эпидемии новой коронавирусной инфекции в 2019–2021 гг. молодежь стала иначе относиться к своему внешнему виду, отдавая предпочтение простым и практичным вещам. В этот же самый период сократились социальные контакты, люди стали меньше видаться и общаться, что, однако, волнует молодое поколение меньше всего (13,6 %).

Опираясь на результаты опроса, касающиеся эмоциональных признаков стресса (табл. 3), можно констатировать, что чувство беспокойства и повышенной тревожности характерно для половины опрошенных (56,3 %), прежде всего для обучающихся первых курсов, большая часть которых приняла участие в анкетировании. Тревожность студентов первого семестра — нередкое явление, поскольку они проходят этап адаптации к новым условиям, пытаются эмоционально приспособиться к своему окружению и ситуации, поэтому в этот момент студенты либо излишне замкнуты (34 %), либо, напротив, раскрепощены, все это может сопровождаться чувством отчужденности и одиночества (20,4 %).

Таблица 3

Какие эмоциональные признаки стресса для вас характерны?

Показатель	Количество ответивших, чел.	Соотношение, %
Беспокойство и повышенная тревожность	58	56,3
Мрачное настроение	45	43,7
Раздражительность, приступы гнева	40	38,8
Неуверенность	35	34
Депрессия	34	33
Безразличие	31	30,1
Неудовлетворенность жизнью	26	25,2
Низкая самооценка	23	22,3
Чувство одиночества	21	20,4
Подозрительность	19	18,4
Неуместный юмор	18	17,5
Потеря интереса к жизни	15	14,6

Отсутствие необходимого равновесия на психологическом, эмоциональном и интеллектуальном уровне может послужить причиной проблем на физиологическом уровне (табл. 4), что часто называют психосоматическими заболеваниями.

Нетипичным ответом для группы молодых лиц является дрожь в руках, судороги (26,2 %), ощущение напряжения в мышцах (13,6 %). Если тремор рук явление временное и связан с некоторым волнением и чувством переживания, то серьезно опасаться не стоит, поскольку концентрация внимания на других аспектах позволит быстро купировать данное состояние.

Респонденты отметили у себя кожные реакции (7,8 %) в результате стрессовых ситуаций. Подробно этот вопрос авторами не изучался.

Таблица 4

Какие физиологические признаки стресса Вы обычно испытываете?

Показатель	Количество ответивших, чел.	Соотношение, %
Повышенная утомляемость	55	53,4
Боль в разных частях тела	30	29,1
Дрожание рук	27	26,2
Потливость	24	23,3
Снижение иммунитета	17	16,5
Нарушение дыхания	16	15,5
Напряжения в мышцах	14	13,6
Нарушение процессов пищеварения	11	10,7
Быстрое увеличение или потеря веса тела	9	8,7
Появление аллергии	8	7,8

Выводы

Вышеописанное исследование подтверждает тот факт, что молодые люди, которые, казалось бы, переживают свои лучшие студенческие годы и не обременены семьей и детьми, так же, как и взрослые, испытывают стресс. У 50 % студентов выявлены интеллектуальные, поведенческие и эмоциональные признаки стресса, которые, несомненно, оказывают негативное влияние на их здоровье.

Анализ изученной литературы позволил выделить факторы, которые приводят к стрессу. К ним можно отнести социально-экономические условия, образ жизни студентов, их здоровье, тип личности, пол, возраст, доход, условия обучения, окружающую среду (климат), низкий уровень стрессоустойчивости и др.

Для сохранения здоровья обучающихся Тюменского индустриального университета, уменьшения негативного влияния стресса и для адаптации к быстро меняющимся условиям жизни, могут быть предложены следующие направления управления стрессом в образовательном пространстве.

1) Создание благоприятного психологического климата на занятиях, который бы учитывал индивидуальные особенности личности, что реализуется в стенах учебного заведения индивидуальными образовательными траекториями, которые ежегодно корректируются после проводимых мониторингов как самих обучающихся, так и профессорско-преподавательского состава.

2) Вовлечение обучающихся в досуговую деятельность (кружки и секции по интересам), а также возможность анонимного психолого-педагогического сопровождения, работающего в режиме круглосуточной горячей линии, и знакомство с копинг-стратегиями для преодоления стресса (изменение отношения к ситуации, поведенческая адаптация, методики релаксации для работы над негативными эмоциями).

Список источников

1. Predictors of stress in college students during the COVID-19 pandemic / M. C. M. M. David, G. R. Vieira, L. M. de Lima Leôncio [et al.]. – DOI 10.1016/j.jadr.2022.100377. – Direct text // *Journal of Affective Disorders Reports*. – 2022. – Vol. 10. – P. 100377.
2. Relationship between stress response and depression in vocational medical school students in the COVID-19 epidemic : A moderated mediation model / L. Li, R. Hang, L. Qin [et al.]. – DOI 10.1016/j.actpsy.2022.103617. – Direct text // *Acta Psychologica*. – 2022. – Vol. 227. – P. 103617.
3. Personality traits and stress perception as predictors of students' online engagement during the COVID-19 pandemic / M. Quigley, A. Bradley, D. Playfoot, R. Har-rad. – DOI 10.1016/j.paid.2022.111645. – Direct text // *Personality and Individual Differences*. – 2022. – Vol. 194. – P. 111645.
4. Moderating role of life skills for stress responses and COVID-19-related perceived stressors among high school student-athletes / Y. Yamada, H. Tsuchiya, K. Yamaguchi, E. Katagami. – DOI 10.1016/j.ajsep.2022.12.002. – Direct text // *Asian Journal of Sport and Exercise Psychology*. – 2022. – P. 1–7.
5. Park, Y. H. Stress, and coping strategy of university students during COVID-19 in Korea : The mediating role of ego-resiliency / Y. H. Park, I. H. Kim, Y. W. Jeong. – DOI 10.1016/j.actpsy.2022.103615. – Direct text // *Acta Psychologica*. – 2022. – Vol. 227. – P. 103615.
6. Stevenson, J. C. Self-critical thinking mediates the relationship between perfectionism and perceived stress in undergraduate students : A longitudinal study / J. C. Stevenson, U. Akram. – DOI 10.1016/j.jadr.2022.100438. – Direct text // *Journal of Affective Disorders Reports*. – 2022. – Vol. 10. – P. 100438.
7. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье ; перевод с английского А. Н. Лука, И. С. Хоролы ; под редакцией Е. М. Крепса ; предисловие Ю. М. Саарма. – Москва : Прогресс, 1979. – 124 с. – (Общественные науки за рубежом. Философия и социология). – Перевод изд.: *Stress without distress* / Hans Selye. Philadelphia, 1974. – Текст : непосредственный.
8. Зигерт, В. Руководить без конфликтов / В. Зигерт, Л. Ланг ; сокращенный перевод с немецкого ; научный редактор и автор предисловия А. Л. Журавлев. – Москва : Экономика, 1990. – С. 334. – Перевод изд.: *Führen ohne Konflikte* / Werner Siegert, Lucia Lang, Sindelfingen, 1985. – Текст : непосредственный.
9. Гринберг, Дж. С. Управление стрессом / Дж. С. Гринберг ; перевод с английского Л. Гительмана, М. Потапова. – 7-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 496 с. – Перевод изд.: *Comprehensive stress management* / Jerrold S. Greenberg. Dubuque, 1983. – Текст : непосредственный.
10. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; под общей редакцией В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – Москва : Академический Проект, 2002. – 877 с. – Перевод изд.: *Structura of Social Action* / Talcott Parsons. New York, London, 1937. – Текст : непосредственный.

11. Парсонс, Т. Социальные системы / Т. Парсонс ; перевод с английского В. Г. Николаева. – Текст : непосредственный // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2, Вып 1(2). – С. 38–71.
12. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; перевод с французского и послесловие Л. Б. Гофмана. – Москва : Наука, 1990. – 575 с. – (Социологическое наследие). – Текст : непосредственный.
13. Абель, Т. Социология : Основы теории / Т. Абель ; перевод с польского В. П. Макаренко. – 2-е изд. – Москва : Вузовская книга, 2006. – 192 с.
14. Cockerham, W. Conceptualizing contemporary health lifestyles : moving beyond Weber / W. C. Cockerham, A. Rütten, T. Abel. – DOI 10.1111/j.1533-8525.1997.tb00480.x. – Direct text // The Sociological Quarterly. – 1997. – Vol. 38, Issue 2. – P. 321–342.
15. Bourdieu, P. Distinction : A Social Critique of the Judgement of Taste / P. Bourdieu. – London : Routledge, 1984. – Перевод изд.: La Distinction : critique sociale du jugement / Pierre Bourdieu. Paris, 1979. – Direct text.
16. Эбзеева, Е. Ю. Стресс и стресс-индуцированные расстройства / Е. Ю. Эбзеева, О. А. Полякова. – DOI 10.21518/2079-701X-2022-16-2-127-133. – Текст : непосредственный // Медицинский совет. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 127–133.
17. Ясько, Б. А. Современные теоретические и методологические подходы к исследованию организационного стресса / Б. А. Ясько. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3 : Педагогика и психология. – 2013. – № 3 (123). – С. 163–167.
18. Защитная система личности и стресс : коллективная монография / Под редакцией Е. В. Куфтяк. – Москва : Мир науки, 2017. – URL: <http://izd-mn.com/PDF/18MNNPM17.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).
19. Хачатурова, М. Р. Совладающий репертуар личности : обзор зарубежных исследований / М. Р. Хачатурова. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 160–169.
20. Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции : психометрические характеристики и возможности применения методики cope / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 82–118.
21. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и методы коррекции : учебное пособие / Ю. В. Щербатых. – Санкт-Петербург : Питер. – 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.
22. Расчет размера выборки. – Текст : электронный // Socioline.ru : [сайт]. – URL: <https://socioline.ru/rv.php> (дата обращения: 27.07.2023).

References

1. David, M. C. M. M., Vieira, G. R., de Lima Leôncio, L. M., dos Santos Neves, L., Bezerra, C. G., de Mattos, M. S. B.,... de Matos, R. J. B. (2022). Predictors of stress in college students during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders Reports*, (10), p. 100377. (In English). DOI: 10.1016/j.jadr.2022.100377

2. Li, L., Hang, R., Qin, L., Liu, H., Liu, H., Hu, F.,... Huang, L. (2022). Relationship between stress response and depression in vocational medical school students in the COVID-19 epidemic: a moderated mediation model. *Acta Psychologica*, (227), p. 103617. (In English). DOI: 10.1016/j.actpsy.2022.103617
3. Quigley, M., Bradley, A., Playfoot, D., & Harrad, R. (2022). Personality traits and stress perception as predictors of students' online engagement during the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 194, p. 111645. (In English). DOI: Porg/10.1016/j.paid.2022.111645
4. Yamada, Y., Tsuchiya, H., Yamaguchi, K., & Katagami, E. (2022). Moderating role of life skills for stress responses and COVID-19-related perceived stressors among high school student-athletes. *Asian Journal of Sport and Exercise Psychology*, pp. 1-7. (In English). DOI: 10.1016/j.ajsep.2022.12.002
5. Park, Y. H., Kim, I. H., & Jeong, Y. W. (2022). Stress, and coping strategy of university students during COVID-19 in Korea: The mediating role of ego-resiliency. *Acta psychologica*, (227), p. 103615. (In English). DOI: 10.1016/j.actpsy.2022.103615
6. Stevenson, J. C., & Akram, U. (2022). Self-critical thinking mediates the relationship between perfectionism and perceived stress in undergraduate students: A longitudinal study. *Journal of Affective Disorders Reports*, 10, p. 100438. (In English). DOI: 10.1016/j.jadr.2022.100438
7. Selye, H. (1974). *Stress without Distress*. Philadelphia, Lippincott, 171 p. (In English).
8. Siegert, W., Lang, L (1985). *Führen ohne Konflikte*. Sindelfingen, Expert Verlag, 123 p. (In German).
9. Greenberg, J. S. (1983). *Comprehensive stress management*. Dubuque, W. C. Brown Co., 480 p. (In English).
10. Parsons, T. (1937). *Structura of Social Action*. New York, London, Me Graw Hill, p. VI. (In English)
11. Parsons, T. (2008). *Sotsial'nye sistemy. Voprosy sotsial'noy teorii*, 2, pp. 38-71. (In Russian).
12. Durkheim, E. (1990). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Moscow, Nauka Publ., 575 p. (In Russian).
13. Abel, T. (2006). *Sotsiologiya: Osnovy teorii*. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 192 p. (In Russian).
14. Cockerham, W. C., Rütten, A., & Abel, T. (1997). Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber. *Sociological Quarterly*, 38(2), pp. 321-342. (In English). DOI: 10.1111/j.1533-8525.1997.tb00480.x
15. Bourdieu, P. (1979). *La Distinction: critique sociale du jugement*. Paris, Les Editions de Minuit, 670 p. (In French).
16. Ebzeeva, E. Yu., & Polyakova, O. A. (2022). Stress and stress-induced disorders. *Medical Council*, 16(2), pp. 127-133. (In Russian). DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-2-127-133
17. Yasko, B. A. (2013). Modern theoretical and methodological approaches to the study of organizational stress. *The Bulletin of Adygei State University*, 3(123), pp. 163-167. (In Russian).

18. Kuftyak, E. V. (Ed). Zashchitnaya sistema lichnosti i stress: kollektivnaya monografiya. (In Russian). Available at: <http://izd-mn.com/PDF/18MNNPM17.pdf>
19. Khachaturova, M. R. (2013). Coping repertoire of personality: a review. Psychology. Journal of higher school of economics, 10(3), pp. 160-169. (In Russian).
20. Rasskazova, E. I., Gordeeva, T. O., & Osin, E. N. (2013). Coping strategies in the structure of activity and selfregulation: psychometric properties and applications of the cope inventory. Journal of higher school of economics, 10(1), pp. 82-118. (In Russian).
21. Scherbatykh, Yu.V. (2006). Psikhologiya stressa i metody korrektsii. St. Petersburg, Piter Publ., 256 p. (In Russian).
22. Raschet razmera vyborki. (In Russian). Available at: <https://socioline.ru/rv.php>

Информация об авторах / Information about the authors

Шабатура Любовь Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9426-9614>

Омелаенко Наталия Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, omelaenkonv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2381-2621>

Яцевич Ольга Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7971-6826>

Lyubov N. Shabatura, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Humanitarian Sciences and Technologies, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9426-9614>

Nataliya V. Omelaenko, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Industrial University of Tyumen, omelaenkonv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2381-2621>

Olga E. Yatsevich, Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7971-6826>

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 16.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 16.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке»:
<https://www.akc.ru/itm/izvestiy-a-vy-iss-hih-uc-hebny-ih-zavedeniy-sot-siologiy-a-y-ekonomika-politika/>

Дата выхода в свет 04.10.2023. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 7,29. Усл. печ. л. 14,0 Тираж 500. Заказ № 2697.
Распространяется по подписке. Цена свободная.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.